ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіевъ се буди
мати градамъ русскимъ
ВИЛЬНА
1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18 65/66

КНИЖКА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цензурою 18-го Мая 1866 года. Вильна.

X.

№ 12-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Уставъ общежитія, данный супрасльскому монастырю ктиторами его Іосифомъ Солтаномъ, митрополитомъ кіевскимъ, и Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ, маршалкомъ в. кн. литовскаго. 1510 г.

Указъ устава общаго монастыря у скрай (на берегу) рѣкы соупряслы.

Въсе святыхъ святого въ тройцы единаго всесилнаго Бога произволеніемъ, якоже преблагый господь нашъ Іисусъ Христосъ вся творитъ промышленіемъ нашему спасению и тотъ единый да просвѣтитъ и вразумитъ насъ, благодатію святого духа еже на пользу нашу въся строитъ:— Сего ради мы Іосифъ милостію божію архіепископъ митрополитъ кыевскій и галицкый и въсея руси, О церкви божіей имѣя попеченіе и богомъ порученнѣм ми стадѣ братства нашего иноческаго общего жительства. Хотючи създати монастыръ и благовѣрный и христолюбивый сынъ нашого смѣренія панъ Александеръ Ивановичъ Ходкевичъ маршалокъ госпо-

даря самодержавного короля и великаго князя Жикгимонта, съ нами единоумно съвѣщавше, хотя быти оба-два носполитые (общіе) ктиторы, тоя ново цъвътущіа ангелскыя ограды Промышленіемъ и даромъ господа нашего інсуса христа, и заступленіемъ царицы богородицы матере бога нашего, и ихъ святыя милости угодника святого апостола и евангелиста иоанна богослова, молитвами и помощію и въсѣхъ святыхъ угодившихъ христу богу. Похотѣхомъ единоумно нашею доброю волею и накладомъ (иждивеніемъ) сържити монастырь инокомъ мнишескаго общаго равножительства у пана александра ивановича ходкевича, у отчизной пущи блудовской, на край рѣки супряслы, на островѣ межи дву источниковъ водныхъ рѣчокъ грабовкы и березовки:—Въ лѣто 7018 (1510), индикта 14 при дръжавѣ господаря короля и великаго князя жикгимонта казимировича. Мы іосифъ митрополитъ, и панъ александръ ивановичъ, нашею любовію и желаніемъ, начахомъ създати сій монастырь общій, мѣсяца октовря. И напервей съоружена бысть церковь невелика теплаа, въ имя святого иоанна богослова, и трапеза на прихоженіе братіи. И освященна бысть таа церковь, преосвященнымъ митрополитомъ кыевскымъ и въсея руси іосифомъ, на обрѣтеніе святыя главы предтечи и крестителѣ іоанна, маіа 25 дне индикта 14. И потомъ съоружена бысть великаа церковь пречыстыя богоматере, честнаго ея благовѣщенія, съ предѣлы святыхъ мученикъ бориса и глѣба, нареченныхъ въ святомъ крещеніи романа и давида. И святыхъ преподобныхъ отецъ печерскыхъ антоніа и ѳеодосіа. Сіа же святыя божіа церкви освященны быша прѣосвященнымъ митрополитомъ кыевскымъ и въсеа руси.

Въ честь и хвалу и славу и покланяніе и пѣніе въседръжителной, единосущной тройцы, отцу и сыну и свя-

тому духу единому богу, А събраннымъ живущимъ въ сей святѣй лаврѣ посполито всему еже о христѣ братству обще въ купѣ живящимъ, на отпущеніе грѣховъ, и на спасеніе душамъ.' а отшедшимъ отъ тѣлесъ душамъ въ наслѣдіе царства небеснаго егоже и господь богъ сподобитъ и насъ всѣхъ получити о христѣ ісусѣ господи нашемъ, ему же слава в вѣкы аминь:—

И помовивши (переговоривши) о томъ и съ сыномъ нашимъ паномъ александромъ ивановичомъ ходкевичомъ, и съ всимъ еже о христѣ братствомъ. хотячи утвръжденіе мѣти общему жилелству, по уставу божественного писаніа. доброволне единоумно завѣтъ положихомъ. игумену и братіи в томъ монастыри живущимъ. питія піаного всякого меду и пива. и вина горѣлого недръжати и не пити. и въ приношеніи, питія піаного непрінимати. пити имъ квасы овощевы и солодовыи безъ хмелю. такожде и въ господскыя праздники. и въ свята великыхъ святыхъ кваса медовеныи добрыи безъ хмелю мѣрно по указу по коновце (ковшу), а не до піана. такожде и ястіе имѣти. Понедѣльникъ, срѣда. пятокъ сухоядёніе по 9 часѣ. вторникъ дважды безъ масла. а в четверкъ з масломъ. ащели в кои отъ сихъ днiй прилучится празникъ великій. тогда ясти по уставу божестьвному. А пѣніе и молитву въ церкви съборнѣ дръжати имъ, по уставу святыхъ отецъ. въсенощное на къждую неделю мѣти имъ. заутреня и часове. обѣдня. и вечерня. и павечерня. и послѣ павечерни ити къждому въ своа келіа змлъчаніемъ. одному здругимъ бесѣды не творити и не пити. удръжано бысть сіе мнихомъ отъ святыхъ отецъ. а на работу монастырскую исходити имъ всимъ равно кромѣ неделника. по уставу и по повеленію игуменову. И игумену, и всей братіи, никакова стяжанія в келіахъ всебе немѣти. развѣ одежда тѣлесныя. а книгъ и работу келейныя. Всякую потрѣбу и одежду мѣти всимъ съ скаръбу (казны) церкозного. Одежду всѣмъ носити равну. сукни (рясы) костиньскыя. кожухы бараніи. нижли игу-

мену, и священно инокомъ тымъ носити сукни ческыя. а игумену з монастыря отъ братія неотлучатись. Развѣ нужда и потребы великыя. О што коли ехати до господаря земского, или до пана ктиторе. або до именій церковныхъ для осмотреніа. ино игумену ехати звѣданіемъ братскимъ. и братя обравши духовнѣйшихъ братовъ дву или трехъ, снимъ посылаютъ. а въ имѣніахъ церковныхъ безчинне (до безобразія) не упиватись а немешкати много. дѣла осмотревши исправивши зася ехати въ монастырь. И всякыя дѣла и справы монастырскыя, справовати игумену съ икономою. и посполу (совмѣстно) стою братіею, которыежъ уставлены на строеніе монастырское. и не мытися у мылни (въ бани). токмо кромѣ нужда великыя, или немощнота. А приходы монастырскыя, пѣнязи, сорокоусты и задушныя уписы. изъ именій платы грошевыя и куничныя. и тежъ хто што на монастырь дастъ. или игумену, или которому брату, тое все имѣти имъ общо. и вси тые рѣчи и дачки маетъ брати икономъ, посполу с тою братіею ихъ же уставлено на то. и повеленіемъ игуменовымъ дати маютъ у скарбъ церковный. а которому брату пригодить взяти милостыню, ино тогдыжъ отдати подскарбіему, а всебе не дръжати. а што коли тые врядникы монастырскыя възмятъ въ монастыръ золотыхъ и пѣнезей и платіа и коней и иныхъ подачокъ. то все они маютъ писати у реистръ приходъ оный подъ свѣдомомъ. а што тежъ кому або на которые потребы съ скарбу церковного выдадутъ тое все маютъ писати у реистръ росходъ оный на память и въ каждый годъ они маютъ игумену и всей брати приходу и расходу личбу (счетъ) выдати. а которые православные хрестіане старыя и младыя, усхотятъ иноческое общее житіе тое лавры. игумену тыхъ въскорѣ не пострыгати, но дати имъ два мѣсяци або три, а иному и 7 мѣсяць. да пребудутъ расмотряя уставъ житіа монастыря, кому да сподобаетъ и слюбитъ неисходно жити въ монастыри до кончины жи-

вота но обѣту своему такового пострич. и пострыженика своего игумену з братіею вонъ з монастыря не пускати, развѣ нужда великыя. а пріписати в монастырь всякого приходящего въ мнишеское житіе братолюбезно безъ укупа. Нижли хто што маетъ, своею доброю волею в монастырь дастъ тое пріимати у скарбъ церковный. а вбогаго ничтоже имущаго также пріимати въ общее братство. а приходящихъ мниховъ, три дни дръжати, покя осмотрятъ житія тое лавры. усхочетъ жити неисходно з монастыря, таковаго пріимати. а тые одежда мнишеские хто в чомъ пріидетъ снять съ него и заховати у скарбу церковномъ. и на него дати всяку одежду, какъ на котораго брата того монастыря и таковаго з монастыря не пускати. а естли бы нѣкако діаволскымъ навоженіемъ, или нужда ради великыя. таковаго приходящаго мниха лучится пустити з монастыря. ино съ таковаго вся одежда монастырская сняти. а за ея дати ему его пръвую одежду в чомъ пришолъ, и с тымъ его отпустити. а игумену братю всю имѣти въ любви. и внаказаніи. Яко всимъ имъ имѣти общее пребываніе по уставу божественнаго писанія дръжати. а нерадивыхъ и ленивыхъ навчати игумену з братею на путь господень какъ ихъ богъ вразумитъ. ащели которыи преслушникъ и ропотникъ будетъ иметъ в недбалости (въ нераденіи) жити наказаніа и игумена, таковаго игумену казнити. за пръвый выступъ у подклете дваи дни дръжати. и постъ о хлѣбе и о водѣ, а за другый выступъ 4 дни. а за третій выступъ 6 дний. а на седмый пустити. а естли и черезъ тое иметъ допускатись винъ. ино игумену събравши братѣ, тоговаго стязати словы и прозбою братскою. абы отъ таковаго безчинія престалъ. пакли о таковыя заповѣди нерадити начнетъ. таковый пріиметъ казнь церковную, рекше сѣденіе. аще ли таковаго наказаня церковнаго небудетъ послушенъ. таковый будетъ яко преступникъ закону и уставу общаго житіа. ино таковаго из монастыря вы-

слати вонъ. абы одныиъ безчинникомъ болшая съблозна у братію невходила. а самому игумену и иншимъ отъ братіи кромѣ трапезы не ясти, развѣ нужда ради велики. аще пригодится (случится) игумену где послати потребы ради монастырскыя, никако единного брата да непосылаетъ, но дву или трехъ. а робятъ в монастыри не дръжати ни на науку ни на послугу не пріимати. а женскому полу всякому в монастырь не ходити. сій чинъ единоумно съвѣщавше положили есмо штожъ игумену и з братею тое все твръдо дръжати и не порушно. И тое все утврьдили есмо симъ нашимъ листомъ. записнымъ, з нашими печатми привѣсистыми. Писанъ у монастыри на супраслы. В лѣто 7018, мца октобря индикта 14.

Списано изъ находящейся въ архивѣ супрасльского монастыря тетради, состоящей изъ нѣсколькихъ документовъ, къ этому монастырю относащихся, написанныхъ славянскимъ уставомъ на пергаминѣ. Тетрядь эта въ описи состоитъ подъ № 1.

2.

Выпись изъ минскихъ уголовныхъ трибунальныхъ книгъ фундушевой записи Раины изъ Воловичей Огинской (*) на учрежденіе при церкви въ Кронѣ (ковенскаго уѣзда) мужскаго монастыря. 1629 г.

Я раина григоровна воловичовна окгинская подькомориная троцка всѣмъ вообецъ и каждому сособни теперешнимъ и потомъ будучимъ людямъ чиню явно тымъ

(*) Огинскіе ведутъ свой родъ отъ русскихъ князей дома Владиміра Св. Польскіе лѣтописцы, а за ними и позднѣйшіе писатели (Koiał. in Misscell. и авторъ книги Annibal ad portas) говорятъ, что одинъ изъ предковъ Огинскихъ сражался съ поганцами Батыя вмѣстѣ съ русскими князьями. Праправнукъ Владиміра Св., въ 9 поколѣніи, *Юрій Θедоровичъ* князь на Ко-

вѣчисто фундаціоннымъ записомъ, ижъ што еще славной памяти зошлый съ сего свѣта его милость князь Богданъ огинскій подкоморій троцки малжонокъ (мужъ) мой за жизни своей весполъ (совмѣстно) со мною раиною воловичевною малженкою своею маючи отъ всемогущаго бога великія добродѣйства, а хотячи, абы зато уставичная (постоянная) хвала имени его святому была добровольнѣ з великою охотою въ маетности нашей на имя кронъ въ поветѣ ковенскомъ лежачой, церковь заложеня пресвятой и живоначальной тройцы змуровали (построили изъ камня—кирпича) а умысливши одностайне при той церквѣ монастырь заложити и офондовати (основать), въ записѣ расправы своей на тую церковь и монастырь кронскій записать рачилъ (изволилъ) певную (извѣстную) сумму пѣнязей двѣ тысячи копъ грошей литовскихъ; таковымъ способомъ позволяти мнѣ

зѣльскѣ, около 1514 года, при королѣ Сигизмундѣ I. переселился съ двумя сыновьями въ Литву изъ смоленской области, вскорѣ послѣ покоренія ее поляками, и получилъ здѣсь отъ короля во владѣніе богатыя *маентности*. Старшій сынъ его *Владиміръ* (у Нѣсецкаго, всячески старавшагося скрывать православіе описываемыхъ имъ литовско-русскихъ фамилій, даже въ тѣ времена, когда на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ областей не было ни одного р. католика и вовсе не было еще уніи, названъ онъ Владиславомъ) былъ сутуловатъ, вслѣдствіе чего прозвали его пузыромъ, а потомъ въ устахъ народа названіе это измѣнилось въ Пузыну, отъ котораго произошла фамилія Пузыновъ; а другой, младшій, *Григорій*, по пылкому, или какъ выражаются метафорически, огненному характеру прозванъ былъ по русски Огнемъ, отъ котораго собственно и ведутъ свой родъ Огинскіе. У Григорія было два сына *Димитрій*—стольникъ литовскій и *Матвей* ловчій литовскій и тивунъ виленскій.—У Димитрія тоже было два сына *Романъ* и *Ѳедоръ*, у Ѳедора три сына: *Григорій Богданъ* и *Петръ*, у Петра сыновья *Иванъ*, маршалокъ брестскій, *Богданъ* и *Михаилъ*. Второй сынъ Ѳедора *Богданъ*, подстолій Браславскій.

Отъ *Матвея*, ловчаго литовскаго—*Ѳедоръ*, виленскій каштелянъ, маршалокъ литовскій, отъ него сынъ *Богданъ*, каштелянъ виленскій, отъ Богдана *Матвей*, ловчій литовскій,— отъ него два сына—*Иванъ*, стольникъ литовскій и *Мартинъ-Богданъ*, подкоморій троцкій, праправнукъ, въ 15-мъ поколѣніи, Влад. Св. Объ немъ упоминается въ конституціи 1601 г. (fol. 761), гдѣ

за тою сумму маетность какую купити и на тую церковь и монастырь кронскій фундовати, аже еще до того часа за тую сумму отъ небощика пана малжонка моего назначеную, маетности якой прикупить нездарилось (неслучилось), зачимъ и тоя фундація до скутку (до осуществленія) прийти не могла, однако я ведлугъ (согласно), по воли годной (достойной) памети его милости пана малжонка моего маю стараніе чинить, абымъ за тую сумму вышмененную за живота своею маетность якую купить и тотъ монастырь за имя его милости пана малжонка моего надати и фундовать могла, а я тежъ сама отъ себя на тую церковъ и монастырь кронскій мурованный въ маетности моей кронахъ, гдѣ тѣло зошлого небощика (покойника) пана малжонка моего погребено есть и мое тожъ въ той же церкви грешное положить умысливши жебы (дабы) тамъ уставичная хва-

---

называется онъ князенъ. Сказано выше, что Огинскій переселился изъ смоленской области, но Нѣсѣцкій утверждаетъ, что предки Огинскихъ, вмѣстѣ съ другими русскими боярами, прибыли въ Литву изъ Москвы, вмѣстѣ съ Еленою Іоанновною, по случаю замужества ея съ королемъ Александромъ (Bielski fol. 524, Niesiecki—Korona Polska изд. 1740 г. Т. III. fol. 417).

Этотъ то *Мартинъ-Богданъ* Огинскій славился въ битвахъ, получилъ въ награду отъ короля Сигизмунда III много староствъ и исправлялъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Онъ былъ ревнителемъ православія и основалъ нѣсколько православныхъ монастырей и церквей: въ Кроняхъ, въ Витебскѣ— Марковъ монастырь, въ Полоцкѣ Богоявленскій и Вевейскій въ трокскомъ уѣздѣ. У него отъ супруги Анны Волловичевой было два сына: *Александръ*, каштелянъ троцкій, потомъ воевода минскій, былъ церковнымъ старостой минскаго православнаго Петро-Павловскаго монастыря, около 1648 года, гдѣ и скончался въ 1653 году схимникомъ, подъ именемъ *Алексѣя* (Акты г. Минска и проч. № 121, стр. 249; архивъ полоцкой дух. консисторіи, связка. 31, *de Schyzmate*), и *Иванъ*, староста кормалявскій. У Александра сыновья были первый *Богданъ*— надворный хоронжій литовскій, второй *Иванъ*—маршалокъ браславскій, умеръ около 1680 г. и третій *Марціанъ*—воевода троцкій, умеръ канцлеромъ Вел. Кн. Литовс. въ 1690 году.— Онъ, кажется, первый изъ рода Огинскихъ измѣнилъ православію, перешедши въ латинство. Примѣру его послѣдовали и его родственники.

ла Божія и читане молитвъ за збавеніе (спасеніе) душъ нашихъ и потомства нашего было, хотячи надать и вѣчными часы фондовать для выхованя иноковъ, которыхъ маетъ быть въ томъ монастырѣ особъ духовныхъ неменше десяти, и гдыжъ и больше можетъ выховати въ общемъ житіи ведлугъ преданя святыхъ отецъ тоже спеваковъ и опатрованя (надзора той церкви и монастыря певные добра (извѣстныя имѣнія) отъ именя моего кронъ и войтова которые я отъ небощика славной памети пана малжонка моего правомъ и животнимъ себѣ записанные мѣла, а потомъ у сыновъ моихъ всѣхъ трехъ за вѣчность имъ служачую на фольваркахъ межиковскихъ и Ивановщизнѣ и селѣ названомъ жидейнамки местъ тысячей золотыхъ польскихъ заплативши, вжо вѣчистымъ правомъ въ посесію (владѣніе) свою взяла тые теды фольварки помененные межиковскіе другіи надъ рѣчкой лемшой въ которомъ иванъ панъ смоличь мѣшкалъ (жилъ) бояринъ, и село жидойнишки и кгрунты (земли) прикупные мяновито (именно) штомъ купила у пана винцентаго тавбута небожчика, то есть двѣ нивы одно прозываемое резнишки, а другое ужилищки, въ повѣтѣ ковенскомъ лѣжачіе зовсимъ навсѣмъ тые фольварки и село съ кгрунтами прикупными въ своихъ границахъ, якъ се здавна передъ тымъ мѣли и теперъ маютъ съ будованісмъ (постройками) дворнымъ и гуменнымъ съ кгрунты всякими оромыми и неоромыми съ лѣсы гаи сѣножатыми съ застѣнками (одиночные усадебы) съ подданными въ томъ селѣ мѣшкаючими съ ихъ женами и дѣтьми и съ маетностію и со всимъ и совсѣмъ, никому ни къ чему не пенные (неоштрафованные), свободные, и ниякими долгами и презысками необтяженные, велебному (преподобному) въ бозѣ господину отцу архимандриту кронскаго монастыря въ общемъ житію будучому и всимъ по нимъ наступающимъ архимандритомъ благочестивымъ подъ послушенствомъ зверхнѣйшаго пастыря церкви святой верховной апостольской святейшаго патріарха константинопольскаго и ми-

трополита благочестиваго подъ благословеніемъ и послушенствомъ его будучимъ въ общинѣ мѣшкаючимъ, даю дарую тымъ листомъ вѣчистое фундаціи моей на помененый монастырь вѣчно записую и фундую въ моцъ и держаніе спокойное и вѣчистое уживанье вѣчными часы подаю и поступаю, а сама я съ тыхъ добръ вышъ помененыхъ не зоставуючи себѣ а ни потомству моему и жадному (никакому) съ ближнихъ кровныхъ и повинныхъ нашихъ жадного приступу, вѣчнѣ зрекаю, и вже отъ дати (числа) сего листу вѣчистое фундаціи моей я сама ани тоже потомки мои и никто съ близкихъ и повинноватыхъ нашихъ въ тые добра вышъ помененые вступовати и жадной переказы чинити не маютъ и не могутъ, одна только я сама заживота своего подайцею той церкви а по животѣ моемъ водлугъ воли и росправы пана малжонка моего потомство мое которыи въ благочестіи его старожитномъ подъ послушенствомъ церкви святой верховной будуть, и они также подавцами (ктиторами) и оборонцами (защитниками) того монастыря кронскаго и добръ отъ меня записаніемъ быты мѣютъ однакоже жадной перешкоды въ спокойномъ держаню и уживаню тыхъ добръ чинити и найменшіе той части съ того отыскивати не маютъ и могчи не будуть вѣчными часы подъ зарукою шести тысячъ копъ грошей литовскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ (убытковъ) и накладовъ на тотъ же монастырь, о который заруку даю вольность себѣ и каждаго переказу чинячаго позвами до вшелякаго (всякаго) суда и права окомъ статутовымъ, а по заплаченю заруки предъсе тая фундація моя при зуполной (совершенной) моцы (силѣ) своей у каждаго суду и права вѣчно при той церкви заставовати маеть, а штосмо тежъ въ полъ съ небожчикомъ малжонкомъ моимъ перве сего съ доброй воли своей на честь и хвалу Бога всемогущаго въ маетности нашей въ вевейской въ повѣтѣ троцкомъ лежачой на монастыръ въ той маетности будучій певны добра въ фундушу нашомъ полнымъ описанные фон-

довали и подвладзу (власть) и послушенство архимандрита благочестиваго и братства церкви сошествія святого духа въ вильни будучи поддали, заставивши однакъ вольность себѣ естлибы чего боже уховай (сохрани) зьякихъ кольвекъ мѣръ помененный архимандритъ церкви святого духа виленскій благочестивыя церкви всходней и послушенства святейшаго патріархи константинопольскаго отступилъ; потомъ монастырь евейскій и добра до него фундованные въ моцъ (подъ власть) и владзу нашу взять; пре то тымъ листомъ моимъ варую (обезпечиваю), естлибы недай боже отступникомъ отъ благочестія архимандритъ виленскій зосталъ (сдѣлался) тогды тотъ монастырь помененый намъ вевейскій зовсѣми принадлежностями ему фундовенными до монастыря нашего кронскаго надлежати въ моцы и въ держаніи и въ владзы архимандрита кронскаго въ благочестіи будущаго вѣчно быти маетъ, еслибы тежъ уховай боже который архимандритъ кронскаго монастыря выламаючись (уклонившись) отъ послушенства звѣрхности пастыря церкви святой всходной патріарха константинопольскаго доотступка благочестія пришолъ; тогды таковому отступному архимандриту другія братія монастыря кронскаго не маютъ быти послушными але (но) межи собою альбо тожъ зъ иншаго монастыря благочестиваго обобрати маютъ, а естлибы—тежъ межи собою обирать и таковой згоды (согласія) мѣти не хотѣли то себѣ тымъ листомъ моимъ и конечно мѣти хочу, иж вольно мнѣ и потомству близкимъ и повиноватымъ (роднымъ) сынамъ церкви восточно апостольской под послушенствомъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго отъступнаго архимандрита, монастырь кронскій и вевейскій з добрами (имѣніями) имъ подданными отобрать и в владзу (владѣніе) свою взять и знову благочестивому архимандритови отъ митрополита благочестивого назначенному и уставичному завсимъ подать маютъ, и то тежъ тымъ листомъ варую ижъ поступленію зась ссего свѣта архимандриты монастыря крон-

скаго монастыря веспол̆ъ (совмѣстно) съ подавцами (съ ктиторами) зараз̆ъ (сейчасъ) между собою безъ жаднаго (никакаго) замѣшанія и проволоки иншаго на архимандритство благочестиваго и ни въ чомъ неподозреннаго обобрати, съ такимъ докладомъ ажъ бы въ предь на общее житіе зезволилъ ведлугъ которого естли бы тотъ архимандритъ незаховалъ братіе о томъ маютъ подавцомъ ознаймить и сполне на него, еслибы тамъ тожъ общежитіе нехотѣлъ поставить а естлибы такъже межи собою на то годнаго меть немогли тогды маются старатся о такого побожнаго зъ иншаго монастыря и въ благочесіи будущаго, и того межи собою за архимандрита мѣти безъ жаднаго сиротивленства, а естлибы который колвекъ архимандритъ теперешній, або который потомъ будетъ общежитія примовати и въ ономъ жити не хотѣлъ тогда таковаго опустивши, волно будетъ тѣмъ же инокомъ при памененые церкви иннаго архимандрита въ обще обрати; а потомство наше такъ же и кровные и повиноватые наши которые бы недай Боже въ отступствѣ православія вѣры найдовали, таковые до подаваня монастыровъ кронскаго и вевейскаго и всѣхъ принадлежностей до нихъ фондованыхъ жаднаго приступу мѣти не маютъ, и тымъ листомъ моимъ тыхъ отъ подаваня вѣчными часы атдаляю, а митрополитови благочестивому патріархи константинопольскаго послушному въ дозоръ (вѣденіе), въ моцъ (власть) и подаване тотъ монастырь мой даю, который будетъ повиненъ дозрѣти (досмотрѣть) абы никуды хвала божа вѣчными часы неуставала; и то все штосе въ томъ листѣ моимъ помѣнуло моцно и непорушимо на вѣчные часы мѣти хочу, велебному въ бозѣ господину отцу архимандриту кронскому и по немъ наступаючымъ архимандритомъ благочестивымъ сей мой вѣчисто фундованный листъ съ печатью и подписомъ руки моей власной даю а для лѣпшей (лучшей) певности (вѣрности) и моцы (силы) сего листу моего, просили есмы о приложене печати и о под-

писки рукъ ихъ, ихъ милости пановъ пріятелей моихъ, людей зацныхъ (достойныхъ) и пановъ сыновъ моихъ его милости пана яна огинскаго старосты кормяловскаго, его милости пана александра огинскаго хорунжаго троцкаго, его милости пана дмитра быховца подсудка троцкаго и его милости пана владыслава чаевскаго, которые ихъ милость на прозьбу мою учинить рачили руками своими до своего листа моего подписавши и печати своя притиснули. Писанъ въ вильни року тысеча шесть сотъ двадцать девятяго мѣсяца августа втораго дня (слѣдуютъ подписи и пять приложенныхъ печатей).

Выпись этаго документа, съ надлежащими подписями и скрѣпою секретаря трокскаго суда, находится въ архивѣ Св. Духовскаго монастыря, по описи подъ № 206/227. Писана славянскою скорописью, на большемъ пергаминномъ листѣ, съ иллюминованными рисунками, въ родѣ бардюра, въ верху и съ правой руки. Печать виленскаго воеводства повѣшена на шелковой тесемкѣ, изъ сургуча, заключеннаго въ деревянный точенный кружекъ.

3.

Копія привилегіи короля Владислава IV, данной виленскому Св. Троицкому церковному братству и св. Духовскому монастырю, съ подтвержденіемъ прежнихъ привиллегій, прежними королями (Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III) этому братству данныхъ. 1633 г.

Владиславъ четвертый з ласки Божой Король Польски Велики князь Литовски, Руски, Прусски, Жомойтски, Мазовѣцки, Инфлански а Шведски Кгодски Вандальски дедичны Король. Обраны Велики Царъ Московски.

Ознаймуемъ Тымъ Листом Привилеемъ нашымъ всимъ вобецъ и каждому зособна комубы о томъ вѣдати належало ижъ на томъ сеймѣ щастливой Коронаціи нашой

покладали передъ Нами братія братства виленского титуломъ святое Тройцы святого Духа будучаго духовныи и свѣцкіи, чотыри Привилея выписами с книгъ Трибунальскихъ Виленскихъ. *Одынъ* святое памети короля. Іего Милости *Стефана* писмомъ латинскимъ даный на то ижъ безъ позволеня Патриарховъ людемъ Релии Греческое до отмѣны Календаря приступовати не вольпо. Подъ датою (числомъ и мѣстомъ) въ Неполомичахъ року тысѣча пятсотъ осмдесятъ пятого мѣсяца мая осмндцатого дня. *Другій* с свѣту въ Пану Богу зешлого Пана *Отца нашого* на волное роспостираніе юриздики (управленія, завѣдыван:я) въ томъ панъствѣ (государствѣ) Іеремін Патриарше Константинополскому, даный подъ датою у Вильни року Тысѣча пятсотъ осмдесятъ девятого Іуля пѣтнатцатого дня, *Третій* зась (же) тогожъ Короля Іего милости Пана Отца Нашого, на фундование Брацтва виленского подъ тымъ Послушенствомъ Патрыаршимъ и на порядки братскне и инные справы церковные въ Датѣ Року тысяча пятсотъ осмдесятъ девятого мисяца Іуля дватцатъ первого дня. *А четвертый* отъ тогожъ *Пана Отца* нашого въ датѣ Року тысяча пятсотъ девятдесятъ третего мисяца Іуля пятого дня. До книгъ головныхъ Трыбунальныхъ актыкованы (заявленные) и з нихъ выняты слово отъ слова таксе въ себе маѣтъ: Жикгимонтъ трети Божою милостію Король Полскій.. и проч... Ознаймуемъ сымъ нашымъ листомъ кому того вѣдати будетъ потреба нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ мы Государъ щастливо панующий надъ людомъ народовь хрыстіанскихъ, не только стародавныхъ правъ свободъ и волностей сторожомъ и оборонцою будучы але завжды пры надаваню и при множаню ихъ обывателемъ Панствъ нашыхъ ласкавѣ становѣчіся и тымъ большою хутію (желаніемъ) надовсе помноженя хвалы Божое и порядковъ слушныхъ (законныхъ) захованя жычачи (желая), за донесеніемъ намъ просбъ на чоломбитне становъ многихъ розныхъ,

якъ особъ певныхъ (извѣстныхъ) з Пановъ Радъ нашыхъ, якъ з кола рыцарскаго (военнаго) и славетныхъ мѣщанъ мѣста нашого столечнаго Виленского, Людей народу Руского, закону Греческого братии Брацтва церковного заложеня светое Тройцы монастыря Виленского ласкаве (милостиво) имъ позволивши, для свободнаго и спокойного ужываня всякихъ обходовъ церковныхъ и разшыреня хвалы Божое набоженства ихъ водлугъ артыкуловъ и порядковъ ихъ братскихъ на писмѣ друку выданыхъ и передъ Нами Государемъ покладаныхъ, также водлугъ листовъ и Блогослевенства звирхнѣйшого Пастыря въ релии ихъ Патріарха Константинопольского отца Іеремія надавши имъ до того з особливое ласки нашое государское и иншыхъ певныхъ (извѣстныхъ) артыкуловъ и слободъ немало Прывилеевъ государскихъ— перво сего въ року прошломъ тысѣча пятсотъ осмдесятъ девятомъ мѣсяца Іуля двадцать первого дня выданымъ имъ іесмо ствердили о чомъ з выображенемъ якой речы шырей и достатечней естъ внимъ описано и доложоно, в которомъ Прывилею а межы иными артыкулами волностями и свободами помененому Братству ихъ церковному отъ насъ Государя надаными и то естъ описано ижъ мы з особливой ласки (милости) нашой государское тое Брацтво ихъ церковное отъ всякихъ прысудовъ (судовъ) трыбунальскихъ маршалковскихъ земскихъ Гродскихъ Мѣскихъ подъ владзу и оборону н..шу вынявши Домъ ихъ братски и людей в немъ мѣшкаючыхъ Духовныхъ и свѣцкихъ отъ циншовъ подачокъ платовъ и объ всякихъ повинностей мѣскихъ, также и отъ стоянія гостей въ Дому ихъ братскомъ іесмо вызволише. Школа тожъ ихъ братская в монастыре святое Тройцы въ мѣствѣ Виленскомъ быти мѣла где и передъ тымъ бывала, нижли самого того Дому ихъ братского которому тая волность служити маетъ в оному Привилею перво сего отъ насъ Господаря наданномъ мѣновитвѣ неописано ижъ еще они на тотъ часъ

певного собѣ на то Дому не мѣли. А такъ теперъ впрод менованые братие Брацтва церковного монастыра виленского, Домъ прозываемый Намшеѣвски каменицу муромъ и деревомъ побудованную на вечность купили собѣ у ловчого нашого великого князства литовского урожоного Яна Нарушевича а другыи Домъ также муромъ и деревомъ побудованый вечностію надалъ имъ на тоежъ Брацтво ихъ церковное мѣщанинъ нашъ виленский Братъ ихъ до того Брацтва уписиый Яковъ Кондратовичъ, которые Домы обадва посполужъ (рядомъ) съ собою лежать въ местѣ нашомъ столечномъ виленскомъ идучы з рынку до Острое Брамы по левой Руце у певныхъ Границахъ межы Домами з одное Филиповое Шишковичовое а теперещное Яновое Завишиное Ңастазыи Трызнянки а з другое стороны подле Дому мурованого (каменного) детей мещанина нашого виленского зешлого Богдана Пашкевича Видбленина (Витеблянина), тые обадва Домы заодно на Домъ Брацтва ихъ церковного злучоные на школы и на выховане въ немъ людей ученыхъ духовныхъ и свѣцкихъ и иныхъ всякихъ слугъ братскихъ Прывилеемъ нашимъ ствѣрдили. Вчомъ Мы Государь видѣчи быти Прозбу ихъ слушною (справедливою) на чоломъбитие ихъ есмо то учинили и якъ перво сего з шчодробливое ласки нашое на волное уживание (употребленіе) всякихъ свободъ въ набоженствѣ (богослуженіи) къ розширению хвалы Божое — Брацтво церковное. Ихъ есми надали и Прывилеемъ нашимъ на вси потомные часы ствѣрдили, которое Братство ихъ помененое и симъ Прывилеемъ нашымъ во вѣчные роды непорушно зо всими волностями и свободами отъ насъ Государя наданными умоцняемъ, такъ оные домы ихъ на Брацтво церковное купленные, дарованые въ границахъ звыжъ описаныхъ въ одно местце спущоные, В которомъ вжо они школу Греческую, Русскую, заложывши, людей на то годныхъ Духовныхъ и свѣцкихъ тамъ до науки народу хрыстіянскаго и Детокъ малыхъ якъ и

до всякихъ послугъ и оздобъ (украшеній) того Братства и набоженства своего ховаютъ, з ласки Нашое Государское вѣчно и непоколебимо утвержаемъ. Маютъ и вольны будутъ они поменены Братія Братства церковного яко въ Монастыри светое Тройцы въ местѣ виленскомъ на звыкломъ (обычномъ) мѣстцу схажки (сходбища) свое мѣти где и пердтымъ мѣвали, Такъ и до того Дому своего братского сходячыся намовляти (совѣщаться) и вшелякие (всякіе) потребы Братства своего отправовати где имъ потреба того окажетъ, также людей въ письмѣ учоныхъ духовныхъ и свѣцкихъ, такъ много колько того потреба окажетъ ховати, школы братские науку детемъ языка Греческого Русского Латинского и Польского въ томъ дому своимъ братскимъ мѣти, книги всякие нового и старого закону (завѣта) дитемъ оного народу христіянского и инные всякие справы (дѣла) духовные и свѣтскіе письмомъ Кгрецкимъ Русскимъ Латинскимъ и Польскимъ друковати (печатать), дѣтей Братства уписаного народу христіянского и убогихъ сиротъ въ школе ихъ братской дармо (безвозмездно) учити и иншые учынки (дѣла) побожные и милосердные водле постановеня и артикуловъ братскихъ на письмѣ з друку (печати) выданыхъ, и передними Государемъ показываныхъ отправовати маютъ водлугъ преможенія (по силамъ) своего, и церковъ набоженства своего на тыхъ помененыхъ кгрунтахъ Домовъ ихъ братскихъ яковую мѣти похочутъ, вольно имъ будетъ муромъ и деревомъ збудовати (построить) и всякихъ обыходовъ набоженства ихъ водлугъ звычаю христіянского свободнѣ и добровольнѣ уживати (употреблять) позволяемъ. А ижъ перво сего з ласки нашое Государское Монастыръ Церковъ заложеніа святое Тройцы закону Греческого въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ съ фольварками до него належачыми также з Домами на Кгрунтехъ церковныхъ и с плацами ку той Церкви и Монастыру здавна прыслухаючыми (принадлежащими) въ опатрность (въ досмотръ) и въ дозоръ Бурмистромъ и Радцомъ места нашого виленского

людемъ закону набоженства Греческаго дали есмы. А тое Братство ихъ въ постановленіи ихъ братскомъ естъ названое церковнымъ заложеня светое Тройцы Монастыра Виленского ижъ што они чинячи для справъ побожныхъ онымъ именемъ тое братство свое назвали; ижъ се то на милосердные и побожные учынки постановило. Лечъ (но) абы се то подъ владзою и юрисдикціею ихъ врадовою з онымъ монастыромъ быти не розумѣло тогды з тыхъ прычинъ и для свободнѣйшого отправованья (совершенія) оныхъ всихъ справъ у постановенію ихъ и у Прывилеяхъ нашыхъ Государскихъ описаныхъ яко оное самое братство церковное съ всими правами его—Такъ и тые обадва Домы впредменованые купленыя и дарованыи въ одинъ Домъ на Брацство церковное злучоные якъ и то штобы они напотомъ до того Дому своего помененого в ширъ и в должыню буди купнымъ дарованымъ и якымколвекъ обычаемъ кгрунтовъ плацовъ Домовъ и будованя (строеній) набыти и прыбавити могли, тогды яко то все такъ и людей въ томъ Дому ихъ братскомъ мѣшкаючихъ—духовныхъ и свѣтскихъ которыхъ они для потребъ того Братства своего ховати восхочутъ яко речъ (вещъ) церковную подъ владзу (властъ) и оборону нашу Государскую вынявши ихъ вшелякихъ присудовъ и правъ Трыбунальныхъ Маршалковскихъ земскихъ Кгродскихъ Мѣскихъ, также и отъ послугъ платовъ подачокъ мѣскихъ, звѣрхностію (властью) нашою Государскою на вси потомные часы вызваляемъ. Вѣдьже гдебы и комуколвекъ (кому либо) с того Дому ихъ братского отъ людей в немъ мѣшкаючыхъ якогоколвекъ стану крывда якая дияля, тогды такового старостове и справцы того братцтва рочные (годичные) каждому укрывжоному (обиженному) справедливость чинити будутъ повинны водлугъ права посполитого (общественнаго) и статуту земского а гдебысе таковому с крывдою справедливость видѣла быти тогды тыхъ старостъ рочныхъ въ особе (въ лицѣ) всего Брат-

ства до суду земского воеводства Виленского припозвати таковые укрывжоны (обиженые) маютъ, а судъ земскій водлугъ права справедливость з нихъ чынити будетъ повиненъ отъ которого вжо апелляцыа нигде индей одно до насъ Государа яко нодавцы и оборонцы того Братства ити маетъ и тотъ судъ ее кождому таковому допущать повиненъ будетъ, и вжо отъ даты сего Листу при небытности нашой Государской въ томъ местѣ нашомъ виленскомъ и подъ часомъ зъездовъ Трыбуналныхъ роковъ явочковъ судовыхъ зѣмскихъ и кгродскихъ въ тыхъ Домехъ ихъ брацкихъ всякій гость ани Дворъ нашъ Господою становитисъ ани з уряду жадного Трыбуналного Маршалковского Земского Кгродского и мѣйского никому господа (квартира) записывана быти немаетъ. И хтобы з доброе воли своее на тое Брацтво ихъ церковное што надалъ або Тестаментемъ (духовнымъ завѣщаніемъ) отписалъ, и потомъ хотя и безъ Тестаменту што надастъ або отпишетъ тамъ речы рухомые (движимые) яко и лежачые (недвижимые), то на вси потомные часы пры ономъ Братствѣ ихъ церковномъ вечне зоставати маетъ чого имъ никоторый врадъ Трыбуналный Маршалковскій, Зѣмски кгородский Мѣски такъ при бытности яко и безъ бытности нашое въ томъ Панствѣ (государствѣ) нашомъ великомъ князствѣ литовскомъ николи боронити аниже вто вступовати и переказы жадное в томъ чынити имъ немаютъ и небудутъ мочи, такъ якобы кромъ жадныхъ перешкодъ во всякихъ свободахъ и волностяхъ въ томъ Братствѣ церковномъ хвала Божая въ наукахъ и оздобахъ закону ихъ належачихъ розширятисе и множитисе могла. Што все яко перво сего имъ з ласки нашое Государское особливымъ Прывилеемъ нашимъ есмо надали такъ и теперь утвержаемъ. дали есмо тому Братству церковному сесъ Листъ Прывилей нашъ с подписомъ руки нашое Государское до которого и Печать нашу великого Князства литовского прывесить есмо велели. Писанъ у Варшавѣ на сеймѣ вальномъ

(генеральномъ). Лета отъ нароженя Ісуса Христа сына Божого тысѣча пятсотъ деветдесятъ второго мисѣца октѣбра девятого дня. Sigismundus Rex. *Ярошъ Воловичъ Писаръ.*

Мы теды (тогда) Государь съ Паны Радными нашими видячи быть прозбу ихъ слушную и прихиляючися (примѣняясь) до Конституцій сеймовыхъ которыми Братства церковные при правахъ и привилеяхъ своихъ суть заховані, Тые вси Привилия предъ нами Государемъ покладаные, во всихъ Пунктахъ артыкулахъ и перорогативахъ (преимуществахъ) аппробуемъ потвержаемъ и при зуполной моцы (въ полной силѣ) на вечные и потомные часы зоставуемъ, А ижъ тыежъ братія верху помененые потребовали по насъ абысмы въ никоторыхъ только артыкулахъ тотъ Прывилей свѣтое памети Пана Отца Нашого тутъ слово въ слово вписаны объяснили поневажъ (поелику) по одержанію того Привилею отъ нихъ въ никоторыхъ речахъ (дѣлахъ) для розширенясе дальшой хвалы Божой записныхъ спольнымъ (общимъ) стараніемъ ихъ примноженесе стало вчомъ мы видячи быть Прозбу ихъ слушную и пристойную за прычиною Пановъ Радъ нашыхъ и Пословъ земскихъ при насъ на сеймѣ Коронацыи Нашой будучыхъ ласкаве на то позволяемъ и тотъ Прывилей Пана Отца Нашого объясняемъ, и такъ въ потомныи Часы мѣти хочемъ: Напередъ ижъ въ томъ Прывилею светое памети Пана Отца Нашого естъ выразное (ясное) позволеніе на кгрунтахъ (земляхъ) шляхетскихъ описаныхъ въ немъ именованыхъ Церковь яковую мети похочутъ Муромъ (изъ кирпича) и деревомъ будовати. А же на онъ часъ еще названой церкви Сошествія светого Духа отъ нихъ збудовеной (построеной) небыло теперь зась и церковь деревяная знайдуется и новую муровати имъ волно, до того и Братство тытуломъ светое Тройцы названое при тойже церкви теперь знайдуется, тогды для тыхъ Прычинъ во вси потомныи часы при той помененой церкви светого Духа Брат-

ство тытуломъ Светое Тройцы названое здавна безъ жадныхъ перешкодъ (препятствій) знайдоватисе и вечными часы тымъ тытуломъ называтисе и Печатею светое Тройцы Образомъ печчататисе маютъ и повинны будуть. При которой то церкви светого Духа и Монастыръ презъ першого Архимандрита ихъ братского Виленского годные памети отца Леонтіа Карповича на общежительное мешканіе (жительство) законниковъ иноковъ) естъ заложонъ, который мы Государь симъ Прывилеемъ нашимъ потверждаемъ, и до сего часу въ Церкви служачи и у школахъ працуючи (трудясь) законницы (монахини) въ немъ знайдовалисе (находились), Тогды помененой той духовной Братіи и з свѣцкою за одно въ томъ Братіею во вси потомные часы Архимандрита з Посродку духовныхъ обирати позволяемъ, а обраны згодне (согласно) отъ нихъ кожды Архимандритъ маетъ общежительне з братіею своею жити, заховуючися водлугъ рекгулы (устава) светого Василія Великого и водлугъ порядковъ отъ першого Архимандрита на Письмѣ зоставленныхъ справоватися. А если бы не хотѣлъ досыть чинити (исполнять, удовлетворять) повинности своей и напоминаніе (увѣщаніе) братіи духовной зневажалъ (презиралъ), тогды либо у Митрополита небудучого во Уніи албо у Екзархи Патріаршого доходити справедливости на немъ помененое Братство маетъ, В справы (дѣла) однакъ духовные духовному суду належачіе свѣтскіе братіа вступатися немаютъ и мочи небудутъ, которы то отъ нихъ згодне (согласно) обраны Архимандритъ обраны маетъ радити справовати (править) и в послушенстве своемъ мети не только тотъ братскій Виленскій Монастыръ, але и вси монастыри подъ владзою (властію) монастыря Виленского знайдуючiеся теперь, яко Монастыръ Минскій светыхъ апостолъ Петра и Павла, Монастыръ въевейскій — въ Воеводствѣ Троцкомъ Монастыръ Цеперскій и Сновскій — въ Воеводствѣ Новогородстскомъ, монастыръ Новодвор-

скій и Купятицкій въ Повѣтѣ Пинскомъ, Монастырь Сѣлецкій въ Воеводствѣ Минскомъ и другіе монастыри и церкви владзы (власть) и Юрисдице (управленію) его подлеглые—але иншіе которые напотомъ з доброе воли своее на помененыхъ монастыровъ фундаторове (учредители) учинили подъ владзу тогожъ монастыря братского Виленского з фундушами своими подаванные будутъ. И ачкольвекъ (и хотя) въ Прывилею светое памети Пана Отца нашего который мы симъ Привилеемъ нашимъ во всемъ потвердилисмо доложоно и описано есть ижъ яко сами Кгрунты (поля) тые шляхетскіе на которыхъ церковъ и монастыри два, одинъ для законниковъ (монаховъ), а другій для паненъ законныхъ (монахинь), притомъ искали мешканя (помѣщенія) для убогихъ студентовъ, и шпитали сутъ побудованые такъ и все тое хтобы што з доброе воли своее на тое Братство ихъ церковное надалъ албо тестаментомъ (духовнымъ завѣщаніемъ) отписалъ а потомъ хотя и безъ Тестаменту што надастъ албо отпишетъ такъ речи рухомые (движимое имущество) яко и лежачіе (недвижимые) то на вси потомные часы маетъ быти въ спокойномъ держаню ихъ имѣло быти—конечне. Лечъ (но) же до сего часу якъ въ томъ самомъ такъ и въ иншихъ многихъ речахъ помененое Братство нерешкоду (препятствіе) великую собе мети поведало, и разными процессами (тяжбами) того доводило (доказывало), тогды абы и въ томъ што ужъ выразнѣ (ясно) естъ описано и положоно жадного (никакого) безправя (беззаконія) далей ни откого непоносили и жадной трудности отъ вшелякого (всякого) ураду нашого Трыбунального земского Маршалковского Кгродского и мѣстского, а поготовію отъ людей своволныхъ розрухи (возмущенія) и тимулты (бунты) въ мѣстахъ нашихъ чинячихъ нетерпело конечне мети такъ хочемо и всимъ врадомъ нашимъ земскимъ кгродскимъ и мѣстскимъ забегати (препятствовать) такому безправю приказуемъ. А ижъ до сего часу вонтпливостъ (сомнѣніе) нѣкоторыхъ чинило въ томъ же Привилею слово тое старостовъ, и знаходитисе

некоторые розумѣючые мѣстной Кондыцые (сословія) людямъ тое назвиско служитъ, лечъ (но) же тамъ и водлугъ статуту справедливостъ каждому укрывжоному (обиженному) чинити будутъ повинны. А гдебысе таковому крывдою справедливостъ видѣла быть, тогды тыхъ старостъ рочныхъ въ особе (въ лицѣ) всего Братства до суду земского Воеводства Виленского припозвати тако укрывжоный маетъ. Такъ теды тое назвиско (прозвание) объясняемъ ижъ то о обывателехъ (помѣщикахъ) Коронныхъ и Великого Князтва Литовского розумѣтисе маетъ, и з стану (сословія) шляхетского два персоны за старостовъ рочныхъ, якъсе то по тые вси часы діяло обираны и розумены быти маютъ. А якъ до того часу вси справы тому Братству належачыи у суду головного Трибуналского въ коле великомъ (въ большомъ собраніи трибунала) судилисе, на што килканадцать декретовъ передъ нами Государомъ покладали, Такъ и во вси потомныи часы въ томъ коле великомъ вовсихъ справахъ (дѣлахъ) Forum (судъ) помененному Братству Виленскому быти узнаваемъ. И на то дали есмо помененному Братству Виленскому подъ послушенствомъ Церкви Всходней (Восточной) будучому тотъ Прывилей нашъ з подписомъ руки Нашой, До котораго и печать Нашу Великого Князства Литовскаго Пр..тиснути велели есмо. Данъ въ Кракове на Сеймѣ вальномъ (генеральномъ) Коронацы нашой Року тысяча шестъ сотъ тридцать третего мѣсяца Марца осемнадцатаго дня, панованя королевскихъ нашихъ и проч.

Wladislaus Rex.

Списано съ копіи, написанной съ подлинника польскими буквами, хранящейся въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго Монастыря и состоящей въ описи подъ № 3.

4.

Фундушевая запись маршалка земли волынской, старосты владимірскаго Феодора Андреевича Сангушки, данная Мѣлецкому Св. Николаевскому монастырю на нѣкоторыя имѣнія и угодья. 1542 г. (*).

Во Имя Божіе я рабъ Божій Феодоръ Андреевичъ Сангушко Староста влодимирскій Маршалокъ землѣ волынской чиню вѣдомо симъ писаніемъ моимъ што есмы збудовалъ (построилъ) Церковь у Мѣльцехъ Монастырь *на* рецѣ Турье великому Господу Богу въ Тройцѣ славимому ку хвале—и пречистой его Матере и всѣмъ святымъ его и небеснымъ его силамъ, на заложеніе храма святого ве-

---

(*) Документъ этотъ помѣщаемъ здѣсь, какъ одинъ изъ тысячи подобныхъ ему, находящихся въ разныхъ общественныхъ, казенныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и фамильныхъ архивахъ, отчасти уже во множествѣ напечатанныхъ,—въ подтвержденіе той несомнѣнной исторической истины, что здѣшніе вельможи, не говоря уже о мелкой шляхтѣ и всемъ народонаселеніи, до введенія злосчастной уніи, исповѣдывали всѣ православную вѣру, наслѣдованную ими отъ своихъ предковъ, а въ числѣ ихъ и князья Сангушки.

Упоминаемый въ этомъ документѣ Св. Николаевскій, первокласный Мѣлецкій монастырь состоитъ Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда, въ м. Мѣльцахъ, и былъ православною обителью, еще за сто лѣтъ до уніи. Основаніе ему, какъ общежительному, положилъ въ первой половинѣ XVI столѣтія православный князь Феодоръ Андреевичъ Сангушко, владѣлецъ богатыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ имѣній. Подобно своимъ предкамъ, будучи движимъ любовію и усердіемъ къ православной вѣрѣ, онъ, надѣливъ мѣлецкую обитель значительными имѣніями и угодьями, далъ отъ своего лица на это документъ, и при игуменѣ Арсеніѣ, вписалъ оный въ евангеліе, хранящееся доселѣ въ монастырскомъ архивѣ.

Нынѣшній настоятель этаго монастыря, о. архимандритъ Амвросій, списавъ его слово въ слово съ евангелія и завѣривъ собственноручнымъ подписомъ въ вѣрности съ подлинникомъ, сообщилъ его редакціи для помѣщенія въ нашемъ журналѣ, что мы съ благодарностію и удовольствіемъ исполняемъ и покорнѣйше просимъ его высокопреподобіе и впредь не оставлять насъ сообщеніемъ подобнаго рода документовъ. Ред.

ликого Чудотворного Миколы у Мѣльцехъ и обще житіе у Монастыри составилъ и въ Евангеліе святое написалъ, при игумену Монастыря Арсенію и при братіи обще живущимъ имъ; а придаю ку Церкви Божой къ тому Монастыру моему ку Мѣльцомъ имѣніе мое вѣчно и непорушно со всѣмъ якое и оные имѣніе въ себѣ маютъ, не зоставуючи на себе ни чого, то ѣсть на имя дворъ мой песоченскій изъ людьми изъ съ ихъ роботою, къ тому то двору спашнею дворною съ чиншомъ грошевымъ зданью медовою. къ тому Дворъ мой задыбскій зъ людьми спашнею дворною съ чиншомъ грошевымъ зъ даныо медовою и зъ млынами задыбскими къ тому еще Комарово Соловьево Нецы Сомово Подсомовка, такъ же изъ ихъ роботою съ чиншомъ грошевымъ зъ данью медовою и зъ млыномъ которой есть подъ монастыромъ зовсими ихъ повинностями а хтобы мѣлъ тое наданье мое отъ Церкви Божей отдалити або паки хто мало у чомъ закривдиты жона моя або паки сынъ мой або хто близній мой анаѳема да буди проклетъ отъ милостиваго Бога Исуса Христа Сына его единаго и пречистой его Матери и отъ всѣхъ Святыхъ его и отъ мене человѣка грѣшного въ сей вѣкъ и въ будущій который будетъ судити живыхъ и мертвыхъ о второмъ его Святомъ пришествію и воздастъ комуждо по дѣломъ нашимъ Аминь. Писано у Мѣльцехъ въ Святомъ Евангелію року Божого нарожепія Іисуса Христа отъ воплощенія Спаса нашего, тысеча пятсотъ четыредесятъ второго Мѣсяца Мая 23 дня (**).

Съ подлиннымъ вѣрно: Настоятель мѣлецкаго первокласнаго Никольскаго монастыра, архимандритъ Амвросій.

(**) Потомки упоминаемаго въ этомъ документѣ князя Ѳедора Сангушки существуютъ въ западной Россіи по настоящее время и владѣютъ огромными имѣніями въ разныхъ западныхъ губерніяхъ, преимущественно въ Волынской и Кіевской. Въ половинѣ 16 столѣтія, они совратились въ римско-католическую вѣру, но, какъ мы замѣтили выше, предки ихъ, до того времени, бы-

ли ревностными сынами православной церкви. Родъ свой они ведутъ отъ великихъ князей литовскихъ,—по однимъ,—отъ Любарта Гедиминовича, а по другимъ,—отъ Любарта Ольгердовича. Но правдоподобнѣе, что предокъ ихъ родился отъ Любарта Гедиминовича, имѣвшаго въ супружествѣ дочь князя владимірскаго (на Волыни) Владиміра, которому въ приданое досталось это древнее русское княжество; потому то и князья Сангушки владѣли этимъ княжествомъ, сперва съ званіемъ князей этого княжества, а потомъ, послѣ присоединенія земли волынской къ Польшѣ — старостъ. (Смотри Stryikowski—Chronika Polska i W. X. Litt. lib. 13. cap. 13.; Koiałowicz—Miscellanea p. 1. lib. 8.; Niesiecki—Korona Polska,—слово Sanguszko, и друг.) Домъ Любарта, кромѣ Владиміра, владѣлъ еще Луцкомъ и Олескомъ, а сыну его, *Θеодору*, прозванному Сангушко, король Ягайло пожаловалъ во владѣніе, въ 1396 г., княжество Сѣверское. Онъ оставилъ сына *Димитрія*, владѣвшаго княжествами Луцкимъ, Ковельскимъ и Коширскимъ. По свидѣтельству Нѣсецкаго, Димитрій пользовался благосклонностью императора греческаго, подарившаго ему часть древа животворящаго креста. Князь Дмитрій умеръ въ 1440 году и погребенъ въ православной церкви луцкаго Замка. (Нѣсецкій стр. 8. изд. 1743 года).

Послѣ его смерти остались три сына, между которыми раздѣлены были владѣнія Любартовичей — княжество Луцкое досталось *Θеодору*,—Коширское *Михаилу*,—а Ковельское *Василію*. Вслѣдствіе чего родъ князей Сангушковъ развѣтвился на три отрасли: Сангушковъ, Луцкихъ, Коширскихъ и Ковельскихъ. (Koiałowiez—Miscellanea Genealogia), но, по свидѣтельству другихъ, у Дмитрія осталось только два сына—*Михаилъ* и *Александръ*, изъ нихъ у перваго было три сына: *Янушъ*, отказавшій имѣніе свое Бѣляшевъ Дерманскому православному монастырю, въ 1544 г. (Monimenta Collegii Ostrog.); *Василій*, князь ковельскій, и *Андрей*, князь коширскій. Отъ *Александра* родился упоминаемый въ настоящемъ документѣ *Андрей*, староста владимірскій, маршалокъ волынскій. Онъ былъ женатъ на Аннѣ, дочери Деспота, воеводы валахскаго, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: *Романа*, *Дмитрія* и *Ярослава*. Изъ нихъ *Романъ*— воевода брацлавскій, гетманъ польный—литовскій, староста винницкій и житомірскій, прославился храбростію на полѣ брани съ непріятелями Рѣчи Посполитой. На сынѣ его, тоже *Романѣ*, умершемъ бездѣтнымъ, прекратился его родъ. *Димитрій*, братъ его, воевода брацлавскій, староста черкасскій и

каневскій, извѣстенъ по похищенію изъ Замка Острогжскаго Елисаветы, дочери Иліи, князя Острогжскаго, мать которой мечтала выдать ее за короля Сигизмунда Августа. Онъ бѣжалъ съ нею въ Богемію, но разгнѣванный король послалъ за нимъ погоню, которая, настигнувъ его въ Яромірѣ, отняла княжну, а его умертвила. *Ярославъ*, третій братъ Романа, умеръ бездѣтнымъ.

Вторая вѣтвь фамиліи князей Сáнгушковъ ведетъ свое начало отъ вышесказаннаго *Михаила* Дмитріевича, князя коширскаго, потомки котораго назывались уже Коширскими. Сынъ его *Андрей*, староста луцкій, оставилъ пять дочерей и двухъ сыновъ. Дочери его повыходили за мужъ за знатнѣйшихъ литовско-русскихъ, еще тогда православныхъ, вельможъ, именно: Марія за князя Дубровицкаго, Анна за Ивана Сапѣгу, воеводу подлясскаго, Софія за князя Чарторижскаго, Елена за князя Массальскаго и Василисса за князя Соколинскаго. Сыновья его *Александръ* и *Левъ* мало извѣстны въ исторіи этого дома. Отъ Льва остался сынъ *Григорій*, воевода брацлавскій— извѣстный только тѣмъ, что онъ первый изъ фамиліи князей Сангушковъ, на старости лѣтъ (и то послѣ смерти православной своей супруги, урожденной княгини Головчинской), измѣнилъ прародительской вѣрѣ своихъ предковъ и принялъ, съ двумя дочерями и сыномъ, латинство, за что, быть можетъ, Провидѣніе и наказало его прекращеніемъ его рода въ сынѣ его Адамѣ, бывшемъ, около 1627 года, воеводой кіевскимъ и умершемъ безъ потомства. (Нѣсѣцкій,—pag. 10. и др.).

По свидѣтельству тогожъ ксендза іезуита Нѣсецкаго и Окольскаго (Sterilis), въ кіевско-печерской Лаврѣ погребены тѣла изъ фамиліи князей Сангушковъ: Өедора, Андрея, Александра и княжны Авксентіи, а базиліанецъ Суша (Phoenix Graeciae, fol. 51.) удостовѣряетъ, что въ 1616 году, въ Холмѣ, найдено было нетлѣннымъ тѣло князя Сангушки, скончавшагося тамъ схимникомъ, подъ именемъ Алексѣя. Оно покрыто было черною монашескою рясою и такоюжъ мантіей, съ вышитыми золотомъ на ней крестами.

Отъ другаго сына, выше сказаннаго Михаила, брата Андрея *Василія* ведется вѣтвь фамиліи Сангушковъ Ковельскихъ. Этотъ Василій промѣнялъ королевѣ Бонѣ г. Ковель на Смоляны, Оболецъ и Горволь, умеръ въ 1558 году и погребенъ въ кіево-печерской лаврѣ. Оставилъ сына *Григорія*, женившагося на Софіи Горностаевнѣ, дочери воеводы новогрудскаго, отъ котораго супружества родился сынъ *Андрей;* онъ женатъ былъ на княжнѣ

Софіи, дочери Павла Сапѣги, каштеляна кіевскаго, извѣстной ревнительницѣ православія, подарившей, между прочимъ, виленскому св. Троицкому православному братству два каменные дома въ г. Вильнѣ. Отъ этого брака родился сынъ *Симеонъ-Самуилъ*, воевода витебскій, староста суражскій, потомъ воевода минскій, прославившійся въ молодости воинскими подвигами и любовью къ наукамъ, вслѣдствіе чего онъ завелъ въ своемъ замкѣ большую библіотеку, поддерживаемую приращеніемъ книгъ его потомками по настоящее время. Но онъ обезславилъ память славныхъ своихъ предковъ измѣной православной вѣрѣ, чрезъ обращеніе въ латинство. Іезуитъ Нѣсѣцкій, восхваляя его за это ренегатство, говоритъ между прочимъ: „Онъ первый, изъ этой вѣтви фамиліи Сангушковъ, оставилъ *схизматическія* заблужденія и, присоединившись къ римской церкви, ни одного схизматика терпѣть не могъ въ своихъ владѣніяхъ.“ (Korona Polska. pag. 11.) Изъ оставшихся трехъ сыновей его, два поступили въ р.-католическіе монахи, изъ коихъ Іеронимъ былъ бискупомъ суффраганомъ виленскимъ и основалъ въ Минскѣ іезуитскій коллегіумъ, около 1657 г. Отъ третьяго сына его Яна—Владислава происходятъ нынѣ существующіе князья Сангушки, коснѣющіе еще въ латинствѣ, не смотря на то, что до половины 17 вѣка, какъ мы видѣли выше, всѣ ихъ предки, безъ исключенія, исповѣдывали православную вѣру— вѣру тогда общенародную и господствовавшую на всемъ пространствѣ юго-западной и западной Россіи, а большей частію и собственной Литвы.

Ред.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ю и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г.

(Продолженіе).

ГЛАВА 11-я

Внутренняя жизнь Эмиграціи.— Устройство демократическаго товарищества.— Уставъ.—Сношенія съ туземцами.— Централизація, осуждаемая поляками.—Значеніе Ламберова отеля.— Организація заговорнаго дѣла.—Внушенія къ крамоламъ.—Взаимная ненависть.— Слѣдствіе посѣщенія Государемъ Варшавы.— Усиленная дѣятельность.—Крестьянскій вопросъ.—Сношенія съ русскими ренегатами.— Обширные замыслы.— Сводъ програмиъ къ мятежу 1863 года.

Ознакомясь съ внѣшнею дѣятельностью польской эмиграціи, взглянемъ на ея внутренній бытъ.

Тридцатилѣтняя конспиративная дѣятельность, со временъ раздѣла Польши 1795 года обратившаяся въ perpetuum mobile польской справы, конечно дала каждой партіи много данныхъ для правильнаго организированія конспиративныхъ ихъ работъ, согласно направленію, принятому каждою партіею. Ограничимся разборомъ двухъ главнѣйшихъ, такъ называемыхъ *демократической*, иначе *красной*, и *аристократической*, или *бѣлой;* всѣ остальныя были для нихъ болѣе или менѣе пригодными подспорьями.

Изъ этихъ двухъ партій дѣйствительная сила и матеріальныя средства были въ рукахъ *бѣлыхъ*. Съ этою силою, въ ихъ руки должна была попасть и *власть*. *Красные* понимали это, и съ озлобленною настойчивостью, добиваясь тоже власти, могли опирать-

ся только на отуманеніи понятій. Настойчиво проводя свои учен они проповѣдывали, что всѣ существующія основанія обществ наго устройства отжили свой вѣкъ, и *красные* не только предлага свои теоріи для пересозданія народной жизни, но и самихъ себя і вязывали въ исполнители,какъ мы имѣли случай видѣть изъ пре шествующаго разсказа; для того они работали *затаенными* отъ пр стодушныхъ туземцевъ путями и стремились нежданными, зара подготовленными событіями, *захватить* власть, и по временамъ дѣ ствительно кратковременно ее и захватывали. Въ средѣ дем кратической партіи составилось особое общество, подъ загл віемъ: „демократическаго товарищества." Это общество, д своего управленія имѣло свою *централизацію*; какъ знамене партіи аристократической былъ *Ламберовъ отель*, такъ знамене польскихъ демократовъ была централизація.

Демократическая партія стремилась систематическими рабо тами утвердиться и пріобрѣтать силу, которою она могла бы бо роться не только съ правительствами, но и съ противною пар тіею *бѣлыхъ*. Для своихъ работъ она хотѣла, вопервыхъ, дат правильную организацію своимъ членамъ, и во вторыхъ, по повсемѣст но проводимымъ ею началамъ, вести систематически и самыя рабо ты, дабы усилія не терялись въ разнохарактерныхъ и разно стороннихъ тенденціяхъ, но направленныя, согласно принятой про граммѣ, сливались бы въ одно и вели бы скорѣе и вѣрнѣе к задуманной цѣли.

Польскіе эмигранты, какъ было сказано, во Франціи были размѣ щены по депо; въ Парижѣ, для продолженія веденія польской спра вы, они составили свой польскій комитетъ, который, вслѣдстві интригъ, ненависти и зависти, безпрестанно мѣнялъ членовъ названія. *Адамъ Чарторыйскій*, опытный въ дѣлѣ затаенны похожденій, всегда умѣлъ сохранять преобладаніе; когда сам ярые его враги составили демократическое общество, то онъ въ э общество успѣлъ посадить своего человѣка, графа *Адама Гуровска* своего сотрудника еще по варшавскимъ конспираціямъ; *Гуровскій*, под постоянною маскою сильнаго врага аристократической партіи, оказа не малое вліяніе на ходъ дѣла. Основатели демократическаго общест составили уставъ, и всякій его подписавшій поступалъ въ чис его членовъ безразлично — находился ли онъ во Франціи, въ Поль шѣ, въ Россіи, въ Турціи, или другомъ какомъ либо мѣстѣ Это общество было самое значительное числомъ; члены-основател

особенно обладали наукою искушающей пропаганды, поражали воображеніе необузданностью рѣчей и эксцентрическими своими доводами. Оно неутомимо заботилось поглотить въ своей средѣ большинство польскихъ эмигрантовъ и дѣйствительно добилось того, что изъ около 5 тысячъ польскихъ выходцевъ 1831 г., проживавшихъ во Франціи, болѣе 1,500 человѣкъ вступили въ товарищество.

Уставъ общества демократическаго товарищества былъ разбитъ на главы и статьи. Нѣкоторое знакомство съ уставомъ разъясняетъ работу польскихъ демократовъ.

Основной законъ: Цѣль польскаго демократическаго товарищества — независимость Польши. Основою и средствами къ тому — демократія.

Польское демократическое товарищество объявляетъ свои понятія о демократіи публичными актами.

Глава I. Польское демократическое товарищество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, природныхъ поляковъ, безъ ограниченія ихъ числа, и изъ членовъ корреспондентовъ, поляковъ или иноземцевъ (§§ 1 и 2).

Общество дѣлится на секціи (§ 5).

Особыя учрежденія (институціи) пользуются властью въ границахъ, имъ предоставляемыхъ товариществомъ (§ 6).

Товарищество ввѣряетъ общее направленіе дѣятельности главному своему учрежденію — централизаціи.

Судебная власть предоставляется особой институціи. Общество товарищества рѣшаетъ только жалобы на централизацію (§ 8).

Глава II. Законодательная власть принадлежитъ обществу товарищества. Законъ безъ соизволенія и санкціи (утвержденія) общества не имѣетъ обязательной силы (§ 9).

Всѣ обнародываемые акты, какъ то манифесты, деклараціи, прокламаціи, протестаціи, отзывы и т. п., требуютъ утвержденія общества, кромѣ случаевъ, предвидѣнныхъ въ § 58.

Дѣла рѣшаются слѣдующимъ порядкомъ:

Проэктирующій заявляетъ свое мнѣніе *секціи*, а оттуда, съ мнѣніемъ, препровождается въ *централизацію;* никакой проэктъ не можетъ быть отвергнутъ безъ замѣчанія (§ 11).

Глава III. Члены, проживающіе въ одномъ городѣ или селеніи, составляютъ *секцію*, если ихъ не менѣе 5; въ против-

комъ случаѣ, они принадлежатъ къ ближайшей. Въ каждомъ мѣстѣ должна быть *одна* секція, развѣ только мѣстныя препятствія не допустятъ многочисленныхъ собраній. (§ 15).

Секція считается основанною, если общество составитъ протоколъ и изберетъ секретаря. (§ 17).

Каждая секція должна имѣть избранныхъ секретаря и кассира и засѣданія одинъ разъ въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ (§§ 18 и 19).

Всѣ члены по списку предсѣдательствуютъ по очередно. Посторонніе на засѣданія не допускаются. Каждому засѣданію составляется свой протоколъ. (§§ 20, 21).

Пренія рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. (§ 25).

Секція дѣлаетъ свои сношенія съ обществомъ товарищества только чрезъ централизацію. Разрѣшаемые вопросы — политико-соціальные. (§ 31).

Глава IV. Обязанность каждаго члена трудиться, по мѣрѣ своихъ способностей и положенія, *для общаго блага, но въ духѣ основаній, принятыхъ товариществомъ;* совѣтами и состояніемъ содѣйствовать теченію дѣлъ въ виду настоящаго и будущаго; покоряться уставу, акуратно вносить подать, согласно его постановленій. (§ 32).

Членъ не имѣетъ права принадлежать ни къ какимъ другимъ политическимъ союзамъ. (§ 43).

Глава V. Централизація (*) состоитъ изъ 5 членовъ, необходимое число членовъ въ комитетѣ для занятій. Три члена предсѣдательствуютъ по очередно, кромѣ секретаря. (§ 48).

Централизація можетъ, въ случаѣ надобности, дополнить необходимое число членовъ изъ товарищества, но ихъ голосъ только присовѣтующихъ. (§ 50).

Централизація сама себѣ приписываетъ свое внутреннее устройство. (§ 51).

Централизація единственный органъ, чрезъ который товарищество заявляетъ свою волю (§ 53).

Она оглашаетъ и приводитъ въ исполненіе сужденія общества, издаетъ распоряженія, инструкціи, предписанія, постановленія,

(*) Централизація имѣла свое пребываніе съ 1834 по 1840 годъ въ Пуатье, съ 1840 по 1848 въ Версали, съ Марта 1848 до Іюня 1849 въ Парижѣ; послѣ того, она, при неблагопріятныхъ для нея мѣрахъ новаго французскаго правительства, перебралась въ Лондонъ.

сосредоточиваетъ суммы общества; каждые три мѣсяца отдаетъ отчетъ объ общемъ ходѣ дѣла. (§ 57).

Въ чрезвычайныхъ неудобо-предвидимыхъ случаяхъ, (*) которые могутъ потребовать быстрыхъ распоряженій для дѣйствій, выходящихъ изъ предѣловъ атрибуціи централизаціи и не дозволяющихъ запроса воли общества, централизація предпринимаетъ всѣ мѣры и дѣлаетъ распоряженія, какія признаетъ нужными, и таковыя каждая секція и каждый членъ обязаны исполнять. (§ 58).

Члены централизаціи избираются на годъ. Бывшіе могутъ быть вновь избраны. (§ 63). (**)

Если централизація подвергнется такому преслѣдованію, что ей нельзя перенести засѣданія въ другое мѣсто, тогда, въ наличномъ комплектѣ членовъ, она занимается дѣлами.

Глава VI. Провинившіеся члены подвергаются братскому суду въ секціяхъ (§ 74), а дѣла каждые три мѣсяца сообщаются централизаціи (§ 77).

Отъ этой обязанности изъяты секціи, внѣ предѣловъ Франціи (§ 78).

Каждый членъ товарищества обязанъ ежемѣсячно вносить по $7^1/_2$ процентовъ своего мѣсячнаго дохода. (§ 116).

Изъ обширнаго устава общества демократическаго польскаго товарищества мы привели свѣдѣнія, показывающія, какими путями всѣ товарищи-демократы были связаны съ централизаціею. Эти пять членовъ, давая направленіе безпрерывной дѣятельности, правомъ объявленія и исполненія, сосредоточили всю ихъ дѣятельность въ своихъ рукахъ, или, по выраженію поляковъ, „*централизація оставляетъ за собою право высшаго обсужденія и мысли, предоставляя членамъ честь и величіе послушанія.*“ Воспитанники учебныхъ заведеній въ секціи не принимались. Въ

(*) Въ случаѣ производимыхъ мятежей.

(**) За время съ 1836 по 1862 годъ члены избирались исключително изъ числа 26: этотъ кружекъ составляли Янъ-Непомуценъ *Яновскій*, Станиславъ *Ворцель*, Ѳома *Маліновскій*, Викторъ *Гельтманъ*, Робертъ *Хмѣлевскій*, Людвигъ *Мѣрославскій*, Іосифъ *Высоцкій*, Янъ *Аліято*, Теофиль *Вишіовскій*, Генрихъ *Якубовскій*, Войцехъ *Дарашъ* Левъ *Зенковичъ*, Викентій *Мазуркѣвичъ*, Францъ *Шнайде*, Іосифъ *Ордега*, Александръ *Мальедорфъ*, Луціанъ *Зачинскій*, Адольфъ *Христовскій*, Валерій *Бреанскій*, Янъ *Подолецкій*, Антонъ *Жабицкій*, Карлъ *Стольцманъ*, Людовикъ *Гулевскій* и Михаилъ *Домагальскій*.

батиньольской школѣ въ Парижѣ они образовали особыя патріотическія товарищества, по правиламъ, даннымъ воспитателями; такое учрежденіе находимъ и между поляками-студентами въ Россіи.

Секціи товарищества развились не только во Франціи, но и по всей Европѣ—вездѣ, гдѣ находилось хотя пять поляковъ, согласныхъ подписать уставъ.

Такимъ путемъ всѣ секціи польскихъ демократовъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ работали согласно указаній централизаціи; *Мѣрославскій*, одинъ изъ ея членовъ, посвященный во всѣ подземныя работы, заявлялъ въ своемъ сочиненіи о польской національности (de la nationalité polonaise), писанномъ во время крымской войны, когда полякамъ казался близокъ берегъ польской справы, что служащіе въ Россіи поляки образуютъ какъ бы франъ-масонское братство. Сколько взаимной помощи для польской справы могли доставлять въ Россіи не только таинственные члены мѣстныхъ секцій, но и всѣ служащіе поляки, при постоянномъ ихъ конспиритивномъ настроеніи и заботахъ о польской справѣ.

Члены централизаціи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками европейскихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ и съ русскими ренегатами Герценомъ, Бакунинымъ и комп. и сообща вели дѣло подготовленія къ мятежамъ. Съ вожаками французскихъ революціонеровъ, которыхъ знаменемъ или, вѣрнѣе, флюгеромъ былъ много лѣтъ *Лафайетъ*, сносились главы молодой Европы нѣмецъ *Франкъ*, италіанецъ *Мадзини*, венгерецъ *Кошутъ*, со стороны поляковъ—старые дѣятели варшавскихъ заговоровъ, которыхъ имена мы привели, исчисляя членовъ разныхъ польскихъ комитетовъ. Когда польское демократическое товарищество выработало, въ 1836 году, свое устройство, то польскіе цетрализаторы, называемые туземцами *централыциками*, стали главными представителями въ обще европейскомъ космополитическомъ революціонномъ ареопагѣ — космополитическомъ до того времени, пока собственныя выгоды не побуждали каждаго высказаться яснѣе. Личности, какъ *Лелевель, Дверницкій, Зверковскій, Ельзановскій*, не входя въ составъ централизаціи, продолжали учавствовать въ этихъ сношеніяхъ. Въ 1836 году, въ возникшей централизаціи, вліятельнѣйшимъ членомъ былъ Янъ Непомуценъ *Яновскій*, сторонникъ республиканскихъ началъ.

Изъ членовъ централизаціи 1845 *Мѣрославскій* отправился

въ Познань, и былъ схваченъ пруссаками, *Висніовскій* въ Галицію, гдѣ былъ схваченъ и повѣшенъ австрійцами, *Высоцкій* не доѣхалъ, *Альціато* (*) прибылъ въ Краковъ и бѣжалъ со страху.

Наученная неудачнымъ опытомъ 1846 года, въ 1848 г. централизація осталась во Франціи; послѣ 1849 года она переѣхала въ Лондонъ; въ 1855 году она сократилась на трехъ членовъ. Парижская секція, такъ называемая *батиньольская*, которой члены прикрывались своими обязанностями при польской батиньольской школѣ, пріобрѣла подъ конецъ значеніе гораздо большее самой централизаціи и, находясь въ Парижѣ, удобно могла присвоить себѣ ея права.

Польскіе демократы имѣли двухъ враговъ: правительства и партію *Чарторыйскаго* или аристократическую; первый врагъ вынуждалъ ихъ не прерывать съ бѣлыми всѣхъ сношеній, но, имѣя въ нихъ своего врага, соперника въ домогательствахъ къ властвованію надъ будущими судьбами Польши, они тѣсно связались съ европейскими революціонерами и неутомимо проводили свои мѣры къ распространенію своихъ польско-демагогическихъ ученій между туземцами. Имъ было необходимо вербовать себѣ сторонниковъ, способныхъ воспитывать подростающее поколѣніе въ этомъ духѣ. Труды членовъ товарищества представляютъ огромный отдѣлъ въ польской литературѣ. Главный органъ этой партіи былъ „Польскій демократъ“—журналъ, содержавшій множество самыхъ эксцентрическихъ статей; къ нему должно прибавить массу брошюръ, рѣчей, самыхъ подзадоривающихъ, которыя ничѣмъ не стѣснялись, подобно произведеніямъ Адама *Мицкевича*: ни правдою, ни логикою, ни положительными свѣдѣніями; общій ихъ характеръ— судорожная распаленность страстей, озлобленная ненависть къ Россіи, а равно и противъ другаго врага— партіи аристократической. *Бѣлые* сочувствовали *краснымъ*, готовя ихъ, въ свои орудія, а *красные*, чуя уловку при этихъ обстоятельствахъ, проповѣдывали ненависть къ землевладѣльцамъ,— ко всему существующему порядку, стремились ко всеуничтоженію, къ пересозданію общества и прославляли коммунизмъ.

(*) Альціато былъ именно тотъ членъ, назначенный въ краковскій жондъ 1846 года, котораго имя намъ оставалось неизвѣстнымъ. Вышедшая въ концѣ 1865 г. брошюра »Эмиграція польска« дала возможность дополнить этотъ пробѣлъ.

За тѣмъ, кромѣ дѣйствія литературою, ни одна партія не высылала въ край такого множества эмиссаровъ; ихъ обязанность была образовать мѣстныя секціи между туземцами, для большаго собиранія денегъ и распространенія своихъ ученій. Религіозное направленіе далеко не входило въ программу дѣятельности централизаціи, хотя она хотѣла имѣть ксендзовъ на своей сторонѣ. Централизація со всѣхъ сторонъ обдумывала средства къ собственному усиленію для борьбы съ аристократическою партіею, но какъ эта, по указаніямъ *Чарторыйскаго*, стремилась клерикальную партію удержать за собою, то, для парализованія этой работы, централизація придумала пригодное средство: она склоняла молодыхъ людей, совершенно увлеченныхъ ея ученіями, поступать въ ксендзы, дабы въ этомъ духѣ дѣйствовать на женщинъ и на народъ. *Конарскій* былъ первый эмиссаръ отъ централизаціи, отправившійся въ край, для установленія правильныхъ поборовъ съ туземцевъ въ пользу демократическаго товарищества и образованія секцій, подчиненныхъ централизаціи. Для точнаго направленія дѣятельности туземцевъ, составлялись разныя инструкціи и катихизисы, которыя, въ микроскопическомъ видѣ, при чтеніи, возможномъ только при помощи увеличительныхъ стеколъ, въ пуговицахъ, въ карандашахъ и т. п. доставлялись въ край. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и знаменитый польскій катихизисъ, для служащихъ въ Россіи поляковъ, который мы помѣстимъ въ приложеніяхъ; за таковые централизація уплачивала авторамъ преміи, и польскій катихизисъ попалъ въ руки русскаго правительства едва ли не въ новомъ, уже дополненномъ, исправленномъ изданіи.

При подобномъ подготовленіи поляковъ, находящихся въ русской службѣ, не удивительно, что поляки доставили во Францію планы русскихъ крѣпостей, неудивительно, что эмиграція ведетъ списки всѣхъ въ Россіи служащихъ поляковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, содержанія и способностей, что она изъ Парижа указываетъ на необходимыя для польской справы замѣщенія въ русской администраціи, что *Мѣрославскій* поражаетъ своими численными свѣдѣніями о состояніи русскихъ войскъ, на примѣръ,—по числу въ полкахъ находящихся римско-католиковъ, наконецъ, что онъ въ средѣ эмиграціи выражался, что нѣтъ такого свѣдѣнія, въ которомъ ему встрѣтится надобность, и которое телеграфъ не принесъ бы ему чрезъ 24 часа.

Эмиграція, побирая съ края обильныя пожертвованія, вдал

стояла какимъ то избраннымъ кружкомъ польской націи; поляки туземцы, преклоняя колѣни предъ полнымъ обаяніемъ этихъ *высокорожденныхъ*, наукою и опытностью себя выработавшихъ, своихъ старшихъ братьевъ, каковыми они называли своихъ выходцевъ, слѣпо вѣрили во всѣ обѣщанія, не видѣли обмана, а приписывали только нѣкоторымъ уловкамъ, необходимымъ для проведенія польской справы, когда натыкались на ихъ продѣлки. Туземцы даже почитали своимъ долгомъ поддакивать, дабы поддерживать всю ложь и всю клевету, которыя эмигранты находили пригодными разсѣевать; такъ, нѣсколько эмиссаровъ централизаціи, какъ выше было сказано, съ Едуардомъ *Дембовскимъ* во главѣ, предъ мятежемъ 1846 года, обходили деревни Галиціи, всюду возбуждая народъ противъ землевладѣльцевъ, выставляя ихъ его отъявленными врагами, отъ которыхъ топорами должно избавиться; не менѣе того, мы хоромъ поддакивали, что австрійское правительство устроило убійства, и только сами высказали истину, когда разочаровались въ томъ, что эмиграція можетъ возвратить независимость Польшѣ. Когда минули всѣ надежды на грозную, громадную всеобщую революцію въ Европѣ, изъ которой новымъ сфинксомъ должна была возпрянуть освобожденная Польша, когда, наконецъ, и гроза колоссальныхъ силъ западной Европы, послѣ трехъ лѣтней борьбы, прошла, и Европа, казалось, забыла, что существуетъ польское шляхетство, тогда разсерженные поляки—туземцы взглянули пытливѣе на дѣятельность своихъ дальнихъ земляковъ. Приведемъ нѣкоторые отзывы туземцевъ о демократической ихъ партіи:

„Централизація, говорятъ поляки, (*) взялась проповѣдовать вольность, равенство и общее братство, но у нея вольность значитъ деспотизмъ, равенство—сѣсть народу на шею, братство—убійство. Война 1830—1831 года имѣла для Польши гибельныя послѣдствія, но доконать насъ Россія не могла и не умѣла; для того у нея не достало ни силъ, ни разума. Польша не упала нравственно; эмиграція взяла на себя святое дѣло выказать Европѣ историческое значеніе Польши и Россіи; централизація демократическаго товарищества взяла на себя науку пересоздать Польшу, но она все разрушала, все разрывала и ничего не успѣла ни заложить, ни создать. Въ Лелевелѣ уважали проводника терро-

---

(*) Образъ товаржыства демократычнего польскѣго и ѣго централизаціи—напечатанъ въ Краковѣ, подъ псевдонимомъ Старовѣйскаго.

ризма и демагогіи, централизація проводила мысль, что, послѣ паденія исторической Польши, легче всего сотворить новый польскі міръ, дать жизнь, дать силы для возстанія и сильный народны быть; журналъ „Постемпъ," основанный для провода ея теорій к этому возобновленію Польши, объявилъ, что понятіе Бога вредит развитію правъ человѣчества, что мы всѣ равны, потому что рав но созданы изъ глины. Таковы были начала, на которыхъ централизація основала свои теоріи пересозданія польскаго народа.

Край поддался господству централизаціи, и съ этого времени начались ея домогательства къ самовластію надъ нимъ; съ этого времени мечты о диктатурѣ, мечты о пропагандѣ—путемъ кровопролитій. „У центральщиковъ не было недостатка въ доходахъ; они придумали къ тому способы наискуснѣйшимъ образомъ и выработали талантъ выжиманія; всюду были складчины какъ въ краѣ, такъ и во Франціи. Центральщики жили въ Версали роскошно и на распашку; бросаньемъ денегъ они осуществляли свои демократическіе манифесты. Сколько лѣтъ побирали они деньги съ того *доброчиннаго* дворянства, на головы котораго они приказали точить топоры, предъ рѣзнею 1846 года!"

Злыми покушеніями, сатанинскими началами противъ всякихъ духовныхъ началъ, централизація выступила на поприще дѣйствія. Записной демократъ І. Н. *Яновскій* выразился: „человѣкъ (т. е. Графъ Гуровскій) вышелъ; но свою мысль онъ оставилъ." Въ 1832 г. манифесты объявляли, что Польша не имѣетъ собственныхъ силъ для возстанія; тогда европейскимъ революціонерамъ нужно было заставить эмигрантовъ имъ содѣйствовать. Чрезъ четыре года централизація сдѣлала большое открытіе: манифестомъ она объявила, что Польша можетъ возстать собственными силами; тогда ліонскія событія заставили притихнуть европейскихъ сотоварищей. „И такъ Польша не могла бы освободиться сама собою, но демократическое товарищество дало ей возможность, объявляя демократическимъ товариществомъ все для Польши, а Польшею для народа; то есть горячка и конвульсіи 1846 г., по манифесту централизаціи, должны были служить къ освобожденію Польши. Центральщики и централизація проповѣдовали коммунизмъ, а своею наукою они нашли къ тому одинъ путь: *террорь и кровь*. Дѣйствительно, рѣзнею 1846 года, она близко была къ тому, что наступило бы въ самомъ дѣлѣ совершенное равенство. (Мяда настоянщць правдзива рувносць)."

Таковы были средства, придуманныя наукою централизаціи для достиженія того, что объявлялъ краковской манифестъ: „У насъ будетъ вольность, какой еще свѣтъ никогда не видѣлъ.“ Манифесты централизаціи выговорили ея символъ: *„самовластіе и мечъ“* и сатанинская наука выразилась словами: „Кто не поддается убѣжденію, тотъ поддается убіенію (кто се неда пршеконаць, да се замордоваць).“

Освобожденіе ойчизны были одуряющія слова для поляковъ; паны, въ чаду своей патріотической похоти, были увѣрены, что когда настанетъ часъ избавленія, тогда они возвратятъ свое значеніе и, глядя на красныхъ, какъ на нужное пушечное мясо для перваго огня, ободрительно отзывались о настойчивой ретивости своихъ демократовъ, какъ они говорили до 1849 года, демагоговъ, какъ они назвали ихъ впослѣдствіи. Они открывали свои щедрые кошелки предъ эмиссарами эмиграціи, читали съ удовольствіемъ ихъ періодическія изданія и брошюры, подхваливали ихъ умѣнье религіозный фанатизмъ прежнихъ временъ переработать въ фанатизмъ политическій; на рѣчи централыциковъ они смотрѣли, какъ на воодушевляющія слова начальника, готовящаго воиновъ на приступъ, въ полной надеждѣ, что взятая крѣпость перейдетъ въ ихъ руки; только послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи сороковыхъ годовъ смекнули, что паны такіе же враги для польскихъ демагоговъ, какъ и державы, раздѣлившія Польшу, и что, по достиженіи независимости, имъ грозитъ, со стороны этихъ дѣятелей-патріотовъ кровавая расправа. Паны поняли, что, въ предстоящихъ работахъ къ польской справѣ, они должны противъ этихъ сотрудниковъ-соперниковъ принять свои мѣры; сотрудники-соперники проводили мысль, что подготовленія къ кровавой расправѣ не должны ограничиться сицилійскими вечернями противъ войскъ, размѣщенныхъ въ границахъ Польши 1772 года; всѣ соціальныя реформы, научно обработанныя централизацію, для практическаго примѣненія пріискали только одинъ исходъ: *убивать, кого не могли убѣдить словомъ или застращиваніемъ.*

Конечно, всѣ личности, которыя въ теоріяхъ централизаціи черпали свои политическія убѣжденія и въ ея кровавыхъ инструкціяхъ видѣли наставленія для ихъ общественной дѣятельности, съ полною справедливостью были названы *красными.*

Среди судорожной, раздраженной дѣятельности, истинные представители партіи красныхъ, централыцики, съ своими сообщниками,

вырабатывали кровавыя теоріи, для судимаго благоденствія человѣчеству, которыя, по ихъ разсчетамъ, должны были доставить имъ власть въ руки, какъ исполнителямъ новыхъ, спасающихъ общества, идей. Съ этою дѣятельностью, дѣятельность Ламберова отеля составляла совершенную противуположность. Душею ея былъ князь Адамъ *Чарторыйскій;* его мысли двигали къ конспиративной работѣ польскихъ магнатовъ и пановъ; онѣ составляли ихъ политическія убѣжденія. Польская аристократія и польскіе паны вѣрили въ искусство князя Адама; они признавали его геніальнымъ государственнымъ мужемъ Польши; они не ошибались въ томъ смыслѣ, что государственные мужи Польши славились своими интригами, и конечно, едва ли на этомъ поприщѣ *Чарторыйскій* найдетъ соперника. Поляки и ихъ сторонники говорятъ: (*)

„Князь *Адамъ*, будучи попечителемъ учебнаго округа, съ полнымъ успѣхомъ для польской справы, совершилъ великое дѣло, но онъ запутался въ своихъ соображеніяхъ, какъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе; князь *Адамъ* былъ обойденъ императоромъ Александромъ и, понадѣясь на него, парализировалъ порывы патріютовъ; если бы *Чарторыйскій* не убаюкивалъ соотчичей вѣстями въ добрыхъ намѣреніяхъ Александра, то вся Польша не пропустила бы времени, она возстала бы при Наполеонѣ и, конечно, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, съумѣла бы утвердить свое возстановленіе; князь *Адамъ* погубилъ и возстаніе 1831 года, не имѣя вѣры въ народныя силы, и упалъ духомъ, когда видѣлъ, что на помощь иностранныхъ державъ уже нечего разсчитывать.„

Таковы отзывы поляковъ разныхъ партій; но не смотря на то въ средѣ пановъ, болѣе справедливые патріоты иначе оцѣнивали заслуги, оказанныя польской справѣ княземъ *Адамомъ*. Князь *Адамъ*, по ихъ мнѣнію, оказалъ незабвенныя услуги дѣлу Польши. Онъ, въ критическія для нея минуты послѣ раздѣла, не далъ заглохнуть польской національности, онъ воскресилъ въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, имя Польши и поляковъ на картѣ Европы, въ международныхъ трактатахъ вычеркнутыхъ послѣднимъ раздѣломъ; на ихъ возстановленіе не рѣшался и Наполеонъ; онъ, изъ вопроса, интересовавшаго только

(*) Мазадъ, В. Мицкевичъ, не назвавшійся авторъ «Эмиграція польска.»

один кабинеты, сдѣлалъ вопросъ, нынѣ заинтересовавшій все европейское общество, вдвинувъ въ свое время Польшу на шахматную доску европейской дипломатіи.“

Подготовляемый домашнимъ воспитаніемъ къ продолженію дѣятельной роли своей фамиліи на поприщѣ интригъ Рѣчи Посполитой, принявъ участіе въ передрягахъ конституціи 1791 г. и возстанія *Косцюшки*, князь *Адамъ* явился уже съ подготовленою его опытностью въ С. Петербургѣ, въ 1795 году, и по 1824 годъ оставался руководителемъ всѣхъ польскихъ интригъ, веденныхъ въ Россіи. Онъ глубоко изучалъ людей, отъ которыхъ зависѣла судьба Польши, людей вліятельныхъ и старался съ ними завязать ближайшія сношенія.

Онъ, играя на струнахъ чувства справедливости Монарха, обработывалъ въ Императорѣ Александрѣ впечатлѣніе, произведенное въ немъ швейцарцемъ Лагарпомъ, что возвращеніе западной Россіи къ русской державѣ было политическимъ преступленіемъ. Воспоминанія и корреспонденціи князя Адама свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ искусно во тьмѣ и мглѣ держать польскія дѣла предъ глазами русскаго правительства, дабы не допустить до того, чтобы они могли обратиться въ ясно понятый польскій вопросъ; преданныя печати отрывки, по волѣ Чарторыйскихъ, даже и тѣ указываютъ, что играя на струнахъ сердечной доброты Государя, съ видомъ глубокой скорби и нравственнаго потрясенія, онъ становился предъ Александромъ Павловичемъ всякій разъ, когда выходили правительственныя распоряженія, не пригодныя, или опасныя польской справѣ.

Филантропія и цивилизація стали между русскими сановниками лозунгомъ, пущеннымъ молодымъ воцарившимся императоромъ, который со всѣмъ пыломъ доблестной, прекрасной своей природы, жаждалъ благоденствія своихъ подданныхъ. Филантропія и цивилизація, въ рукахъ князя Адама *Чарторыйскаго*, стали чадомъ, который онъ напускалъ на русскихъ, домогаясь филантроповъ и цивилизаторовъ обратить въ полонофиловъ, въ сотрудниковъ къ польской справѣ; и на прочныя основанія онъ поставилъ пріумноженіе между русскими служащими того, что польскіе эмигранты впослѣдствіи прозвали *Панурговымъ стадомъ*. Онъ положилъ основаніе тому, что наука интригъ и революцій впослѣдствіи выработалась до террора, до застращанія людей, опасныхъ польской справѣ. Личности вліятельныя, которыхъ польскій чадъ не могъ отуманить, и которыя сквозь него видѣли и проводили русскіе интерессы, но-

пираемые полонизмомъ, тѣхъ тщательно закутанная польская интрига устраняла отъ дѣлъ, и только предъ позднѣйшимъ потомствомъ начинаютъ разъясняться давно забытыя событія. Чужими руками князь *Чарторыйскій* устроилъ паденіе опаснаго польской справѣ *Державина*, еще искуснѣе и съ неменьшимъ успѣхомъ была ведена интрига противъ опаснѣйшаго противника, противъ *Сперанскаго*,—дѣла, затѣяннаго княземъ *Адамомъ*, и едва ли не по его ближайшимъ соображеніямъ, чужими руками вполнѣ исполненнаго графомъ Михаиломъ *Огинскимъ*, когда онъ замѣстилъ *Чарторыйскаго* въ обязанности верховнаго руководителя къ охраненію преуспѣянія работъ по польской справѣ въ С. Петербургѣ. Польская справа домогалась поставить вновь пріобрѣтенную Финляндію на тотъ путь, чтобы финляндцы уподобили себя полякамъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи; польская справа, по дипломатическимъ соображеніямъ князя, надѣялась усилиться союзникомъ, и для того думала найдти орудіе въ Арифельдѣ *мужа, состарѣвшагося среди стокгольмскихъ интригъ*, по словамъ современника, *и который, послѣ бурной служебной карьеры въ отечествѣ, переселясь въ Россію, искалъ новаго значенія.*

Подъ высокимъ покровительствомъ князя *Чарторыйскаго*, польская интрига самымъ коварнымъ путемъ устранила отъ дѣлъ и *Іоанна Красовскаго*, энергическаго ревнителя русскаго дѣла въ западной Россіи, и когда, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, при его прозорливо ясномъ взглядѣ, снова открылось широкое поприще предъ *Красовскимъ* и не было надежды отъ него избавиться, тогда внезапная его кончина оставила не одну молву объ изворотливости польской справы, которую никакое средство не останавливаетъ для достиженія цѣли. Раскрытіе мятежнаго настроенія виленскаго университета, вѣтви конспиративной дѣятельности, веденной въ Варшавѣ, подъ высокимъ покровомъ князя *Чарторыйскаго*, заставило его выпросить позволеніе и поспѣшно удалиться за границу, не ожидая конца дѣла, какъ того желалъ Александръ Павловичъ; убоялся князь, чтобы *Новосильцевъ* не раскрылъ нить perpetuo mobile польскихъ заговоровъ и не дошелъ, хотя косвенно, и до него самаго. Гроза прошла благополучно; когда же раскрытіе польскаго заговора, союзнаго заговора декабристовъ, кое какъ въ Варшавѣ изслѣдованнаго, пришло къ тому, что судъ былъ наряженъ для приговора преступниковъ, тогда *Чарторыйскій*, увѣрен-

ный въ своей безопасности, тотчасъ вернулся и занялъ свое мѣсто въ варшавскомъ сенатѣ, дабы спасать людей, которые впредь могли быть ему полезны и которыхъ удаленіе нанесло бы рѣшительный ударъ конспиративной его дѣятельности. Эти люди, рѣшительные, готовые не только конспирировать, но и дѣйствовать, начать мятежъ и своимъ примѣромъ увлечь другихъ, были для *Чарторыйскаго* самые дорогіе, незамѣнимые. Такихъ людей онъ постоянно ободрялъ, поддерживалъ, спасалъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Даже въ средѣ самыхъ непріязненныхъ ему рядовъ онъ парализировалъ . ихъ ненависть къ себѣ подстрекающими, лестными отзывами: „позволено ли истинному поляку на него гнѣваться, когда все это у него происходитъ отъ одного чувства безпредѣльной, горячей любви къ ойчизнѣ?" Это была постоянная его тактика во все время его многолѣтняго политическо-конспиративнаго поприща.

Начало царствованія Николая Павловича указало, что Государь, не смотря на тьму и мглу, покрывавшія польскія дѣла, приводя въ порядокъ государственное устройство, наносилъ страшные удары всѣмъ подготовленіямъ къ польской справѣ; многолѣтнимъ работамъ *великаго будованія* (1) угрожали съ каждымъ днемъ новыя разрушенія; нельзя было терять времени; князь *Чарторыйскій* постоянно разсчитывалъ, что только при сильномъ потрясеніи спокойствія въ Европѣ, Польша можетъ воспрянуть изъ развалинъ; іюльская монархія, возникшая въ Парижѣ, подавала много надежды, при развившемся духѣ къ революціямъ въ 1830 году, и по мановенію князя *Чарторыйскаго* мятежъ вспыхнулъ въ Варшавѣ; тогда, съ всегдашнею своею предусмотрительностью, онъ, во время уже загорѣвшагося мятежа, сношеніями съ *Цесаревичемъ*, сберегалъ для себя заднюю дверь для благополучнаго отступленія, въ случаѣ напасти, съ поля крамолы.

Съ укрощеніемъ мятежа польскія надежды разсѣялись. Приговоръ князя Адама *Чарторыйскаго* къ смертной казни, въ случаѣ его возвращенія въ Россію, охранилъ предѣлы Имперіи, по крайней мѣрѣ отъ личнаго его посѣщенія.

Въ то время, какъ на одной окраинѣ ревностной польской справы стояла съ проявленіями кипучей, яростной, бѣшеной дѣятельности централизація, на другой стояла дипломатически холод-

---

(1) На языкѣ заговорщиковъ возстановленіе Польши.

ная личность хитраго князя Адама *Чарторыйскаго.* Каждое его слово, каждая его рѣчь была обманъ, а потому точно также въ томъ же смыслѣ, безошибочно онъ и принималъ всякое слово, всякую рѣчь своихъ противниковъ; во всѣхъ оглашаемыхъ заявленіяхъ онъ видѣлъ только средство увлекать и двигать близорукія и легко увлекаемыя массы поляковъ. Онъ неуклонно и въ эмиграціи продолжалъ проводить свои фамильныя традиціи, вѣковую фамильную свою програму — сдѣлать изъ Чарторыйскихъ династію на польскомъ престолѣ и обратить его въ наслѣдственный; это стремленіе было завѣщаніе его предковъ, онъ его передавалъ своему потомству; оно освѣщаетъ весь путь его столъ разнообразнаго жизненнаго поприща.

Пребываніе князя *Адама* въ эмиграціи на много выдвинуло впередъ фамильную програму; онъ добился того, что, въ понятіяхъ всѣхъ поляковъ—сторонниковъ и враговъ, ясно обозначалось, что, если Польша воспрянетъ и воспрянетъ въ монархическихъ формахъ, то природный король можетъ быть только *Чарторыйскій.* Въ Варшавѣ, равно какъ и въ Петербургѣ, прежде онъ былъ только польскій вельможа, глава извѣстной партіи, защитникъ польскихъ интересовъ, чиновникъ русскаго правительства, отстаивающій польщизну предъ первенствующими русскими властями; въ эмиграціи же, не смотря на всѣ неистовыя провозглашенія демократовъ и ихъ централизаціи, которые сами жаждали власти, общественное мнѣніе Европы, и преимущественно поляковъ, видѣло уже въ *Чарторыйскихъ* какъ бы развѣнчанную династію; онъ ловко успѣлъ занять такое положеніе и окружить себя пригодною обстановкою. *Лелевелъ* признавалъ, что для возстановленія нужна династія и сожалѣлъ, что ее нельзя поддѣлать, *Мохнацкій* доказывалъ необходимость династіи и указывалъ на *Чарторыйскихъ*; журналъ 3-го мая уже явно призывалъ Польшу къ признанію королемъ *Адама* I, ближайшіе сторонники его и признали. Графъ Владиславъ *Замойскій,* для укрѣпленія сего *факта совершившагося,* вычеканилъ тысячи экземпляровъ медалей съ его изображеніемъ и съ надписью: „Боже, возврати намъ нашего короля„ Отель Ламберъ имѣлъ всю обстановку королевскихъ чертоговъ; при *Чарторыйскомъ* былъ особый совѣтъ *дирекция,* (1) состав-

(1) Дирекціею называлось, послѣ раздѣла Польши, и польское аристократическое агенство, при французской директоріи, въ концѣ минувшаго столѣтія.

ленный изъ аристократическихъ личностей эмиграціи. Подъ дирекціею состояли три департамента: *дипломатическій, военный* и *особыхъ сношеній*. Эти три департамента Ламберова отеля обрисовываютъ его дѣятельность. Безопасное пребываніе за границею дало *Чарторыйскому* возможность, подъ сѣнью эмиграціи, въ полуофиціальномъ видѣ, продолжать perpetuum mobile польскихъ заговоровъ, начавшихся съ 1794 года.

Чарторыйскій пародировалъ претендента развѣнчанной династіи и, опираясь на большинство пановъ туземцевъ, въ ихъ глазахъ разыгривалъ дѣйствительно роль короля *Адама* I-го. Проведеніе фамильной програмы *Чарторыйскихъ* приняло опредѣленныя, ясныя формы.

Искуственное воспроизведеніе таинственнаго государства, безъ территоріи, проявлялось и въ своеобразныхъ формахъ его дѣятельности. Ламберовъ отель имѣлъ свою политику безгранично-либеральную для всего, что касалось конспиративной дѣятельности; Ламберовъ отель все прощалъ своимъ соотчичамъ противникамъ, даже централизаціи: „Демократическое общество только увлекается избыткомъ своего патріотизма", были постоянныя слова Ламберова отеля; за то его принципы были чисто шляхетско-консервативныя; эти принципы и составляли силу Ламберова отеля—силу дѣйствительную, не мечтательную, какъ сила централизаціи, но осязательную, безъ содѣйствія которой всѣ затѣи польскихъ демагоговъ обращались въ ничто, такъ, напр., разыгрались кровавыя шутихи *Зпливскаго, Потоцкаго, Воловича*. При своеобразномъ положеніи, безъ территоріальнаго государства, во внѣшнихъ сношеніяхъ князя *Адама*, при нормальномъ положеніи Европы, литература едва ли не имѣла большее значеніе, нежели его сношенія дипломатическія.

Чарторыйскій созидалъ свои пресловутыя дипломатическія сношенія на остаткахъ прежнихъ связей и исканіемъ новыхъ съ вліятельнѣйшими сановниками въ Европѣ. Не имѣя офиціальнаго доступа въ кабинеты, *Чарторыйскій* содержалъ однако своихъ агентовъ въ разныхъ столицахъ, подкарауливать моменты, дабы напоминать европейскимъ державамъ, что поляки, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, будутъ поддерживать, всѣми своими видимыми и невидимыми средствами, всякія враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Самыя успѣшныя и постоянныя сношенія велись съ Римомъ. Чрезъ папу, *Чарторыйскій* ксендзами усиливалъ

свое вліяніе на тѣ слои общества, въ которыхъ преимущественно могла дѣйствовать централизація; чрезъ него онъ надѣялся проводить и свои соображенія въ Россію, уясняя дѣла ватикану. При спокойномъ же положеніи Европы, Ламберовъ отель, безъ всякаго вліянія на кабинеты, искалъ другой поддержки—въ европейскомъ общественномъ мнѣніи.

Европейскія общества, по національнымъ чувствамъ, оглядывались на возрастающее могущество Россіи. Поляки съумѣли раздуть эти опасенія до ненависти; держать польскія дѣла во мглѣ и тмѣ было постояннымъ стремленіемъ поляковъ; относительно западной Европы имъ было это тѣмъ удобнѣе, что даже и во Франціи вся польщизна смутно сливалась въ двухъ именахъ *Костюшки* и *Понятовскаго* (1), и разнообразная, разнохарактерная литература всѣхъ партій польской эмиграціи сливалась для Европы въ какой то непроницаемый хаосъ, изъ котораго она могла уразумѣть только то, что Россія врагъ человѣчества и опаснѣйшій противникъ европейскому развитію. Ламберовъ отель, издавая для туземцевъ свою польскую газету (3-й Май), привлекалъ къ себѣ и всякія польскія проявляющіяся литературныя знаменитости (*Мохнацкій*, *Мѣрославскій*, *Мицкевичъ*, *Крассинскій*, *Чайковскій* и пр.); всѣ не миновали заискиваній Ламберова отеля. Но гораздо дороже ему обходилась закупка иностранной печати. Шпіоны и литература, во время послѣдняго мятежа, въ одинъ годъ обошлись въ 2 милліона франковъ; правда, что это было время особенной дѣятельности, но и предыдущая тоже многимъ была менѣе. Закупая журналы, издаваемые на всѣхъ языкахъ, Ламберовъ отель искалъ и писателей иноземцевъ, кромѣ поляковъ, проводившихъ польскую справу по французки, по нѣмецки и по русски; чужіе писатели были тѣмъ полезнѣйшіе сотрудники въ работахъ и проведеніи идей Ламберова отеля, что они могли дѣйствовать сильнѣе на общественное мнѣніе, какъ *писатели безпристрастные;* таковыми мы видимъ для французской публики *Мазада*, для русской *Шедо-Феррюти*, которые со всѣмъ своимъ удовольствіемъ проводили идеи Ламберова отеля. Ежегодно въ польскомъ историко-литературномъ обществѣ, основанномъ подъ сѣнью *Чарторыйскаго*, бывали, въ день годовщины варшавскаго возстанія

---

(1) Костюшко и Понятовскій. (Notes pour servir a L'intelligenu des affaires de Pologne. Ѳаддея Тышкевича).

1830 ($^{17}/_{29}$ ноября) и 3-го мая, торжественныя собранія. На нихъ, пародируя тронныя рѣчи, князь *Адамъ* произносилъ свои рѣчи, которыхъ образчикъ читатели найдутъ въ приложеніяхъ, чтобы ознакомить нѣсколько съ способомъ, принятымъ *Чарторыйскимъ* для легальнаго изображенія мятежныхъ замысловъ. Дипломатическій департаментъ былъ ввѣренъ перекресту изъ евреевъ *Кляцко* (1).

Занятіемъ дипломатическаго департамента было назначено: 1) направленіе польской журналистики Ламберова отеля, въ помѣщеніи пригодныхъ видамъ аристократической партіи приличныхъ статей въ закупленныя иностранныя періодическія изданія; вообще въ кругъ дѣйствій департамента *Кляцко* входила вся литературная и ученая дѣятельность; *Кляцко* и самъ писалъ статьи въ Revue de deux mondes и въ ежедневные большіе парижскіе журналы; 2) сношенія съ агентами *Чарторыйскаго*, разосланными по европейскимъ столицамъ, чтобы оживлять тамъ воспоминанія о полякахъ, выставлять значеніе князя *Адама* и стараться войдти въ сношенія съ вліятельными личностями правительственными-литературными, или вліяющими на общественное мнѣніе. Ламберовъ отель хорошо помнилъ традицію польскаго заговора при его зародышѣ, въ концѣ минувшаго столѣтія: съ паденіемъ Польши, ея голова и сердце должны переселиться въ Парижъ, а ея руки должны быть, одна въ Константинополѣ, другая въ Стокгольмѣ; князь *Адамъ* не упускалъ изъ

---

(1) Мѣстные старожилы помнятъ Кляцко еще быстроглазымъ и быстроногимъ жидкомъ въ Вильнѣ, обращавшимъ вниманіе своею способностью въ исполненіи скоромныхъ и деликатныхъ порученій. Паны признали полезнымъ, чтобы онъ прослушалъ курсы заграничныхъ университетовъ; онъ отправился въ Пруссію, оттуда перебрался въ Парижъ и добился высокаго довѣрія князя Чарторыйскаго. Кровные поляки весьма обижались принятыми имъ горячо патріотическими шляхетскими ухватками. «Кляцко стыдился того, что онъ жидъ;" поэтъ Адамъ Мицкевичъ, затронутый за живое его выходками, перебилъ его однажды среди выспреннихъ разглагольствованій вопросомъ: „не знаете ли вы, сколько раввинскихъ училищъ въ Польшѣ?" и прибавилъ, что ему приличнѣе было бы проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ выставлять себя адвокатомъ шляхетскихъ притязаній" Вл. Мицкевичъ, стр. 27)

виду эту традицію, и востокъ въ особенности. Мы видѣли образчикъ въ дѣятельности *Чайковскаго* (Садикъ Паши). „Чарторыйскіе похвалятся въ обращеніи къ римско-католичеству, пишетъ В. *Мицкевичъ* (3), но мы опасаемся, что это обращеніе не послужитъ польской справѣ. Булгары, чтобы добыть покровительство Франціи, согласились сдѣлаться уніатами, т. е., неизмѣняя своему греческому закону, признавать папу вмѣсто константинопольскаго патріарха; нынѣ іезуиты вмѣшались въ это дѣло; событія Украины могутъ и тамъ повториться и нѣсколько фанатическихъ ксендзовъ могутъ заставить населеніе кинуться въ объятія Россіи. Но *Чарторыйскіе* получили отъ папы много поздравленій и благословленій.“

Военнымъ департаментомъ управлялъ *Іорданъ*. Въ него поступали всѣ планы и проэкты для военныхъ дѣйствій на случай мятежей, свѣдѣнія о военныхъ силахъ трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, и подробнѣйшія свѣдѣнія о полякахъ, находящихся въ войскахъ этихъ государствъ; свѣдѣнія о военныхъ польскихъ личностяхъ и о числѣ поляковъ, особенно принадлежащихъ спеціальнымъ оружіямъ. Если мы обратимся къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ, то невольно кидается въ глаза то обстоятельство, что въ нашихъ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ концѣ тридцатыхъ еще годовъ, воспитанники поляки были рѣдкостью, но съ сороковыхъ годовъ число ихъ стало быстро возрастать. Военный департаментъ Ламберова отеля работалъ не даромъ; кромѣ того, онъ слѣдилъ за всѣми поляками, воспитывающимися во Франціи.

Самый значительный департаментъ Ламберова отеля былъ третій — особыхъ сношеній. Имъ управлялъ *Калинка*. Въ немъ велись счеты ежегодной подати какъ бы liste civile, по словамъ *Мицкевича*, уплачиваемой туземцами, то былъ нервъ, питавшій всѣ затѣи Ламберова отеля, статья весьма важная, при тѣхъ огромныхъ расходахъ, которые имѣлъ Ламберовъ отель. Не мало должны были вносить польскіе магнаты туземцы и тянувшіеся въ магнаты, чтобы поддержать не только блескъ псевдо-королевскаго пребыванія въ Парижѣ, но и всѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые проживали въ Европѣ, со всею посланническою обстановкою; „безъ обѣдовъ, безъ

(1) Czartorysky; стр. 25, 1863 г.

баловъ, безъ наружнаго богатства и блеска нѣтъ и успѣховъ" говорили туземцы, побывавшіе въ Парижѣ.

Въ третій департаментъ поступали всѣ тайныя донесенія сторонниковъ, отсюда разсылались инструкціи, приказанія, наставленія. Тамъ велись подробные алфавиты туземцамъ, служащимъ въ администраціи Россіи, Австріи и Пруссіи, съ подробными ихъ кондуитами, оттуда разсылались увѣдомленія о пригодныхъ для польской справы назначеніяхъ. Однимъ словомъ, третій департаментъ долженъ былъ слѣдить, самымъ подробнымъ образомъ, не только за всѣми дѣлами, касавшимися польской справы, но и за всѣми личностями, на нее вліявшими и могущими имѣть вліяніе, какъ изъ поляковъ, такъ и русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.

Аристократическая партія въ эмиграціи не была значительна числомъ своихъ членовъ, но за то она была сильна поддержкою мѣстной аристократіи, которая, считая свои имена связанными съ исторіею Польши, и которую такъ сильно подмывали фамильныя традиціи, была готова всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать преуспѣянію работъ для великаго будованія. Польскіе магнаты, для своихъ корыстныхъ видовъ, охотясь за значеніемъ и властью, продавали нѣкогда Рѣчь Посполитую, устроясь такъ, что безцеремонно, по уговору, получали тысячами червонцы отъ Австріи, Пруссіи, Россіи, Франціи, Англіи, Саксоніи, а утративъ *ойчизну*, они не могутъ забыть золотое для нихъ время польской неурядицы.

Въ павшей своеобразной польской республикѣ съ королемъ во главѣ, польскіе магнаты, поддерживаемые шляхетствомъ, шляхтою и ксендзами, были истинными деспотами короля и народа; возвращенія золотаго времени самоуправства и своеволія добивались снова магнаты и шляхетство, въ эмиграціи и на родинѣ, въ рядахъ бѣлыхъ и въ рядахъ красныхъ. Нѣмцы XVIII столѣтія говорили о Рѣчи Посполитой, что тамъ *шляхетству рай, ксендзамъ небо, крестьянину сущій адъ*, и дѣйствительно, гдѣ и когда крѣпостное состояніе достигало такого возмущающаго безобразія, какъ въ областяхъ Польши, въ которой шляхетство съумѣло провести весь его гнетъ мимо освобожденія крестьянъ въ герцогствѣ Варшавскомъ Наполеономъ, мимо всѣхъ инвентарей русскаго правительства, мимо всѣхъ гуманныхъ пышныхъ своихъ заявленій, которыми эмиграція пускала пыль въ глаза Европѣ.

Разукрашенными легендами и чарующими традиціями шля-

хетство изучаетъ свою исторію; своеволіе оно называетъ свободою. Чѣмъ дышать всѣ кудрявыя рѣчи эмиграціи, всѣ ихъ прокламаціи? Они народу сулятъ золотыя горы, а между тѣмъ всѣ они дышатъ однимъ задушевнымъ порывомъ къ деспотической власти и высшему значенію, такому значенію, чтобы каждому стать выше всякаго закона, выше всякаго постановленія. Ближайшія свѣдѣнія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи—рядъ доказательствъ той непреложной истины, что не умеръ шляхетскій духъ старой Рѣчи Посполитой и всѣ ученики новѣйшей школы революціонеровъ отличаются развѣ только тѣмъ, что топорами и кинжалами грозили всякому, кто смѣлъ имѣть свое собственное мнѣніе.

Князь Адамъ *Чарторыйскій*, графъ Михаилъ *Огинскій* и т. п. указали путь польскимъ магнатамъ, какъ имъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, проводить легально и безопасно польскую справу. По опытамъ выработанной тактики, польскимъ вельможамъ не подобаетъ возиться съ работниками, призванными ими на дѣло мятежа, а еще менѣе пачкать свои руки въ самомъ мятежѣ; конспиративная работа, для которой предназначались мѣстные аристократическіе дѣятели, не подвергала ихъ ни казнямъ, ни ссылкамъ, ни конфискаціи имѣній; они были обязаны, обращаясь въ высшихъ сферахъ, выдавать себя преданнѣйшими слугами правительствъ, отстаивать предъ ними постановленія, пригодныя для польской справы, парализировать прямое исполненіе невыгодныхъ, затемнять предъ властями настоящее положеніе дѣлъ и давать высшее направленіе такъ называемымъ *столбамъ—филярамъ великаго будованія*.

Преждевременный заговоръ былъ опасенъ возможностью раскрытія; *столбы будованія*, избираемые изъ второстепенныхъ слоевъ шляхетскаго общества, должны были поддерживать пригодное настроеніе, подготовлять съ осторожностью и благоразуміемъ, сводить связи и въ данный моментъ поставить требуемое число для дѣла мятежа; конечно, эти должности были болѣе рискованныя, но до послѣдняго мятежа, во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ, нити слѣдственныхъ коммиссій обрывались прежде, нежели онѣ могли до нихъ добраться.

Князь Адамъ *Чарторыйскій* считалъ достаточнымъ двадцати такихъ столбовъ, для веденія всей работы конспираціи. „Мнѣ чудится, говорилъ онъ, въ одной изъ своихъ псевдо-тронныхъ рѣчей, что въ Польшѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, находит-

и мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости, и что эти люди чувствуютъ свое призваніе руководить своими братьями въ своей средѣ, для святаго дѣла освобожденія. Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій. Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ, но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они, равномѣрно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы* (филяры) для фундамента, на которомъ должно воздвиться все зданіе освобожденія ойчизны."

Со вступленіемъ князя Адама *Чарторыйскаго* въ эмиграцію, его вліяніе на туземныя дѣла проводилось двумя путями; во первыхъ его сторонниками изъ мѣстной аристократіи; изъ этого числа были особо горячіе патріоты, которые шли по стопамъ его, князя Адама *Чарторыйскаго*, графа Михаила *Огинскаго*, князя Ксаверія *Друцкаго-Любецкаго*, послѣдовательно нѣкогда охранявшихъ польскіе интересы въ Россіи; графамъ *Дзялынскимъ* предстояли эти труды въ Пруссіи, но при маломъ значеніи, которое они могли тамъ пріобрѣтать въ правительственныхъ сферахъ, поляки проводили свои интересы другимъ путемъ— поляками представителями въ палатахъ, между которыми особенно замѣчателенъ сталъ *Неголевскій*. Портреты этого ревнителя польской справы, сидящаго на креслахъ, разукрашенныхъ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, стали принадлежностью жилищъ всѣхъ польскихъ патріотовъ; поляки приписывали наибольшее вліяніе на дѣла въ Австріи князю *Любомирскому*, проживавшему частью въ Вѣнѣ, частью въ Галиціи, и графу Адаму *Потоцкому*, жителю Кракова. Они были, въ числѣ легальныхъ руководителей, *столбами* польской справы.

Другой путь для дѣйствія изъ эмиграціи на туземцевъ князь *Чарторыйскій* нашелъ въ латинскомъ духовенствѣ. Если въ ревнителяхъ демократической партіи онъ видѣлъ для польской справы незамѣнимо-полезное зло, то это зло онъ думалъ парализировать вліяніемъ ксендзовъ. Всѣми силами стараясь, чтобы мѣстное духовенство слилось своей конспиративною дѣятельностью съ конспиративною дѣятельностію пановъ, въ эмиграціи онъ преобразился въ самаго ревностнаго сторонника костела, расточалъ предъ ватиканомъ увѣренія въ своемъ усердіи, въ Римѣ имѣлъ

постоянныхъ агентовъ и щедро выплачивалъ туда приноше высокаго польскаго шляхетства. Высшее польское мѣстное ду венство сдѣлалось естественно самымъ преданнымъ сторонник Чарторыйскаго, подъ папскимъ вліяніемъ; оно по степенямъ стельной іерархіи проводило внизъ данное направленіе; въ то время князь *Адамъ* внушалъ панамъ, чтобы они приближали лѣе къ своей средѣ сельскихъ ксендзовъ и перестали, по ста му обычаю, держать ихъ на одномъ уровнѣ съ своими управля щими, экономами и арендаторами. Бесѣды въ петербургск духовной римско-катол. академіи съ выпускаемыми воспитанника *Фелинскаго* (впослѣдствіи бывшаго архіепископомъ варшавски во время возникшихъ тамъ въ 1861 году безпорядковъ) указ ваютъ плоды этихъ стараній князя *Чарторыйскаго*. (*)

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ сношеніяхъ князя *Адама* съ е интимными сторонниками изъ туземцевъ; свѣдѣнія собраны только пріемѣ въ Ламберовомъ отелѣ не столь высокопоставленныхъ ли ностей по дѣлу польской справы, которыя, кто по патріотическ вліяніямъ, кто изъ любопытства, желали, посѣтивъ Парижъ, пре ставиться своему псевдо—королю. Посѣщенія Ламберова оте не обходились безъ неизбѣжной въ этихъ случаяхъ офяры.

При первомъ представленіи, пріемъ былъ съ торжественны ю съ холоднымъ благоволеніемъ, и сидящій старикъ, прини стоящаго гостя, въ рѣдкихъ случаяхъ подавалъ ему руку, и то тол ко при откланиваніи; но если посѣтитель удостоивался новаго пригла шенія, то князь являлся нѣсколько уже привѣтливѣйшимъ хозяином

Не лишены интереса разговоры о домашнихъ польскихъ дѣ лахъ; при всей краткости и отрывочности собранныхъ свѣдѣній онѣ вполнѣ характезируютъ и всю дипломатическую осторожност *Чарторыйскаго* и всю легальную изворотливость, съ какою он внушалъ программу для мѣстной конспиративной дѣятельности. Князь *Адамъ* соглашался, что „Польша (т. е. шляхетство) переживаетъ тяжелые дни (сравнивая съ золотымъ ли временемъ Рѣчи Посполитой, или временемъ царствованіи Александра Павловича?), но что надежда не должна оставлять шляхетство, и всю свою надежду оно должно возлагать на *цивилизацію Россіи*, которая принесетъ радикальное улучшеніе ихъ быта“.

На первомъ планѣ онъ ставилъ необходимость домогательств

(*) Помѣщены въ „Вѣстникѣ западной Россіи“ 1866 года.

къ возстановленію закрытыхъ польскихъ университетовъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ; польское юношество, избирающее гражданскую карьеру, должно особенно изучать юридическія науки, самыя полезныя для развитія ихъ интеллигенціи; поляки военные должны избирать спеціальныя оружія. Поляки обязаны содѣйствовать всѣми силами къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, потому что отъ того зависитъ ихъ будущее (ergo поляки должны быть цивилизаторами русскаго народа).

„Финляндія, прибалтійскій край, Малороссія, Кавказъ заняты только своими экономическими интересами; съ развитіемъ цивилизаціи, они на равнѣ съ поляками поймутъ свои національные интересы".

„Отъ окраинъ, болѣе подготовленныхъ, цивилизація со всѣхъ сторонъ проникнетъ во внутрь Россіи. Россія обречена на вѣчную борьбу съ Кавказомъ; ссылка туда поляковъ не есть бѣдствіе, напротивъ, они для соотчичей полезные труженники; предъ ними широкое поприще; тамъ множество русской молодежи, обстоятельствами вынужденной учавствовать въ тягостныхъ военныхъ дѣйствіяхъ; поляки, руководя молодыми умами, подготовятъ будущее поколѣніе, которое вовсе не враждебно будетъ смотрѣть на поляковъ; изъ среды этихъ новыхъ русскихъ дѣятелей, быстро возвышенные военными отличіями, внесутъ и въ Россію, на значительныхъ мѣстахъ, понятія, болѣе соотвѣтствующія нашему вѣку".

Князь *Чарторыйскій* заявлялъ также, что, при трудныхъ временахъ, религія есть великое утѣшеніе и поддержка моральной твердости, потому онъ поручалъ ксендзовъ заботливости пановъ, поддержку ихъ нравственнаго настроенія—щедротами и нравственнаго вліянія—поднятіемъ въ глазахъ общества и народа этого сословія, всегда отличающагося *своимъ патріотизмомъ*.

Сближая всѣ свѣдѣнія о дѣятельности князя Адама *Чарторыйскаго*, замѣчаемъ, что онъ оставался вѣренъ прежней системѣ дѣйствія. Разрушенныя мятежемъ 1831 года, возводимыя начала къ польской справѣ, онъ хотѣлъ возстановить исподоволь, для продолженія работъ великаго будованія. Цѣль была—поддерживать во всей силѣ польскую національность по всѣмъ бывшимъ областямъ Рѣчи Посполитой и, пользуясь тѣмъ, что шляхетство оставалось землевладѣльцами въ западной Россіи, онъ внушалъ продолжать ее ополячивать, притягивать къ Варшавѣ, сковывать ее съ Царствомъ Польскимъ, подъ русскимъ владычествомъ достигнуть того сліянія польской

національности съ западно-русскою, какого не могла достигнуть Рѣ Посполитая, которая, предоставивъ костелу кормило внутренней п литики, видѣла государственное единство только въ обращеніи латинство. Панамъ предстояло усыплять русскихъ своею мнимою пр данностью, дабы русскіе проспали западную Россію и въ благопріятн для польскихъ замысловъ моментъ, во время какого либо европейска политическаго потрясенія, вывесть русскія высшія власти и войска Днѣпръ, такъ, чтобы они за собою ничего русскаго въ краѣ н оставили.

Всѣ производимыя слѣдственныя дѣла по польскимъ конспи раціямъ и мятежамъ подвергали отвѣтственности тѣхъ вино ныхъ, которые были уличены въ явныхъ покушеніяхъ къ бу тамъ, потому система дѣйствій, проводимая княземъ *Чарторы скимъ* весьма устраивала пановъ; отъ нихъ требовались толь пожертвованія и дѣятельность, которыя всегда могли быть укры ты легальностью, или укрывались побужденіями благотворител ными, самыми благонамѣренными для преуспѣнія общественна благоденствія; за нихъ они не могли рисковать ни личною отвѣт ственностью, ни конфискаціею своихъ имѣній.

Вожаки польскихъ демократовъ, проповѣдники демагогиче скихъ ученій, всякій разъ, когда собирались отъ теоріи перейт къ практикѣ, всякій разъ, когда они замышляли мятежемъ захва тить власть въ свои руки, встрѣчали на мѣстѣ противодѣйстві со стороны пановъ, а безъ средствъ, которыми располагали паны дѣло не вязалось. Замѣнивъ давній фанатизмъ религіозный фа натизмомъ политическимъ, централщики съ своими сторонникам едвали не болѣе ненавидѣли пановъ-землевладѣльцевъ, нежел правительства, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши. Вся литература, вышедшая изъ подъ вліянія централизаціи, конечно, дышетъ не меньшимъ озлобленіемъ противъ того сословія, которое она назы вала польскою аристократіею, нежели противъ Австріи, Пруссі и особенно Россіи.

Но князь *Чарторыйскій* былъ далекъ отъ ожесточенной борь бы съ польскими демагогами; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на не обходимое, но полезное зло, какъ мы выше упомянули, и на красныхъ тѣми же глазами смотрѣло и все высокое шляхетство; *красные* давали имъ средства загребать жаръ ихъ руками; они поддерживали ярую ненависть къ участникамъ раздѣла; они, бездомные, но не менѣе власто любивые, были готовы кидаться на всякія опасныя предпріятія; въ

ихъ рукахъ было только одно это средство для того, чтобы проводить польскую справу. Князь *Чарторыйскій* былъ увѣренъ, что однажды, достигнувъ независимости Польши, онъ, или его потомки, неизмѣнно проводя вѣковую фамильную програму, добьются того, что станутъ польскою королевскою династіею, а паны устроятъ свои дѣла, найдя въ предшествовавшихъ польскихъ совершившихся фактахъ, достаточно указаній на гибель раздоровъ, достаточно темъ для самыхъ пламенныхъ прокламацій, которыми паны всегда съумѣютъ увлечь толпу, обстановивъ ее нѣкоторыми подготовленіями. Имѣемъ одно свѣдѣніе, нѣсколько характезирующее увѣренность пановъ въ совершенномъ успѣхѣ подобныхъ надеждъ. Когда, въ 1862 году, на *засѣданіяхъ сельскаго хозяйства*, въ Краковѣ, у пановъ возникъ вопросъ—*не чрезъ чуръ ли уже дана власть демократамъ*, обсужденія этого вопроса привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: паны, безъ большаго труда, всегда урезонятъ находящихся въ рядахъ красныхъ молодыхъ членовъ своихъ семействъ, представивъ имъ вещи въ настоящемъ видѣ, а эти поведутъ толпу въ обратную сторону, по пригодному панамъ пути, при содѣйствіи нѣсколькихъ пламенныхъ, патріотическихъ прокламацій; самыхъ же закоснѣлыхъ и опаснѣйшихъ противниковъ можно выставить заблаговременно правительству, возложивъ это порученіе на тѣхъ избранныхъ, которые предъ властями должны вести интересы ойчизны; эти, выдавъ главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, тѣмъ пріобрѣтутъ новыя права на довѣренность австрійскихъ сановниковъ. Въ доказательство же силы прокламацій было приведено внезапное измѣненіе мнѣнія о князѣ *Адамѣ Чарторыйскимъ*, не смотря на всѣ ярыя противъ него озлобленія, которыми туземцы демократы были пропитаны. Князя *Адама* поносили, какъ измѣнника, предателя ойчизны, котораго губительная, своекорыстная дѣятельность разрушала всѣ доблестные порывы и начатки истинныхъ патріотовъ. При началѣ варшавскихъ демонстрацій, красные *мѣрославчики*, желая доставить всю власть своему верховному руководителю и вручить ему кормило со дня на день ожиданнаго мятежа, возбуждали проклятіями противъ князя *Адама* всю ненависть къ аристократической партіи; когда же была прислана вѣсть изъ Парижа о кончинѣ князя (въ Іюнѣ 1861 г.), тогда явились два пламенныя *оглошенія* о великой національной потерѣ; прокламаціи огласили великія національныя добродѣтели, великія заслуги величайшаго патріота, и всѣ демократы устремились въ костелы на панихиды; имя князя

Чарторыйскаго превозносилось до небесъ; тогда кому нибудь заикнуться въ смыслѣ, противномъ охватившему единодушному общественному мнѣнію, было бы въ Краковѣ дѣломъ рискованнымъ. Такъ объяснялъ одинъ изъ подсудимыхъ быструю перемѣну, происшедшую въ Краковѣ, по полученіи извѣстія о смерти князя *Адама Чарторыйскаго*.

Князь Адамъ никогда не поддавался увлеченіямъ своихъ соотчичей и съ глубокимъ разсчетомъ проводилъ свое дѣло. Въ числѣ средствъ имъ высокоусовершенствованной тактики для аристократической партіи было то, чтобы включать *своихъ людей* въ партіи, кода онѣ становились ему опасными. Эти люди, являясь подъ маскою самыхъ горячихъ сторонниковъ, доводили идею, одушевлявшую партію, до нелѣпѣйшаго безобразія. Для примѣра можно привести извороты ловкой теоріи Ламберова отеля, въ ея дѣйствіяхъ относительно демократической партіи, на двухъ оконечностяхъ: въ 1832 году, въ самомъ началѣ ея появленія въ эмиграціи, и въ 1864 г., послѣ ударовъ, ею понесенныхъ мятежемъ.

Польскіе демократы, считая въ своихъ рядахъ *Лелевеля*, поддерживаемые французскими революціонными знаменитостями, начали пріобрѣтать значеніе въ краѣ, внимательно слѣдившемъ за своими выходцами. Въ 1832 году графъ Адамъ *Гуровскій*, одинъ изъ варшавскихъ еще сотрудниковъ князя *Адама*, вошелъ въ общество демократовъ и сталъ едва ли не почетнѣйшимъ ея членомъ. Онъ провелъ до такой крайности идеи коммунизма, уравненія всѣхъ состояній и указывалъ на такія мѣры насилія, какъ необходимыя средства, что князь *Адамъ* тѣмъ сохранилъ многихъ себѣ сторонниковъ между туземцами собственниками, которые уже ни какъ не могли поддаться подъ ученья эмигрантовъ — демократовъ, какъ бы они ни были патріотично изложены, прославляемы демократическою литературою и сколько бы сами читатели ни считали себя истыми патріотами. Графъ Адамъ *Гуровскій*, сдѣлавъ свое дѣло, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вышелъ изъ общества "но сѣмена, имъ посѣянныя, остались," пишутъ поляки; (*) они и не допустили собственниковъ колебаться въ выборѣ, сочувствовать ли имъ Ламберову отелю, или централизаціи, и куда направлять свои посильныя пожертвованія.

Польскій мятежъ 1863 года былъ подавленъ безнадежно-для

(*) Образъ товаржыства демократычнего.

польскихъ патріотовъ; по испытаннымъ правиламъ надлежало дѣятелямъ стушеваться, мнимою преданностію и покорностью задобрить правительство, сберечь что можно послѣ разгрома, свалить на нѣсколькихъ шальныхъ подстрекателей всѣ бывшія затѣи, и смиреніемъ парализировать строгія мѣры, которыя вызывалъ произведенный мятежъ и которыя прямо ложились на *бѣлыхъ;* а въ это время неугомонные, кичливые *красные*, мечтали продолжать отчаянную борьбу, грозившую панамъ новыми напастями. Дрезденъ былъ центромъ скопищъ. Князь *Сапѣга* вступилъ въ тамошній комитетъ демократовъ и до такой степени довелъ необузданность рѣчей, что провозглашалъ, что народы Европы обязаны низвергнуть свои правительства, за малое ими оказанное сочувствіе возставшимъ полякамъ. Князь *Сапѣга* прямо шелъ къ тому, чтобы правительства разогнали скопища неугомонныхъ патріотовъ, собиравшихся въ ихъ предѣлахъ.

Сколько для князя *Чарторыйскаго* ни была выгодна дѣятельность демократовъ, которая въ судорожныхъ ожиданіяхъ держала поляковъ туземцевъ и будила въ нихъ непрестанно крамольное настроеніе, но онъ желалъ, чтобы вожаки демагоги только бы говорили и писали, но не переходили бы къ дѣйствіямъ; взбалмошныя затѣи только обращали вниманіе правительствъ на туземцевъ, отъ этихъ затѣй терпѣли паны матеріально, затѣи мѣшали вести въ тихомолку, безостановочно, подземную работу *великаго будованья*, наконецъ поляки вредили себѣ въ мнѣніи незаинтересованныхъ правительствъ тѣмъ, что они выставляли себя разрушителями всякаго общественнаго порядка, ревнителями революцій, что, конечно, не могло располагать въ ихъ пользу. Князь *Адамъ*, заискивая расположить правительства къ полякамъ, домогался, чтобы демократы на чужбинѣ, покрайней мѣрѣ, сидѣли смирно, но они имѣли у себя готовое войско, массу эмигрантовъ, и ворочали этою силою по своему усмотрѣнію, за что и пользовались особеннымъ значеніемъ въ кругу европейскихъ революціонныхъ вожаковъ.

Всѣ разумные хорошо понимали, что однажды когда выяснилось, что европейскія державы въ 1831 году участія въ польскомъ возстаніи не примутъ, то Польшѣ съ Россіею уже бороться невозможно, и потому князь *Адамъ* хладнокровно переносилъ всѣ нареканія предателя, измѣнника, которыми его честили демократы себѣ въ извиненіе и для поддержанія себя въ глазахъ Европы;

но когда поляки эмигранты стали кидаться во всякія революціонныя экспедиціи, то онъ искалъ выпроводить праздную массу изъ Франціи и найти имъ какое нибудь занятіе.

Въ концѣ 1832 году князь *Чарторыйскій*, подкупами и разными, ему хорошо извѣстными, интригами, добылъ адресъ отъ всей эмиграціи, что она ему „ввѣряетъ свои дипломатическія сношенія". Въ этомъ адресѣ читаемъ: „Ты обладаешь, князь, *глубокимъ* знаніемъ дипломатичекихъ операцій; обширныя кабинетныя связи находятся теперь только въ твоихъ рукахъ, потому наша эмиграція почти единогласно проситъ, чтобы ты домогался передъ правительствами Европы о жизни свободной и назависимой нашей ойчизнѣ." Первое употребленіе, которое князь *Чарторыйскій* сдѣлалъ изъ этого уполномоченія состояло въ томъ, что онъ въ тихомолку сталъ работать, чтобы выпроводить своихъ соотчичей изъ Франціи. Враги *Чарторыйскаго* провѣдали о тайныхъ его работахъ, раздраженные эмигранты, въ 1834 году, составили актъ слѣдующаго содержанія: "Польскіе эмигранты, съ удивленіемъ усмотря, что князь Адамъ *Чарторыйскій* дерзаетъ отъ лица всей эмиграціи вредить ея цѣлости и предназначенію, и принявъ во вниманіе, что чувства, которыя были возбуждены въ соотчичахъ поступками этого человѣка, относительно возстанія (1831) и эмиграціи, могутъ ввести въ заблужденіе самыхъ искренниxъ приверженцевъ народнаго дѣла, постановили— публично огласить, что Адамъ *Чарторыйскій* не только не пользуется ихъ довѣріемъ, но считается врагомъ польской эмиграціи."

Странная была судьба этого акта; это оглашеніе эмиграція, въ своей средѣ, хранила въ тайнѣ; его подписали члены демократической партіи, которыхъ было тогда около 1200 человѣкъ, подписали и другіе привлеченные; актъ хранился въ централизаціи и въ теченіи 27 лѣтъ наполнялся подписями; всякій раздосадованный противъ Ламберова отеля приписывалъ свое имя, и ко дню кончины князя набралось 3076 подписей. Актъ оставался тайной эмиграціи только до 1839 года, когда для вѣдѣнія всѣхъ поляковъ централизація постановила его опубликовать особою брошюрою, а въ 1855 году, когда *Мѣрославскій* опасался, что съ ожидаемымъ возстановленіемъ Польши, послѣ восточной войны, на долю *Чарторыйскаго* можетъ выпасть завидная роль, тогда онъ обнародовалъ этотъ актъ на французскомъ языкѣ, для всеобщаго свѣдѣнія Европы. Это офиціальное отверженіе князя *Чарторыйскаго* польскою эми-

грацiею не мѣшало однако тому, что они кое какъ уживались; князь *Чарторыйскiй* зналъ имена всѣхъ послѣдовательно подписывавшихся, но онъ щеголялъ тѣмъ, что онъ не злопамятенъ, и не оставлялъ пособiями поляковъ эмигрантовъ подписавшихся, на равнѣ съ прочими; онъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы первенствовать въ польской эмиграцiи и первенствовалъ въ ней дѣйствительно; неусыпными трудами, подкупами, интригами и громадными расходами, поддерживая въ европейскомъ обществѣ и въ туземцахъ обаянiе представителя развѣнчанной династiи. Видимыми и не видимыми путями, онъ руководилъ на столько эмиграцiею, что во всей Европѣ, а не въ одномъ только Парижѣ, его признавали за главу польской эмиграцiи, (*le chef de l'émigration polonaise*, къ крайней досадѣ централыциковъ, выходившихъ изъ централизацiи и въ ней засѣдавшихъ. На новомъ пути въ эмиграцiи, князь *Адамъ* настойчиво проводилъ съ успѣхомъ свою фамильную программу; централизацiя силилась придать себѣ *политическiй характеръ*, но централыцики были признаваемы только своими сторонниками за политическихъ дѣятелей; европейскiе революцiонеры ее ласками, какъ распорядительницу нѣсколькихъ тысячъ всегда готовыхъ уличныхъ бойцевъ. Между всѣми демократическими партiями польскихъ эмигрантовъ, *демократическое товарищество* было самое многочисленное; въ сороковыхъ годахъ находилось во Францiи около 6000 польскихъ выходцевъ, и болѣе полуторы тысячи принадлежали этому обществу. Всѣ польскiе демократы подчинились влiянiю демократическаго товарищества, оно располагало наибольшими средствами. Хотя централизацiя кокетничала аптекарскою акуратностью въ представленiи своихъ отчетовъ въ суммахъ но онѣ вертѣлись, не превосходя 30 т. франковъ; главною статьею прихода считался положенный сборъ на членовъ товарищества, а высылки отъ туземцевъ были та таинственная статья, которая оставалась непроницаемою, подъ предлогомъ безопасности жертвователей. Всѣ партiи старались имѣть въ краѣ своихъ сторонниковъ для пожертвованiй. Демократическая партiя *соединенiя* выслала было въ край своего эмиссара для этой цѣли въ 1844 году, но онъ съ прискорбiемъ донесъ, что всѣ мѣста уже заняты демократическимъ товариществомъ и привезъ только единовременныя *офяры*. Члены централизацiи избирались ежегодно изъ среды 26 человѣкъ, и когда неудачи начали разочаровывать туземцевъ въ искуствѣ и надежности ихъ эмиграцiи, тог-

да посыпались вопросы, изъ какихъ средствъ эти господа, тогда названные *централыщиками*, проповѣдуя такъ ретиво коммунизмъ и уравненіе состояній, живутъ на широкую барскую ногу (*), *откуда золото, которымъ они гремятъ* во Франціи? Отношенія разныхъ партій къ краю и ихъ требованія были различны. Приверженцы Ламберова отеля слѣпо послѣдовали его внушеніямъ, платили въ его казначейство, отчетовъ не требовали и, согласно его предначертаній, между туземцами кокетничали демократическимъ направленіемъ, какъ имъ кокетничалъ и самъ князь Адамъ *Чарторыйскій*.

Демократическое товарищество, санкюлоты, какъ ихъ называли сторонники Ламберова отеля, не могли найти сочувствія между тѣми землевладѣльцами, которые знали, что теоріи, признанныя централизаціею, имъ крайне враждебны. Щедрые, бездомные ревнители, которые ничего не теряли, а за чужое добро хотѣли купить власть, приняли за основаніе: „По праву собственности, земля принадлежитъ крестьянамъ, которые ее воздѣлываютъ; если у пановъ дѣти наслѣдуютъ отцу, то и крестьяне за вѣковую обработку земли своими предками, должны получить ее въ наслѣдственное владѣніе и какъ исключительные работники быть и исключительными ея хозяевами“. Съ такими правилами *грабежа шляхетскихъ имѣній*, эмиссары товарищества отправлялись въ край, пишетъ анонимный высокій почитатель эмиграціи (**), щеголяющій безпристрастіемъ, и продолжаетъ: „Очевидно, этого не могли допустить старые, отъ прародителей, изъ рода въ родъ, передаваемые предразсудки, вѣками узаконенные.“ Демократическая централизація домагалась всю конспиративную повсемѣстную дѣятельность своихъ сторонниковъ сосредоточить въ своихъ членахъ, которые должны давать и общее направленіе всѣмъ работамъ. Для прѣній по туземнымъ вопросамъ и обсужденію средствъ къ веденію пропаганды въ краѣ, былъ особый отдѣлъ, въ которомъ засѣдали члены изъ того же кружка, изъ котораго избирались и централыщики, съ нѣкоторыми особенно пригодными для дѣла личностями, совершенно преданными централизаціи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Симеонъ *Конарскій*, растрѣленный, какъ выше было сказано, въ Вильнѣ, и котораго въ эмиграціи по-

(*) Брошюры: Цожъ пшедъ нами? Образъ товаржыства демократычнего.

(**) Эмиграція польска, стр. 22.

читали какъ главнаго образователя мѣстныхъ конспиративныхъ секцій между туземцами и учредителемъ правильнаго въ нихъ теченія дѣлъ и сношеній. На общемъ собраніи демократическаго товарищества (1837) Карлъ *Ружицкій* предложилъ было, чтобы это особое отдѣленіе для сношеній съ туземцами не подлежало ни какому контролю; но предложеніе было отвергнуто 778 голосами противъ двухъ. Демократическое товарищество находило между туземцами сторонниковъ въ учащейся молодежи, чиновникахъ, лѣкаряхъ адвокатахъ, литераторахъ и разныхъ пролетаріяхъ, и въ Россіи, въ той массѣ служащихъ, которые туда устремлялись, какъ нѣкогда европейцы въ новооткрытую Америку; прежде выселившіеся готовили *хлѣбныя* и вліятельныя мѣста для вновь прибывающихъ; съ каждымъ годомъ нѣкоторыя вѣдомства стали особеннымъ предметомъ вторженія поляковъ. Польская пропаганда искусно направила мѣстную интеллигенцію польскихъ недорослей, и еще искуснѣе умѣла превозносить эту интеллигенцію. Всѣ сношенія эмиграціи съ туземцами указывали, что преобладающею силою въ краѣ остаются паны; но чтобы то ни стало *демократическое товарищество* хотѣло власть вырвать изъ рукъ ихъ. „Неуспѣхъ возстанія 1831 года былъ слѣдствіемъ того, что шляхетскія побужденія имъ руководили, провозглашали демократы“, только демократическая идея можетъ возвратить ойчизну; глубокая причина антидемократическаго движенія таится въ еще живущемъ шляхетскомъ духѣ; въ минуту положительныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ выплыветъ снова, потому съ привиллегированныхъ должно сорвать маску притворства; это дѣло демократическаго товарищества, но искорененіе идеи привилегій, трудъ цѣлаго народа. Соціальное потрясеніе неизбѣжно съ началомъ движенія. Должно истребить нечестивый духъ возстанія 1831 года, духъ повсемѣстный не въ одной Польшѣ, но парализирующій вездѣ стремленія къ равенству, и противъ него товарищество должно всюду направлять свои удары“. (*).

Такими сужденіями, щекотя въ туземцахъ чувство возстановленія Польши, центральщики подготовляли въ нихъ убѣжденія о необходимости ввѣрить власть демократамъ. Приписывая невзгоды 1831 года губительному вліянію пановъ, они доказывали необходимость соціальнаго переворота, какъ вѣрнѣйшее средство къ

(*) Эмиграція Польска.

возстановленію Польши, когда весь народъ такимъ путемъ будетъ двинутъ на великое дѣло избавленія ойчизны, а этимъ народомъ, по мнѣнію демократовъ, до окончательнаго его образованія, по теоріямъ, выработаннымъ *демократическимъ товариществомъ,* должно *управлять* какъ *баталіономъ.* Централизація, съ своимъ уставомъ, актомъ постановила: освобожденіе польскаго народа, въ границахъ республики до перваго раздѣла, произвести революціею, съ уничтоженіемъ привиллегій на *демократическихъ* (?) началахъ братства, равенства и свободы; началомъ должно быть *безусловное* (?) *надѣленіе* крестьянъ поземельною собственностью.

По постановленіямъ польскихъ демократовъ должно установить, *при благопріятныхъ обстоятельствахъ, элементарныя школы для народа по городамъ и деревнямъ,* эмиграція должна распоряжаться возстаніемъ. Правителями должны быть тѣ, которые взяли на себя представительство націи и выработали знаніе ея нуждъ и потребностей; *только грудь, разогрѣтая эмиграціоннымъ огнемъ* можетъ возстановить ойчизну; только въ эмиграціи жизнь и движеніе, а тамъ (въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой) онѣмѣніе (одрентвялосць) и смерть. По надлежащихъ приготовленіяхъ, назначенный комитетъ долженъ изъ эмиграціи перенестись въ край, принять начальство и направить народное возстаніе; комитетъ вызываетъ къ оружію всѣхъ жителей польской земли, назначаетъ начальниковъ вооруженныхъ силъ, устраиваетъ администрацію, суды, войско, освобождаетъ крестьянъ. Паны силою должны быть поставлены въ необходимость повиноваться. Смерть тѣмъ, кого не могутъ убѣдить начала, принятыя эмиграціею. Лондонскій отдѣлъ польской эмиграціи избралъ спеціальнымъ для себя занятіемъ выработать науку производства самаго мятежа и издалъ цѣлый уставъ по этому предмету.

Авторъ брошюры „Эмиграція польска“ приводитъ, что „эмиграціонная шляхта“ (*), услышавъ суровыя слова правды, двинула всю находчивость прежнихъ сеймовъ, двинула всѣ свои пружины: публичныя собранія, частные съѣзды, газеты, брошюры, письма, агентовъ, ложь, клевету, угрозы и обѣщанія. Прежде она на-

(*) Т. е. помѣщики. Въ эмиграціи кто же не принадлежалъ къ *шляхтѣ*.? Были увлеченные солдаты, бывшіе какъ бы деньщиками при офицерахъ, но такихъ было не много, а строевые солдаты, оставшіеся во Франціи, въ работахъ эмиграціи не участвовали.

лагая, что *власть* есть легальная ея принадлежность, какъ представительницы края, и смотрѣла на демократію, какъ на бунтовщика." Дабы отодвинуть назадъ наступающую централизацію, аристократическая партія пользовалась тѣмъ, что „масса эмигрантовъ, какъ масса вездѣ, согласна скорѣе держаться господскаго порога, чѣмъ брататься съ тѣми, которые ей сулятъ груши на вербѣ." При условленной со всѣми европейскими революціонерами работѣ, 1846 года, для общаго мятежа по всей Европѣ, эмиграція выслала своихъ эмиссаровъ по бывшимъ польскимъ областямъ; *Дембовскій* стоялъ въ главѣ посланцевъ; съ одной стороны разсыпавшись по панскимъ домамъ, они всякими іезуитскими изворотами, судя по личностямъ, искали втянуть всѣхъ въ мятежъ; въ случаѣ настоятельной надобности, они отрекались даже отъ своихъ основаній, обьясняя ихъ временнымъ средствомъ для достиженія, съ содѣйствіемъ крестьянъ, возстановленія независимости Польши, а съ другой стороны, они, преимущественно въ Галиціи, толкались между простолюдинами, внушали крестьянамъ, что паны ихъ враги, что паны вымогаютъ у правительства чего хотятъ, а если пановъ истребить, то и настала бы жизнь привольная. Подобные слухи о таинственныхъ странникахъ, появлявшихся по сельскимъ корчмамъ, въ платьяхъ простолюдиновъ, доходили до панскихъ ушей и парализировали дорохоство. *Мѣрославскій* обѣщался *провести стараго дипломата;* Демократы, для единодушной работы, склонились предъ княземъ *Адамомъ*, съ просьбою они обратились къ *Чарторыйскому* принять кормило затѣяннаго революціоннаго дѣла.

Князь *Адамъ*, при соображеніяхъ общей европейской революціи, не хотѣлъ отстать отъ *націи;* ему нужно было сохранить въ предстоящемъ движеніи *верхнюю руку*, какъ говорятъ французы. *Чарторыйскій* имѣлъ свою тайную полицію Ламберова отеля, едва ли не лучше организированную нежели ту, которую онъ содержалъ нѣкогда въ Варшавѣ, предъ мятежемъ 1830 г. Ему хорошо были извѣстны затѣи централистовъ и инструкціи, данныя ими высланнымъ эмиссарамъ. Дабы парализировать замыслы, не допустить населеніе до кровавыхъ порывовъ, онъ, въ руководители движенія массъ хотѣлъ поставить ксендзовъ, за спиною которыхъ уже дѣйствовали бы паны со всѣми ихъ средствами. Клерикальная партія въ эмиграціи была слишкомъ близка Ламберову отелю, чтобы отказать ему въ помо-

щи; нѣсколько ксендзовъ было выслано на мѣста изъ Парижа для пригодныхъ внушеній мѣстному сельскому духовенству. Соображенія не оправдались; мы видѣли, въ событіяхъ 1846 г., что ксендзы, вмѣстѣ съ панами, гибли подъ крестьянскими ударами.

Просьба централизаціи весьма устраивала князя *Адама;* онъ становился главою эмиграціи, по собственнымъ ея побужденіямъ онъ видѣлъ ясное доказательство, что безъ пановъ демагоги обойтися не могутъ. Онъ согласился и издалъ свою прокламацію, изъ которой приведемъ знаменательнѣйшія мѣста.

Подписавшись президентомъ правительства, князь *Адамъ* посланіемъ отъ 14 Февраля 1846 года, объявлялъ между прочимъ.

„Братья! Мы рѣшились избавить васъ отъ тираническаго ига... соединеніе необходимо... Умоляемъ васъ, будьте послушны пастырямъ вѣры вашихъ отцевъ, они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять оружіе... Служители алтаря васъ научатъ, какъ добыть свободу, какую они сами изучили въ метрополіи Св. Петра. Примите ихъ, помогайте имъ въ ихъ переѣздахъ и наказывайте смертью тѣхъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ. Дабы болѣе васъ убѣдить въ святости нашего дѣла, я вышлю къ вамъ моего возлюбленнаго сына, въ его жилахъ течетъ кровь Пястовъ и Ягеллоновъ, онъ будетъ залогомъ моей преданности и любви къ ойчизнѣ". Въ то же время *Петрашевскій* работалъ надъ заговоромъ въ Петербургѣ, а графъ *Владиславъ Замойскій*, правая рука *Чарторыйскаго*, уже заранѣе пробрался на Кавказъ къ горцамъ; мятежемъ на Кавказѣ онъ долженъ былъ оттянуть туда часть русскихъ силъ. Графъ *Замойскій* издалъ прокламацію къ полякамъ, находящимся въ рядахъ кавказской арміи. "Поляки, литвины и украинцы, писалъ онъ, вы всѣ дѣти одной матки ойчизны, братья! слушайте меня... Волею нашего общаго главы, назначеннаго Провидѣніемъ, котораго образъ предъ вашими глазами, *(изображеніе съ медали съ надписью Адамъ I)*, я прибылъ къ вамъ.... Онъ послалъ меня, дабы я оживилъ ваши надежды; я призываю васъ исполнить долгъ, который лежитъ на васъ, какъ на полякахъ,... нашъ народъ, чтобы стать поголовно, ждетъ только сигнала, перваго призыва къ мести; правительства и народы намъ сочувствуютъ, но они придутъ къ намъ на помощь, когда увидятъ, что мы умѣемъ исполнять нашу святую обязанность... Уничтожайте запасы, поджигайте пороховые магазины, убивайте казенныхъ лошадей и истребляйте нашихъ враговъ, и

потомъ бѣгите въ горы и увлекайте съ собою и русскихъ; приносите съ собою оружіе и патроны.... Не опасайтесь дурнаго пріема горцевъ, я нахожусь въ средѣ ихъ, чтобы охранять васъ... Мы побѣдимъ врага, и отсюда мы двинемся въ Польшу. У насъ будетъ Польша съ нашимъ королемъ, свободою и независимостью, намъ стоитъ захотѣть и работать, Господь придетъ къ намъ на помощь."

Явясь на театръ готовящагося мятежа, *Мѣрославскій* думалъ однимъ ударомъ порѣшить со всѣми притязаніями князя *Чарторыйскаго;* онъ провозгласилъ себя диктаторомъ. *Чарторыйскому* угрожала тогда великая опасность; его прокламація попала въ руки австрійскаго правительства; великолѣпное его имѣнье *Сѣнявы* въ Галиціи подлежало конфискаціи. Не знаемъ сознавался ли самъ князь *Адамъ* въ своей ошибкѣ, что связался съ демократами ранѣе, нежели событія разъяснились; но сынъ его въ началѣ мятежа 1863 года медлилъ принять открытое участіе и говорилъ, что онъ не хочетъ повторить *опрометчивый шагъ* (le pas de clerc) своего отца въ 1846 году.

Прусскій министръ взялся хлопотать, князь *Чарторыйскій* написалъ униженную просьбу и признавалъ свою подпись подъ прокламаціей *поддѣльною; Меттернихъ* помиловалъ съ условіемъ, чтобы князь *Адамъ* письменно обязался *„впредъ никакого участія не принимать въ усиліяхъ противъ существующаго порядка въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ."* Князь мало того, что исполнилъ все, что отъ него требовали, но немедленно выслалъ своего племянника, графа *Владислава Замойскаго*, въ Лондонъ. Тамъ, на публичномъ балѣ въ честь лорда *Дублей Стюарта,* графъ *Замойскій* благодарилъ за возвращеніе *Сѣнявы* и публично оправдывалъ австрійское правительство въ возводимыхъ на него клеветахъ о галиційской рѣзнѣ. При возстаніи 1848 года князь *Адамъ* былъ осторожнѣе, онъ прокламацій не издавалъ, но лишь только разошлась молва объ успѣхахъ польской справы, онъ немедленно отправился въ Пруссію укрощать *Мѣрославскаго* и вырвать власть изъ рукъ его; князь пріѣхалъ поздо; пруссаки мятежемъ отрезвѣли отъ полонизма, и князю *Чарторыйскому* пришлось возвращаться въ Парижъ *съ разтерзаннымъ сердцемъ.*

Неуспѣхъ всѣхъ революцій, столь горячо поддерживаемыхъ поляками, привелъ Ламберовъ отель къ новымъ комбинаціямъ. Князь

Адамъ призналъ невозможность возстановленія Польши съ удержаніемъ верховной власти въ своихъ рукахъ и возвратился къ прежнимъ своимъ планамъ, съ примѣненіемъ нововведеній. Онъ составлялъ политическія комбинаціи, войны съ системою взаимныхъ вознагражденій, съ цѣлью соединить Польшу 1772 года подъ одинъ скипетръ, какъ нѣкогда онъ предлагалъ императору Александру Павловичу. Польша добровольно должна была временно подчиниться иноземному владыкѣ, общимъ голосованіемъ (suffrage universel) по примѣру Франціи, а за первымъ избраннымъ, Польшѣ предстояла возможность со временемъ избрать природнаго короля, Пяста, т. е. *Чарторыйскаго*. Три державы являлись для того пригодными: Россія, Австрія и Франція; конечно, Россія была отвергнута, озлобленіе противъ *москалей* было безпредѣльное; принцъ Наполеонъ, такъ привѣтливо обращался съ поляками-эмигрантами, былъ такимъ предупредительнымъ ходатаемъ ихъ желаній, что аристократическая партія склонялась на его сторону; при этомъ не была упущена изъ виду та вѣроятность, что принцъ переживетъ императора, и тогда короля француза удобнѣе будетъ замѣстить своимъ природнымъ. Но князь *Адамъ* лично всѣ свои помышленія долгое время сосредоточивалъ на Австріи.

Событія 1848 и 1849 годовъ должны были ясно указать австрійскому правительству всю его непрочность, при разноплеменной монархіи и при недостаткѣ твердаго, сплошнаго зерна; въ это то зерно поляки себя готовили для убѣжденія Австріи; способствовали къ тому и панславянскія броженія; старанія поляковъ были всѣ устремлены на то, чтобы въ проэктахъ панславистовъ взять преобладаніе надъ Россіею; чтобы не русскіе, а поляки стали бы притягательнымъ полюсомъ для славянъ; насупротивъ восточной славянской русской имперіи составить имперію западно-славянскую. Придунайскія княжества давно были знакомы полякамъ, а князь *Чарторыйскій* ретиво работалъ надъ подготовленіемъ болгаръ и началъ съ введенія уніи.

Одно обстоятельство было великою помѣхою польскимъ планамъ; какъ не увертливы польскія разъясненія, однако выводъ изъ нихъ одинъ; поляки понимали, что имя Польши оставило воспоминанія, непригодныя для попытокъ къ сліянію; всѣ славянскія племена поляковъ не любятъ и имъ не довѣряютъ; въ западной Россіи шляхетство, хотя и ополяченное, но все же оно помнило свое давнее соперничество съ Польшею; мятежъ 1863 года выяснилъ

его вполнѣ, а населеніе западной Россіи питало одно только чувство озлобленія къ полякамъ. Отъ Днѣпра до Карпатъ слово *лях* обратилось въ брань. Рѣчь Посполитая, отдавъ въ руки ксендзовъ заботы о государственномъ единствѣ, достигла того, что въ юго-западной Россіи и въ Галиціи русскіе люди, столь вѣротерпимые, изливаютъ свои ощущенія о латинянахъ изрѣченіемъ: „ляхъ, жидъ, да собака, вѣра одинака.„

При такихъ антипатіяхъ къ польскому владычеству и при общихъ стремленіяхъ шляхетства возстановить золотое прошедшее, приведеніе къ соглашенію славянъ могло быть достигнуто только искусственнымъ изворотомъ; — и на прочныхъ основаніяхъ утвердилась идея конфедеративнаго государства.

Разслѣдованіе мятежа указываетъ, что конфедеративное государство было основаніемъ стремленій всѣхъ партій, отъ крайне бѣлыхъ до крайне красныхъ. Эта идея нѣкогда соединяла декабристовъ съ польскими заговорщиками; сѣверо-американскіе штаты, не смотря на все различіе народныхъ элементовъ и различіе общественныхъ условій жизни, были приняты, какъ истинно благодѣтельное учрежденіе для народовъ, при которомъ можетъ быть только братская любовь *между племенами*. Какъ эта братская любовь была нужна ревнителямъ только для пышныхъ прокламацій, а о народномъ благоденствіи они столько же заботились, какъ объ изношенныхъ сапогахъ, то обсужденіемъ этого вопроса съ разныхъ сторонъ никто и не занимался особенно. Было бы любопытно знать, какое вліяніе на шляхетскія сужденія произвела бы сѣверо-американская междуусобная война, если бы она случилась пятью годами ранѣе.

Велико было разочарованіе послѣ парижскаго мира (1856 г.); *Мазадъ* вошелъ въ кабинетъ *Чарторыйскаго* и засталъ его за работою; съ ранняго утра сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ. „Слышите ли, князь, громъ орудій, сказалъ вошедшій, пушки объявляютъ заключеніе мира.“ Князь задумчиво покачалъ головою и снова взялся за перо. „Къ чему продолжать, нынѣ уже нѣтъ болѣе надежды? — Нѣтъ, надо продолжать, возразилъ князь, оно можетъ послужить въ будущемъ.“

Дѣйствительно въ теченіи шестидесяти лѣтъ, проводя свою фамильную программу, князь *Чарторыйскій* могъ узнать вполнѣ свою націю; perpetuum mobile польскихъ заговоровъ въ теченіи шестидесяти лѣтъ пролетѣло мимо всѣхъ войнъ и всѣхъ мирныхъ договоровъ;

не парижскій миръ могъ остановить вѣковую вражду Польши къ Россіи, безсильную злобу предъ ея окрѣпшей соперницей, ставшей великою, могучею державою — борьбу латинства, стремившагося на востокъ и православіемъ остановленнаго въ западной Россіи.

Но если съ вѣрою на будущее князь *Чарторыйскій* принялъ вѣсть о мирѣ, то не таково было мнѣніе его соотчичей туземцевъ.

По мѣрѣ послѣдовавшихъ неудачъ польской справы, ввѣренной эмиграціи, въ туземцахъ росла досада и переходила въ раздраженіе; толки въ шляхетствѣ, письма и брошюры (*) свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, которое появилось въ средѣ шляхетства, особенно когда парижскій миръ ни слова не упомянулъ о полякахъ. Сведемъ вкратце разныя заявленія шляхетства, бывшія въ нашихъ рукахъ, которыми оно, въ минуты разочарованія, высказывало свое оскорбленное неудовольствіе противъ эмиграціи: (**).

„*Эмиграція*, выселясь изъ края, подъ нравственными вліяніями потерянной ойчизны, обрекла себя на постоянную борьбу, пока не достигнетъ цѣли. Давъ себѣ организацію, она дала правильность своимъ трудамъ и упрочила существованіе *настойчивыхъ усилій*. Всякая партія избрала себѣ спеціальныя занятія и, *отдавая от-*

(*) „Образъ товаржиства демократычнего;" „Цо пшедъ нами" и т. п.; не можемъ привести заглавій многихъ изданій, найденныхъ въ конфискованныхъ бумагахъ, въ которыхъ, вѣроятно для безопасности, оторваны заглавные листы; находятся также вырванныя печатныя страницы. Рѣчи большею частію встрѣчались литографированными. Современемъ, можетъ быть, кто нибудь возметъ на себя трудъ, нѣсколько ознакомить русскую публику съ эмиграціонною литературою, которая, судя по оглавленіямъ на оберткахъ, должна быть чрезвычайно обильна, не считая множества польскихъ періодическихъ листковъ разныхъ партій. По бывшимъ въ нашихъ рукахъ образцикамъ, въ полномъ смыслѣ слова, она носитъ на себѣ характеръ *судорожно-озлобленный*; постоянная ненависть къ Россіи, къ императору Николаю Павловичу, заглушаемая въ ней раздраженною враждою партій, съ выводимыми на свѣтъ многочисленными фактами любостяжанія, обмана, интриги, дрязгъ и пакостей. Воспроизводить вполнѣ всю эту грязь едвали у кого будетъ охоты; а еще менѣе охоты у читателей видѣть польскую эмиграцію во всей ея наготѣ.

(**) Образъ товаржыства демократычнего польскѣго и его централизаціи, С. Старовіейскаго (вѣроятно псевдонимъ), напечатано въ Краковѣ,— Цо пшедъ нами, начало рукописной копіи и отдѣльные листки, вырванныя изъ неизвѣстныхъ книгъ или брошюръ; частныя письма, польская рукопись съ французскимъ заглавіемъ: Une société, qui ne se comprend pas.

четъ своихъ трудовъ націи, была обязана работать, чтобы показать, что она сдѣлала, а въ націи упрочилась бы вѣра и довѣренность къ своей эмиграціи; нація должна была видѣть въ ней свою покровительницу и опору. При всепоглощающемъ стремленіи въ одной общей цѣли, при усиленныхъ работахъ и готовности къ самопожертвованіямъ, могъ ли бы родиться антагонизмъ??"

„Эмиграціи представлялась троякая работа: удержать наши сношенія съ правительствами, дружественныя тѣсныя связи съ народами Европы и близко родственныя съ соотчичами. Первая обязанность лежала на дипломатической партіи, вторая на лицахъ, входившихъ въ составъ польскаго комитета, третья на партіи демократической, которой предстояло *глубоко изучить, на что польскій патріотизмъ* можетъ разсчитывать, обсудить найсообразнѣйшій путь и указать его всѣмъ полякамъ, гдѣ бы соотчичи не находились, дабы работать и дѣйствовать въ согласіи и съ взаимною поддержкою."

„Дипломатическая партія измѣнила своему призванію; она повторила ошибку прежней польской дипломатіи; она все расчитывала на правительства, которыя всегда были и будутъ своекорыстны. Мы не противурѣчимъ случающемуся искусству дипломатіи, соглашаемся, что она могла даже искать при дворахъ, найболѣе намъ враждебныхъ, но наши дипломаты въ *свою* дипломатію вложили всю свою вѣру, всѣ свои надежды и объявили ненависть и неистовую войну всякому, кто искалъ спасенія въ вѣчныхъ силахъ народовъ."

„Съ самаго начала эмиграція употребила сверхъ естественныя усилія, чтобы сблизиться съ націей и европейскими народами; она заявляла готовность начать борьбу *для нашего спасенія со всемірнымъ спасеніемъ;* что же говорили тогда наши дипломаты эмигрантамъ: „ваше мѣсто ни во Франціи и ни въ Англіи, убирайтесь въ Алжирію къ бедуинамъ; тамъ у правительства руки не связаны и оно съумѣетъ принять васъ въ руки."

„Эмиграція въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ предпринимаетъ экспедиціи савойскую, франкфуртскую, заливскаго, а наша аристократія намъ указываетъ на Португалію. Развѣ въ распряхъ между двумя претендентами мы могли истреблять нашихъ естественныхъ враговъ русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ."

„Послѣ ряда неудачъ, наши дипломаты наконецъ увидѣли, что они идутъ по ложному пути, и примкнувъ къ демократической пар-

тіи, которая такъ высоко подвинула свои работы, вмѣстѣ съ нею провозгласила: Въ Польшу! въ Польшу! тамъ наши силы, тамъ наши средства. Аристократы съ *своимъ королемъ* развертываютъ свое знамя, наши демократы думали найдти въ нихъ *страшныхъ соперниковъ;* но они не рѣшаются перейдти границы ойчизны. Это монархическое возстаніе, съ своимъ королемъ впереди, вооруженнымъ скипетромъ и крестомъ, для избавленія Польши и утвержденія его королевскихъ правъ на престолъ, принимается за дипломатическія негоціаціи съ княземъ *Черногоріи* и *Черкесами* и кончаетъ свои подвиги турецко-славянскою пропагандою, веденною Чайковскимъ—Садикъ-Пашею. Напрасно демократія ожидала подготовленій монархическихъ дѣятелей на берегахъ Вислы, Нѣмана и Днѣстра; дипломаты не пошли далѣе заявленія, что *Чарторыйскій* былъ прежде кураторомъ виленскаго университета и заграницею покровитель бѣдныхъ польскихъ выходцевъ."

„Демократы эмиграціи, за исключеніемъ этихъ господъ, шли другимъ путемъ; они провозглашали, что безъ всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, имѣя только народъ передъ глазами, они вполнѣ пользуются возрастающимъ могуществомъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Когда *торгашеская* политика Людовика Филиппа еще не вполнѣ обозначилась, когда Германія, *воодушевленная пропагандистами,* разливалась ненавистью противъ священнаго союза и привѣтливо улыбалась революціи, когда Швейцарія и Италія съ нетерпѣніемъ ждали нашей революціи и даже сама столь разсчетливая Англія сильно протестовала противъ духа коалицій, одинъ *Лелевель* добросовѣстно исполнялъ свое дѣло; желая руководить демократовъ, онъ вошелъ въ сношенія со всѣми европейскими комитетами и эти сношенія могли быть весьма полезны польскому дѣлу, возраждая симпатію народовъ къ Польшѣ, основанную на свободѣ и братствѣ."

„Аристократы съиграли комедію на счетъ спасенія ойчизны и вызвали глубокія раздраженія, вызвали раздоръ, который парализировалъ тѣ великодушныя намѣренія, которыя стали распространяться въ краѣ (*), *чувства* братства могли заставить поселянъ участвовать *въ общемъ повстаніи;* они же тормозили дѣло, гдѣ могли; не содѣйствуя успѣхамъ революціонеровъ, наши дипломаты напротивъ всѣми своими усиліями хотѣли имъ перечить."

(*) Проэкты о надѣлѣ крестьянъ землею.

„Они возражали намъ, что не на буряхъ взволнованнаго населенія можно возводить прочное зданіе, что успѣхи медленные, но прочно укрѣпившіеся, послѣдовательно должны довести зданіе возстановленія Польши подъ крышу, и что демократическая партія, своими властолюбивыми и нетерпѣливыми буйствами, разрушаетъ глубоко обдуманное дѣло. Но развѣ не революціею мы достигли знаменательныхъ успѣховъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они, за исключеніемъ нашихъ провинцій, отданныхъ трактатами московскому царю, были повсемѣстны. Для дѣла возстановленія ойчизны, какіе важные пріобрѣли мы уже залоги, свободное книгопечатаніе, разрѣшеніе гвардіи народовой, разрѣшеніе комитетовъ народовыхъ, это были уже такія завоеванія, которыя могли бы служить незыблемою основою, при ожидаемомъ замѣщеніи всей администраціи соотчичами. Всего этого мы достигли и намъ слѣдовало остановиться во время и предоставить другимъ за насъ вести дѣло далѣе (*); намъ слѣдовало только внушеніями направлять событія."

„Мартовскими событіями 1848 года наша *справа* уже такъ была поставлена, что мы должны были только ждать, когда насъ народы поименуютъ и на перекличкѣ отвѣтить: „мы здѣсь на лице" (естесмы) и для того не съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать далѣе объ насъ память, а выжидая скромно, работать устройствомъ комитетовъ, клубовъ и охранительной стражи (стражи безпѣчenства), литературою и періодическими изданіями. Если бы мы оставались на пути легальномъ, и выработывая все, что было возможно изъ дарованныхъ уже правъ (дозволіоныхъ свободъ), никто не осмѣлился бы посягнуть на то наше нравственное могущество, противъ котораго въ дребезги должна была разбиться всякая матеріальная сила. Наши же руководители тотчасъ начали изъявлять свои неудовольствія, требовать большаго, стали создавать войска и поставили себя тѣмъ между двумя огнями—ими возбужденными контръ-революціями и русскими штыками. *Централизація* употребляла всю свою партію для своихъ собственныхъ видовъ, дабы не потерять своихъ куруловыхъ креселъ (курульскихъ кршеселъ нѣ страцицъ); она отвергла средства, потому что она всегда въ разладѣ съ сотрудниками. Когда въ началѣ мая (1848 г.) патріоты разныхъ областей призывали въ Врацлавъ членовъ централизаціи для согласія въ дѣйствіяхъ, какой получили они отвѣтъ?

(*) Т. е. Панургову стаду.

„Мы работаемъ, намъ не зачѣмъ разъѣзжать по совѣщательнымъ совѣтамъ (на обрады исць не потршебуемы), — точно будто они полъ-Польши уже завоевали; сказалъ же имъ тогда А. П. (*), въ патріотизмѣ котораго никто не сомнѣвается: *я вашей искренности повѣрю только тогда, когда ваши кости забѣлѣютъ рядомъ съ костями польскаго народа.*"

„Члены же централизаціи были далеки отъ самозабвенія, они всѣ до единаго возвратились благополучно (**), хотя имѣли тысячу случаевъ своею кровью запечатлѣть свою *незаконнорожденную философо-демократическую идею.* „*Демократа польски*" (***) все провозглашалъ о торжествахъ, вилъ себѣ лавровые вѣнки при всякомъ народномъ бѣдствіи, и дошелъ до того, что въ одномъ изъ своихъ нумеровъ провозгласилъ, что завоевалъ вселенную *(нашеми принципами завоевалисьмы святъ).*"

„Дипломатическая партія, руководимая *Чарторыйскимъ*, при ея общественномъ положеніи, могла дипломатическими путями получать ободренія отъ европейскихъ кабинетовъ и ими питаться въ своихъ надеждахъ, но демократы, раздосадованные на Европу за ея непостоянство въ симпатіяхъ, провозгласили во всеуслышаніе: Мы не нуждаемся въ Европѣ, Польша воскреснетъ собственными силами."

„Теоретически столь прекрасно обдуманная мысль *національнаго комитета*, который бы руководилъ и согласовалъ частную дѣятельность соотчичей, на практикѣ оказалась только вредною. Несогласіе мнѣній раздробляло еще болѣе элементы эмиграціи и вредно дѣйствовало на самый край *безконечными своими прѣніями, которыя и краю подавали поводъ къ несогласіямъ, безполезно поглощающимъ жизненныя его силы.*"

„Эмиграція намъ выставила въ *Мѣрославскомъ* геніальнаго спасителя ойчизны; централизація въ немъ признала великаго государственнаго человѣка, великаго администратора, великаго полководца, а послѣ всѣхъ неудачъ, когда пришлось каждому искать утѣшенія и виновниковъ въ неуспѣхахъ, то *Мѣрославскій* обратился въ „гетмана causi perda." На столь недавно прославляемаго великаго дѣятеля централизаціи, главнокомандующаго, диктатора, посыпались со всѣхъ сторонъ, въ стихахъ и прозѣ, ѣдкія критики, сатиры, насмѣшки, эпиграммы и самыя злыя каррикату-

(*) Въ подлинникѣ однѣ эти буквы.
(**) Не совсѣмъ точно.
(***) Журналъ издаваемый демократическою партіею.

ры. Не одна Польша была свидѣтельница его талантовъ. Сицилійская экспедиція увѣнчала его военные подвиги. Втершись въ дружбу и въ довѣренность къ Гарибальди, онъ начальствовалъ сицилійскимъ возстаніемъ. Когда инсургенты были атакованы королевскими войсками, *Мѣрославскій* растерялся до того, что, какъ полуумный, прискакавшему за приказаніемъ адъютанту отвѣчалъ только напѣвомъ: „Еще Польска не згинела,“ и наконецъ со страху бѣжалъ съ поля боя. Взбѣшенные италіанцы послали ему въ слѣдъ нѣсколько *срамныхъ пуль* (balle di vergounia), которыя просвистали мимо ушей „*диктатора Польши.*“

„Путь отъ Милославля до Вржесня, не путь изъ Мекки въ Медину, и *Мѣрославскому* никогда не быть пророкомъ Польши!“

„Вы ораторствуете 25 лѣтъ въ эмиграціи, вы пишете, печатаете, вы устроили цѣлую администрацію, ведете дипломатическія сношенія, производили революціи, десятка два людей подвели подъ висѣлицу, тысячи людей отправили въ казематы и въ каторгу Сибири, десять тысячъ легло въ одной Галиціи подъ косами и цѣпами своихъ же братій. Панъ Эдуардъ *Дембовскій* твердилъ, что *людъ должно приспособить къ понятію и возлюбленію революціи* (успособиць людъ до поенця и укохаия революціи). Людъ, діавольски увлеченный проповѣдями эмиссаровъ (шатанско увѣдзіоны пшезъ науки высланцовъ централизаціи) показалъ свои способы пониманія и возлюбленія всеобщей революціи; въ одномъ тарновскомъ округѣ замучено 3000 безоружныхъ и невинныхъ. Чѣмъ кончили въ 1846 г. руководители этой потѣхи (дзялаче тей фарсы)? Диктаторъ *Тыссовскій* съ своими министрами, секретарями и военоначальникомъ убѣжалъ съ деньгами. Какъ же отнеслась эмиграція о неистовой рѣзнѣ въ Галиціи? *Лелевель* провозгласилъ, что крестьяне вспомнили наконецъ о своихъ правахъ. Приверженецъ монархической Польши, министръ 1831 года, Теодоръ *Моравскій*, очень сожалѣлъ о рѣзнѣ, но въ томъ смыслѣ, что убитыхъ было мало (же за мало замордовано), а *Мѣрославскій*, въ утѣшеніе соотчичамъ, говорилъ, что рѣзня была слѣдствіемъ недоразумѣнія (malenten du), что *Тыссовскій* былъ только шалунъ un polisson de la bande de désordre social; 10 дневную оргію Кракова онъ, называя свободою, призналъ, что эти 10 дней стоятъ 70 лѣтъ рабства. Эмиграція тысячъ пятнадцать изъ увлеченной молодежи, изъ нашего будущаго поколѣнія, оторвала отъ роднаго крова и увлекла ихъ на баррикады, въ Венгрію и въ Турцію; изъ

нихъ болѣе половины нашли тамъ раннюю кончину подъ пулею, въ лазаретахъ, а нѣкоторые просто безъ помощи, съѣденные венгерскою холерою, или дунайскими лихорадками; остальные обратились въ скитальцевъ, искателей приключеній. Взгляните на наши семейства, есть ли хоть одно, которое бы не оплакивало роднаго; мы щедро давали вамъ средства для всѣхъ вашихъ проектовъ, мы не вступались, когда вы для вашихъ затѣй всякими ухищреніями удерживали нашихъ отъ возвращенія на родину, и оставляли тысячи привыкшихъ дома къ иной жизни, съ трудомъ, среди развитой промышленности заграницею, снискивать себѣ хлѣбъ насущный, стѣсняемые милліонами конкурентовъ; мы не вступались, когда ваши эмиссары и мѣстные агенты, преимущественно налагая на необходимость помочь бѣднымъ нашимъ выходцамъ, собирали щедрую дань, а вы выдавали имъ въ крайней нуждѣ по 25 франковъ и были къ нимъ щедры только тогда, когда высылали ихъ на опасныя подвиги; вы имъ внушали, что для ойчизны не страшны ни висѣлицы, ни казематы; сотни тысячъ нашихъ злотыхъ выкидали на покупки нѣмецкихъ книгъ, для поддержанія революціоннаго духа въ Германіи, *Лелевель* требовалъ средства для одного французскаго журнала, чтобы имѣть кресло въ *европейскомъ ареопагѣ*, вы имѣли ихъ десятокъ на всѣхъ языкахъ. Вы сотни тысячъ кидали на поддержаніе газетами симпатій къ Польшѣ, вы милліоны издерживали для поддержанія польской представительности, для вашихъ дипломатическихъ обѣдовъ, баловъ и праздниковъ, для связей, для вашихъ уполномоченныхъ, для вашихъ посланниковъ, на содержаніе вашихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вы ростили новыя жертвы, какъ старый паша накупленныхъ малютокъ невольницъ ростить для своего гарема. Вы 25 лѣтъ насъ кормили обѣщаніями, что добьетесь европейской войны, изъ которой Польша возстанетъ, благодаря вашимъ усиліямъ, независимою, могучею, въ границахъ небывалыхъ, окруженная славою, величіемъ, уваженіемъ народовъ; вы говорили намъ: Польша станетъ восточною Франціею и превзойдетъ западную и къ чему вы насъ привели!? „Два молодые великіе генія (!?), дышавшіе высокимъ патріотизмомъ, разочаровались среди эмиграціи, *Мохнацкій* (*) умеръ въ уныніи, *Мицкевичъ* сталъ мистикомъ и товянистомъ."

(*) Въ концѣ 1865 г., въ вышедшей брошюрѣ „Эмиграція польска" читаемъ также: *Мохнацкій*, самъ себя окончательно унизивши, у-

„Даже *Я. Н. Яновскій* (одинъ изъ творцевъ централизаціи) высказался: послѣ февральскихъ восторговъ (въ Парижѣ, при низверженіи Людовика Филиппа въ 1848 г.)—іюньская картечь; польскіе аристократы работали—для имперіи, а польскіе демократы выели—диктатора *Мѣрославскаго*.“ Трактатъ парижскаго мира и не роизнесъ слова *Польша*.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, на сколько ся масса *туземнаго шляхетства* сочувствовала раздраженному еудовольствію противъ всей эмиграціи вообще, излившемуся въ риведенныхъ заявленіяхъ нѣкоторыми изъ его членовъ. Эти неовольные силились доказать, что эмиграція идетъ по ложному ути; но мы не имѣемъ ни одного сознанія ни письменно, ни словесно выраженнаго въ средѣ туземнаго польскаго общества въ омъ, что само общество идетъ по ложному пути; даже и въ западной Россіи ни одинъ голосъ не заикнулся о томъ, что пора окончить съ многолѣтними затѣями и искренно слиться съ Россiею. Только послѣ рѣзни 1846 года, авторъ письма къ князю Меттерниху грозилъ Австріи, что всѣ поляки кинутся въ объятія Россіи, но это искуственное раздраженіе въ письмѣ, было олько для спасенія имени поляковъ передъ Европою; полякамъ, о чтобы то ни стало, было необходимо замаскировать тотъ фактъ, то начало всѣхъ крестьянскихъ неистовствъ было только послѣдствіе неожиданно принявшаго въ сторону движенія, сообщеннаго perpetuo mobile польской конспиративной дѣятельности. Это письмо польскаго дворянина (Маркиза В.) читалось съ жадностью, о единственнымъ его слѣдствіемъ было возникшее опасеніе мѣстныхъ пановъ, чтобы въ конспиративныхъ ихъ работахъ не натнуться на дѣятельность новыхъ *Эдуардовъ Дембовскихъ*. Видя а будущее время въ запоздалыхъ для Галиціи указаніяхъ князя Чарторыйскаго спасительный отводъ, паны тѣмъ ревностнѣе заботились приблизить къ себѣ ксендзовъ и возвысить въ глазахъ арода значеніе своего духовенства.

Другое заявленіе было въ *Глосъ зъ Литвы*, ковенскаго помѣщика, напечатанное въ Познани. Если у автора, по общему правилу, не хватило гражданскаго мужества выставить свое имя, о по крайней мѣрѣ достало мужества, проводя мысль панславиз-

---

бѣдился, что аристократію среволюціонировать нельзя. Среди сомнѣній и величайшей меланхоліи, онъ умеръ 14 Дек. 1834 г.

ма, выразить, что въ нечтаемой славянской конфедеративной монархіи главою долженъ быть русскій императоръ. Изданная книга не встрѣтила одобренія общества, туземное шляхетство было слишкомъ пропитано ученіями эмигрантовъ, землевладѣльцы принципами Ламберова отеля, а остальные, которымъ терять было нечего, принципами централизаціи.

Во всякомъ случаѣ, послѣ парижскаго мира, туземному шляхетству предстояло снова направить свою неугомонную конспиративную дѣятельность къ исполненію мирной программы Ламберова отеля. Часть этой программы обнаружилась трудами слѣдственныхъ коммиссій, конфискованными письменными и печатанными свѣдѣніями и особыми разъясненіями, потребованными отъ подсудимыхъ.

Она можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ сводѣ: Возстановленная Польша должна составить монархію *военную* и *земледѣльческую*.

Возстановленіе Польши можетъ послѣдовать при политическихъ потрясеніяхъ въ Европѣ.

Патріоты, въ ожиданіи этого благопріятнаго событія, должны поддерживать и развивать польскую національность въ краѣ.

Для согласной дѣятельности общественное мнѣніе должно уважать направленіе, даваемое людьми избранными *(филярами велькаго будованія)*.

Варшава сердце Польши.

Значеніе правительственныхъ лицъ и должностей должно быть исподоволь уменьшаемо расширеніемъ значенія лицъ, офиціяльно избираемыхъ на дворянскихъ выборахъ; этимъ средствомъ конспиративная польская администрація легальными путями должна была вытѣснить администрацію правительственную. Правительствомъ установленное число выборныхъ лицъ должно быть усилено частнымъ образомъ *делегатами* по домашнимъ выборамъ дворянства.

Делегаты составляютъ совѣты при избранныхъ лицахъ, утвержденныхъ правительствомъ, и служатъ помощниками въ производствѣ дѣлъ.

Ксендзы должны пріобрѣтать подобное же значеніе въ сферахъ простолюдиновъ.

Доброхотнымъ согласіемъ сословій исподоволь образовать собственное національное управленіе, которое при политическомъ сотрясеніи удержитъ отъ внутренняго потрясенія и безпорядковъ.

Общественное мнѣніе должно способствовать возвышенію значенія духовнаго сословія.

Шляхетство должно заботиться о возстановленіи польскихъ университетовъ.

Польская молодежь должна по преимуществу заниматься юридическими науками; поляки военные должны быть спеціалисты. Поляки должны заботиться о внесеніи просвѣщенія въ Россію (вѣроятно заботиться о развитіи польской интеллигенціи) и преимущественно въ ея окраины, особенно на Кавказъ; поляки должны стараться быть воспитателями русской молодежи.

Если *Чарторыйскій* такъ налегалъ на воспитаніе, то вѣроятно изъ собственнаго опыта онъ убѣдился, какую пользу онъ принесъ польской справѣ. Расточая предъ правительствомъ свою преданность, свою благонамѣренность, свои заботы о цивилизаціи, онъ вдругъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ доискался попечительства учебнаго округа западной Россіи. На окраинѣ Россіи, еще не окрѣпшей въ русской народности, съ вліятельными классами русскихъ, перемѣшанными съ поляками, *Чарторыйскій* тогда пропиталъ ея учебныя заведенія *польщизною*, которой источникомъ былъ виленскій университетъ. Онъ особенно заботился о щедромъ снабженіи университетской библіотеки всѣми возможными польскими историческими сочиненіями и всѣми польско-патріотическими литературными произведеніями, дабы держать всю учащуюся молодежъ въ этой искусственной, чадной атмосферѣ полонизма. Таковъ образчикъ примѣровъ, имъ оставленныхъ для подражанія; тщательно между туземцами сохраняются традиціи о князѣ *Адамѣ*, иногда поражающія своими подробностями.

Мы изложили внушенія, дѣлаемыя Ламберовымъ отелемъ всей массѣ шляхетства, для систематической организированной его дѣятельности; но кромѣ того въ документахъ, собранныхъ по дѣламъ мятежа, находятся письменныя свидѣтельства, что и высшая конспиративная работа, нѣкогда веденная напримѣръ княземъ *Адамомъ*, графомъ Михаиломъ *Огинскимъ*, продолжалась по пути, указанному предшественниками. Предъ отечественною войною, въ то время, когда поляки, расточая обѣщанія, призывали Наполеона ко вторженію въ Россію, *Огинскій* получалъ отъ *Армфельда*, выходившаго изъ кабинета государя, свѣдѣнія о всѣхъ тайныхъ совѣщаніяхъ на щетъ мѣръ и средствъ къ защитѣ имперіи; по-

добно тому снова поляки устроились такъ, чтобы получать немедленно свѣдѣнія о такихъ правительственныхъ работахъ, которыя до обнародованія были тайною. Основываясь на нихъ, поляки заблаговременно принимали свои мѣры; но для шляхетства наступали времена трудныя и, какъ ниже увидимъ, старыя комбинаціи оказались не всегда пригодными. Буквально слѣдуя примѣрамъ князя Адама *Чарторыйскаго*, аристократическіе сторонники Ламберова отеля, какъ отпавшіе по личнымъ разсчетамъ, такъ и непоколебимо ему преданные, старались во *тьмѣ* и *мглѣ* удержать польскія дѣла; предъ вліятельными людьми въ Россіи они силились извращать событія, посѣять разладъ между высшею и мѣстною администраціями, набрасывая на все, съ своей стороны, мантію усерднѣйшей, вѣрноподданнѣйшей заботливости о преуспѣяніи имперіи. Въ теченіи четырехъ царствованій, скопившіяся *польскія дѣла уже созрѣвали*, они были на канунѣ ихъ перехода въ ясно поставленный *польскій вопросъ*. При его разрѣшеніи настали для шляхетства времена еще труднѣйшія. Казалось, что въ теченіи пяти вѣковъ, окрѣпъ рубежъ по коренной русской землѣ, рукою поляковъ проведенный между восточною и западною Россіею, но ТОТЪ, кто призвалъ Россію къ новой жизни, ТОМУ суждено и стереть оскорбительный и гибельный для Россіи рубежъ.

Въ то время, когда князь *Чарторыйскій*, по собственнымъ его словамъ (*), въ *своихъ мечтаніяхъ* создавалъ программу для конспиративной дѣятельности пановъ, *централизація* съ своими секціями вырабатывала систематически науку мятежей соображеніями и пріобрѣтаемою опытностью.

Русскіе люди, не догадываясь о тайныхъ хитро задуманныхъ подземныхъ польскихъ козняхъ, не могли обороняться отъ ихъ готовимыхъ сѣтей; они не догадывались, куда ведутъ всѣ провозглашенія о благоденствіи рода человѣческаго, и многіе тѣмъ скорѣе попадали въ *Панургово стадо*, что поляки преимущественно лукавили предъ молодежью, издѣвались надъ элементами русской жизни, относили ихъ къ нашей неразвитости, твердили, что мы еще не *созрѣли* до высоты польской интеллигенціи. Всѣ русскія коренныя начала, завѣщанныя предками, которыя правильнымъ

(*) Рѣчь князя Адама Чарторыйскаго на торжественномъ засѣданіи польскаго учено-литературнаго общества въ Парижѣ, 17 (27) Ноября 1844 г.

народнымъ развитіемъ будутъ достояніемъ нашего позднѣйшаго потомства, столь пугавшія польскую справу, были, по ихъ провозглашеніямъ, только остатками московскаго варварства; всякое здравое ученіе, всякія истинныя свѣдѣнія, вѣрные историческіе выводы они называли *казенными*, и дабы лишить русскихъ людей возможности пресѣчь съ ловкимъ искушеніемъ распространяемое зло, то они въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ обществѣ, настойчиво проводили тѣ понятія, чтобъ указать властямъ и обществу—посягателей на русское могущество, на наше народное достояніе, на государственное единство, на нашу славу, на нашу честь есть *доносъ* и *шпіонство*. Многихъ русскихъ людей поляки, исподоволь втягивая въ свои сѣти, морочили подобными понятіями, пріобрѣтенными на школьной скамьѣ. Впрочемъ, не однимъ русскимъ пришлось заплатить дань за невѣдѣніе революціонныхъ конспиративныхъ теорій, напѣваемую поляками на музыку: „еще Польска не згинела.“ Давно создалось общественное мнѣніе въ столь положительномъ нѣмецкомъ обществѣ, а и нѣмцы до 1848 года сочувствовали сладкимъ польскимъ рѣчамъ о международной братской любви, о благоденствіи рода человѣческаго, основаннаго на международныхъ симпатіяхъ и общественной свободѣ, утвержденной на новыхъ началахъ, изобрѣтенныхъ революціоннымъ ареопагомъ молодой Европы, при содѣйствіи польской централизаціи. Событіями 1848 года предъ нѣмцами разоблачилось польское предательство, открылось, что изъ одной и той-же мастерской исходили увѣренія нѣжной любви, симпатіи и глубокаго уваженія поляковъ къ нѣмцамъ, единовременно съ инструкціями, какими предательскими средствами пригоднѣе нѣмцевъ передушить въ Галиціи и Познани. Когда возникла на новыхъ началахъ устроенная свободная польская народность, въ анархическомъ сумбурѣ *народовыхъ* комитетовъ, когда новая свобода выяснилась неистовыми своеволіями противъ познанскихъ нѣмцевъ, когда польскія симпатіи выказались стремленіемъ подчинить польской національности національность нѣмецкую, когда нѣмцы увидѣли, что поляки посягаютъ на силы и могущество Германіи, считая ихъ вполнѣ одураченными, тогда оскорбленные сыны Германіи, уязвленные въ народномъ чувствѣ собственнаго достоинства, круто повернули дѣло; они заставили упорныхъ полонофиловъ замолчать на франкфуртскомъ сеймѣ, и пруссаки, въ своемъ раздраженіи, потребовали отъ генерала Виллизена, далеко ушедшаго въ глубь Панургова стада, отчета въ его дѣйст-

віяхъ и доказательствъ, что служа, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ, *онъ не былъ измѣнникомъ своего отечества.*

Выработанная теорія мятежей революціонною партіею въ Европѣ, усовершенствованная польскою централизаціею и многочисленными ея агентами, примѣненная къ бывшимъ въ сороковыхъ годахъ мятежамъ въ Европѣ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ видѣ:

Заранѣе подготовленный многочисленный заговоръ опасенъ своимъ раскрытіемъ.

Посвященныя избранныя личности (столбы или филяры), сносясь съ пятью членами совѣтовъ мѣстныхъ секцій, даютъ направленіе дѣятельности; для безопасности эта связь и сношенія хранятся въ тайнѣ. Члены секцій, укрывая свою дѣятельность въ легальныя и благонамѣренныя формы (*), поддерживаютъ національное революціонное броженіе въ умахъ.

Въ мѣстности, предназначенной для мятежа должно *пропитать воздухъ революціонною атмосферою.*

Для того дѣйствовать на слабыя и тщеславныя вліятельныя личности словами либерализма и прогресса, дѣйствовать на все общество литературою, дѣйствовать на учебныя заведенія, и особенно на наставниковъ, и подготовлять народъ, дѣйствуя на грубыя чувства корысти и возбуждая въ немъ новыя желанія, или какъ осязательно выразило сорвавшееся сожалѣніе у одного изъ главныхъ дѣятелей минувшаго мятежа, Людвига *Звирждовскаго,* „населеніе Литвы представляетъ мало элементовъ *народъ преобразовать въ чернь.*"

Сожалѣніе о непризнаніи личныхъ достоинствъ, малой ихъ оцѣнки, несправедливой судьбѣ, изученіе общихъ слабостей общества (**) или личныхъ, всегда откроютъ ревнителямъ польской справы доступъ къ довѣренности вліятельныхъ личностей, а затѣмъ

(*) Русскіе въ Вильнѣ, до мятежа, считали самыми благонамѣренными, преданными правительству, двухъ: *Звирждовскаго* (повѣшенъ) и Ал. *Оскерко* (сосланъ въ каторжную работу), почему въ этомъ смыслѣ они и были употребляемы. Въ это время первый былъ главнымъ работникомъ въ комитетѣ *красныхъ*, а второй тѣмъ же въ комитетѣ *бѣлыхъ*.

(**) Такъ Мѣрославскій указывалъ, что самое надежное средство— нѣмцевъ травить русскими, а русскихъ нѣмцами. Газируя, онъ помѣстилъ это средство и въ свое сочиненіе «de la nationalité polonaise.»

нимъ уже не трудно будетъ поставить ихъ въ свою нравственную зависимость.

Порядокъ веденія заговорнаго дѣла шелъ въ слѣдующей последовательности: пропаганда, за нею являлись манифестаціи и наконецъ мятежъ.

Для пропаганды мы имѣемъ слѣдующія указанія:

Опытъ научилъ вождей, что заранѣе распространенный заговоръ почти всегда преждевременно становится извѣстнымъ правительству, потому верховные коноводы ограничивали свое число самыми необходимыми людьми, только содѣйствующими пропагандѣ своимъ вліяніемъ. Высшіе коноводы старались въ глазахъ правительства казаться самыми благонамѣренными, даже готовыми содѣйствовать ревностно его благимъ предначертаніямъ. Словесно и письменно они устраняются отъ всякаго проявленія своихъ замысловъ, которое могло бы быть для нихъ уликою; дѣятельность верховныхъ вождей имѣетъ двоякое направленіе: съ одной стороны, для достиженія своихъ замысловъ, они стремятся усилить свои средства, подготовляя пригодныя личности въ орудія своихъ плановъ, съ другой стороны, они стремятся ослабить правительства, сбивая ихъ распоряженія на путь содѣйствія къ осуществленію ихъ затаенныхъ проэктовъ.

Силѣ правительствъ, враждебныхъ польскимъ тенденціямъ, они хотѣли противупоставить общественное мнѣніе. Въ ихъ рукахъ для этой цѣли мощнымъ орудіемъ было іезуитское ученіе, что всѣ средства хороши, если они могутъ содѣйствовать цѣли.

Для извращенія общественнаго мнѣнія литература и журналистика были ихъ орудіями; историческіе подлоги, поддѣлка оффиціальныхъ актовъ, извращеніе смысла постановленій, лживые толки и лживые слухи были подспорьемъ къ работѣ.

Ограничивая до крайней возможности число заговорщиковъ, польская пропаганда стремилась подготовлять людей, распалять умы, разжигать страсти, дабы въ данное время число заговорщиковъ могло вербоваться съ успѣхомъ и быстротою такими ревнителями, которыхъ безъ большаго труда можно было бы обратить въ офанатизированныхъ дѣятелей.

Учебныя заведенія были главными мѣстами для вербовки. Коноводы дѣйствовали успѣшно въ средѣ неопытной, учащейся молодежи, съ практическою стороною жизни еще не знакомою, съ неутвердившимися еще понятіями гражданскаго долга.

Способы къ предательскому увлеченію молодежи были постоянно одни и тѣ же; коноводы льстили молодежи, указывали ей что она представительница новаго поколѣнія, что она заключаетъ среди себя государственныхъ людей и военныхъ предводителей, для совершенія того переворота, который разрушитъ утвердившіеся элементы государственнаго устройства, коноводами провозглашаемыхъ укоренившимися только предразсудками прежней зависимости и невѣжества.

Коноводы особенно заботились заманивать наставниковъ юношества убѣжденіями, лестью, искуственными восторгами и матеріальными выгодами. Они ловили и прославляли тщеславныхъ и ослѣпляемыхъ и сами искали официяльныхъ сближеній съ воспитательными заведеніями.

Для одобренія къ дѣйствіямъ, коноводы отвергали, что власть дѣйствующая есть необходимый залогъ возможности существованія обществъ, они усиливались доказывать, что правительства шатки и слабы, и мнимая ихъ сила есть только наружное обаяніе, правительствами производимое на недальновидныя массы.

Юридическіе факультеты по университетамъ обращали на себя наибольшее вниманіе верховныхъ коноводовъ; юристы являлись людьми наиболѣе пригодными законность обращать въ изворотливую польскую легальность. Польскіе юристы, во всякихъ обстоятельствахъ, могли быть, при польской изворотливости, самыми полезными дѣятелями для мятежной польской справы.

Для большихъ успѣховъ пропаганды верховные заговорщики старались имѣть своихъ мѣстныхъ агентовъ распространителями подпольной литературы и которые въ разныхъ кружкахъ совѣтами и ученіями осторожно развивали далѣе наущенія въ печатанныхъ произведеніяхъ революціонной литературы и побуждали ослѣпляемыхъ къ пригодной инициативѣ. Агенты вездѣ давали толчекъ къ волненію умовъ и безпорядкамъ, и притаясь, руководили ими болѣе.

За учебными заведеніями, коноводы находили городское низшее сословіе слѣдующимъ слоемъ общества, пригоднымъ для усиленія своихъ средствъ. Въ этой средѣ, самымъ такъ называемымъ забубеннымъ (биръ-бантамъ), они выдавали жалованье; освобождая ихъ отъ работы, они доставляли имъ возможность постояннымъ пребываніямъ по кабакамъ и по трактирамъ, проповѣдывать о тягостяхъ мастероваго сословія, которое они относили

къ тому, что, при обще-существующемъ общественномъ устройствѣ, хозяева устроивъ фабрики или заведенія, обращаютъ потъ рабочаго класса въ золото, которымъ набиваютъ себѣ карманы.

Для сельскаго населенія назначались свои агенты, которые ходили по деревнямъ, подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсней, сказокъ, изученія народнаго быта, и которые, по кабакамъ и корчмамъ, находя преимущественно разгульныя головы населенія, внушали имъ неудовольствія противъ существующей администраціи и существующихъ законоположеній, разсказывали о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, о тягости налоговъ и искушающими толками о возможности лучшаго будущаго извращали понятія и сѣяли новыя желанія. Изъ собираемыхъ памятниковъ народной литературы, они нанизывали въ свои сборники то, что однажды напечатанное, распространяемое между народомъ, могло только тяжело лечь на душу простолюдина; для того они собирали въ видѣ пѣсней или сказокъ оставшіеся памятники бѣдственныхъ эпохъ въ предшествовавшіе вѣка народной жизни. Въ Варшавѣ въ литературныя произведенія для народа включались и вновь состряпанныя картины прежняго народнаго благоденствія, онѣ всегда относились къ времени минувшему независимой Польши (1).

Другую сторону дѣятельности коноводовъ при пропагандѣ представляютъ мѣры къ ослабленію правительствъ и усилія направлять правительственныя распоряженія на путь содѣйствія ихъ замысламъ, или по принятому у нихъ выраженію *правительства сдѣлать солидарными*, съ ихъ подземными планами и работою.

Литература и журналистика опять являлись первыми орудіями для отуманенія понятій. Краснорѣчивыя перья, съ лукавыми хитрыми софизмами, усиленно извращали общественное мнѣніе. Коноводы силились ловить въ свои сѣти, пріятно щекотя струну тщеславныхъ вліятельныхъ людей, ими провозглашаемыхъ друзьями человѣчества, свѣтилами современной эпохи, либеральными, передовыми людьми на пути прогресса народной жи-

(1) Любопытнымъ памятникомъ этихъ происковъ къ отуманенію народныхъ понятій можетъ служить выходившій въ 1862 году въ Варшавѣ, иллюстрированный народный журналъ „Кміотекъ.“ Конечно, если въ Польшѣ простолюдинъ вздохнулъ свободно отъ панскаго безграничнаго гнета и произвола, то только съ паденія Рѣчи Посполитой. Въ Кміотекѣ же видимъ исключительное вос-

зии; за то со всею яростью и желчью затаенной злобы они бросались на тѣ личности, которыя прозорливо понимали истинныя требованія, на неутомимыхъ стражей тѣхъ краеугольныхъ правительственныхъ элементовъ, которые составляютъ прочную основу народнаго благосостоянія.

Не на однихъ людей высокопоставленныхъ въ правительственныхъ сферахъ обрушивалась вся ненависть честолюбивыхъ своекорыстныхъ враговъ общественнаго порядка; всѣ личности вліятельныя въ мірѣ литературномъ, журнальномъ, научномъ, твердыя въ своихъ знаніяхъ и убѣжденіяхъ, которыя проводили понятія, противныя софизмамъ поборниковъ государственныхъ переворотовъ, обращались въ ихъ заклятыхъ враговъ. Ревнители анархіидеспотически навязывали общественному мнѣнію свои сужденія; нетерпимость въ полномъ смыслѣ слова обуяла людей, выдававшихъ себя ревнителями свободы человѣческихъ обществъ; наглая ложь, предательская интрига, ловкія, утонченныя, ухищренныя клеветы, глубоко обдуманно, дерзко выступали впередъ, дабы ввергнуть въ бездну сколько нибудь опасныхъ имъ противниковъ или застращать ихъ. Дѣятели польской справы указывали, что сила революціонной партіи такъ велика, что она всегда достигала того, что не завидна была судьба тѣхъ, которые слишкомъ ретиво выступали къ ея противодѣйствію; таково было одно изъ тѣхъ многосторонныхъ проявленій польскаго *террора*, который нравственнымъ и физическимъ застращиваніемъ долженъ удерживать энергію опасныхъ противниковъ польской справѣ. Не даромъ же въ польскихъ конспиративныхъ традиціяхъ, относительно Россіи, сохраняются, проявившіяся послѣдовательными событіями польскихъ мятежей, имена *Державина, Сперанскаго, Красcовскаго, князя Трубецкаго,* и множества другихъ менѣе извѣстныхъ. О Державинѣ былъ отзывъ (*) что онъ *„осмо-*

хваленіе временъ независимой Польши. Его назначеніе было извратить понятія сельскаго населенія о тягостныхъ временахъ бывалыхъ и парализировать въ новомъ поколѣніи населенія вліяніе разсказовъ стариковъ, что прусское, а потомъ русское правительство первое оградило законами сельское сословіе отъ панскаго ига и отъ панскаго своеволія. Кміотекъ недостигъ цѣли. При первыхъ возгласахъ, пущенныхъ въ народъ, что независимость Польши будетъ возстановлена, сельское населеніе говорило: «Бѣда, бѣда, прежнее время возвращается» (Зле, зле, давне чазы се вращаіонъ).

(*) Къ сожалѣнію русскаго вельможи.

пленъ своею нелюбовью къ полякамъ и ясно не видитъ государственныя нужды;" *Сперанскаго* признали предателемъ отечества, *Крассовскаго—пьяницею*, *князя Трубецкаго*—извергомъ. На помощь интриги являлись еще другія темныя средства.

Стремясь послѣдовательно закрѣплять за собою пріобретенные успѣхи, они усиливались уловками сдѣлать правительства солидарными съ своими подземными работами. Правительственное распоряженіе, которое могло служить замысламъ, было встрѣчено хвалебными гимнами, дабы дальнейшее его развитіе направить въ свою пользу, насильственно польская интрига направляла общественное мнѣніе, дабы подъ самыми благовидными предлогами гуманности и прогресса, приводить правительства къ пригоднымъ для ихъ цѣлей новымъ распоряженіямъ.

Высокостоявшіе въ обществѣ польскіе магнаты были обязаны *для ойчизны*, не отказывать своимъ покровительствомъ, ходатайствомъ и содѣйствіемъ систематическому размѣщенію поляковъ въ государственной администраціи.

Попадая на вліятельныя мѣста, поляки умножали своими земляками число служащихъ. Взаимною поддержкою, взаимнымъ прославленіемъ никакія маленькія способности не могли заглохнуть на служебномъ поприщѣ. Подобная дружная работа, конечно, въ правительственныхъ администраціяхъ давала особое значеніе польскому элементу, пока правительства не обратили вниманіе на это чужеядное, вредное сѣмя. (*)

Цѣль пропаганды была разъединеніе населенія и правительствъ. Цѣлые томы потребовало бы изложеніе громадной работы къ уничтоженію взаимной довѣренности народа къ высшимъ верховнымъ властямъ и къ ослабленію правительственнаго организма; при этомъ нельзя не упомянуть на усилія внести заразу въ войска и втисненіе революціонныхъ ученій въ военный элементъ, который, конечно, въ данную рѣшительную минуту, являлся для нихъ самымъ опаснымъ противникомъ.

Коноводы, желая вести работу систематически, обманывая себя при желаніи обманывать другихъ силою пропаганды, при послѣ-

---

(*) Замѣчательно, что поляки и во Франціи пришли къ предположенію, что правительство слѣдитъ за накопленіемъ поляковъ въ одномъ мѣстѣ службы, даже и за тѣми, которые, миновавъ всѣ французскимъ правительствомъ принятыя затрудненія, сдѣлались французскими подданными.

довательной своей работѣ, означали этапы выраженіемъ *факта совершившагося*. За факты совершившіеся принимались, дѣйствительныя или мнимо, достигнутыя для ихъ цѣли уступки правительствъ. Торопливо въ 1848 г. въ Познани и Галиціи коноводы записали *фактами совершившимися* данную свободу печати, освобожденіе политическихъ преступниковъ и разрѣшеніе народовой гвардіи; за факты совершившіеся ими принимались и такіе вымыслы, въ истинѣ которыхъ они успѣвали убѣдить общественное мнѣніе.

Польская пропаганда, дѣйствуя по всей Европѣ и стараясь вооружить общественное мнѣніе противъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, работала тѣмъ съ большею настойчивостью и озлобленіемъ противъ Россіи; она дѣйствовала тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ, что всѣ ухищренныя затѣи къ производству въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи поляками мятежей, послѣ 1831 года, разлетались въ дребезги, силою правительственной власти и страхомъ, имъ внушаемымъ крамолѣ; въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи волнуемая, наущаемая и подстрекаемая масса шляхетства на словахъ высказывала свое сочувствіе, а на дѣлѣ старалась устраниться отъ прямаго участія, могущаго компрометировать. Значеніе Россіи росло предъ лицемъ Европы, но тѣмъ съ большею злобою польская пропаганда трубила Европѣ о замыслахъ Россіи, и что въ Императорѣ Николаѣ олицетворяются и сосредоточиваются всѣ противудѣйствія свободному общественному развитію. Польская пропаганда стремилась увѣрить Европу, что Императоръ Николай опаснѣйшій для нея врагъ, готовый на нее кинуться съ милліономъ солдатъ и подавить въ ней всякія свободныя учрежденія, что онъ, порабощая всѣ правительства моральному своему вліянію, только думаетъ о порабощеніи Европы и преобладаніи надъ нею; явилось снова на сцену пресловутое завѣщаніе Петра Великаго. Домогаясь помощи запада, поляки выставляли себя ретивыми заступниками его интерессовъ и свободы отъ варварскаго нашествія съ востока; они брали на себя разъяснять правительствамъ запада объ опасностяхъ, имъ угрожающихъ, и себя выставляли единственными пригодными защищать Европу противъ Россіи. Не смотря на подобную грубую уловку, поляки столько наклеветали на Императора Николая, прозорливо понимавшаго всѣ тенденціи европейскихъ революціонеровъ, вообще, и поляковъ въ особенности, что они дѣйствительно достигли

вліянія на общественное мнѣніе Европы. Много времени потребуютъ безпристрастныя историческія разысканія, чтобы возстановить во всей истинѣ высокое значеніе Императора Николая въ европейскихъ событіяхъ временъ его царствованія.

Таковы были способы дѣйствія польской пропаганды. За пропагандою, по правиламъ мятежей, слѣдуютъ манифестаціи и демонстраціи—работы окончательнаго подготовленія къ разжиганію страстей и мятежу.

Первымъ для того средствомъ—пріобрѣтеніе пригоднаго книгопродавца, для болѣе удобнаго снабженія произведеніями подзадоривающей запрещенной литературы. Заговорщики запасались особыми издателями по этой части. *Франкъ* особенно снабжалъ Германію изданіями, пригодными для революціонныхъ возбужденій. По крайней мѣрѣ одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій въ рукахъ ревнителей, талантливо владѣющихъ перомъ, должно быть органомъ дѣлу заговорщиковъ; подобный журналъ, при чтеніи между строками и легально проводя, мимо законовъ о печати, ловко написанныя, пригодныя статьи, долженъ давать тонъ и направленіе современной литературѣ. Единовременно съ тѣмъ всякія, польской справѣ опасныя, литературныя произведенія, разоблачающія искушенія, обманы, ложь должны быть встрѣчены издѣваніями и глумленіями хоромъ всѣхъ ревнителей, для отуманенія общественнаго мнѣнія настойчивыми и неутомимыми ихъ нападками. Польская справа, деспотически не терпя чужихъ мнѣній, нахальными изворотами бичевала своихъ противниковъ; она, милліонами злотыхъ, собираемыхъ съ края, первенствуя между европейскими революціонерами, купивъ вліяніе на печать, пріобрела силу для литературной вѣтви своего террора; того, кого поляки не могли залучить въ *Панургово стадо*, того они объявляли *ретроградомъ* и обвиняли въ *обскурантизмѣ*—два слова, признанныя польскою справою особенно *для нея пригодными*. Даже, когда Адамъ *Мицкевичъ*, столь высоко превозносимый поляками, заколебался, то польская справа не замѣдлила огласить, что у него умъ помрачился, что онъ близкій кандидатъ въ пріютъ умалишенныхъ. Революціонная мѣстная литература, по мѣрѣ приближенія условленнаго времени, должна высказываться постепенно съ большею ясностію, и наконецъ появленіями подпольныхъ прокламацій народъ призывать къ сборищамъ; тогда изъ таинственныхъ убѣжищъ крамола уже выходила на улицы и на площади. Обязанность вожаковъ со-

стояла въ томъ, чтобы первыя сборища облечь въ самыя легальныя или благонамѣренныя формы; львовскія сборища въ 1848 году, послѣ недавнихъ событій 1846 года, были ведены съ необыкновеннымъ искусствомъ, опираясь на вѣнскія событія и извиваясь передъ *Гаммерштейномъ*, котораго поляки знали неколебимую энергію и предпріимчивость. Коноводы одержали полную побѣду надъ догадливостью графа *Стадіона* и разыграли блистательно свою увертюру на слабыхъ струнахъ графа, на струнахъ его отуманенныхъ понятій о гуманности, либерализмѣ и прогрессѣ. Надрессированные ревнителями, ученики учебныхъ заведеній, съ началомъ манифестацій, поступаютъ въ непосредственное распоряженіе вожаковъ. На нихъ, достаточно подготовленныхъ и офанатизированныхъ, возлагаются двоякія обязанности: сперва полицейскія, потомъ боевыя. Они составляютъ и первую ширму для вожаковъ. Воспитанники—*сыны отчизны*, когда они трибунами ораторствуютъ на площадяхъ или защищаютъ баррикады, они *дѣти*, когда, при неудачѣ, попадутся предъ судъ закона, потому коноводами они признаны особенно пригодными орудіями.

Уличные безпорядки, послушные вождямъ, должны произвести оптическій фокусъ, если удачно веденными уличными демонстраціями коноводы добьются, что мѣстныя власти предоставятъ взволнованной толпѣ изъ своей среды выбрать успокоителей. Тогда населеніе должно, какъ бы подъ вліяніемъ магическаго жезла, временно успокоиться предъ новою властью, избранною изъ его среды, т. е. изъ среды заговорщиковъ, у которыхъ готовая программа для дальнѣйшихъ дѣйствій уже въ карманѣ; этимъ путемъ законная власть будетъ поставлена въ очевидную необходимость сдѣлать первую уступку; произведенный фокусъ парализируетъ употребленіе оружія, и крамола имѣетъ уже опору для доказательства беззаконности употребленія военной силы при дальнѣйшей неурядицѣ; такое застращеніе мѣстной правительственной власти считается первою положительною побѣдою и становится *фактомъ совершившимся*. Вся солидарная журналистика должна провозглашать о спокойной покорности и стремленіи къ порядку угнетенныхъ, но кроткихъ, поднятыхъ массъ народа. Въ городскую чернь, манифестаціями ободренную къ безнаказанному неуваженію законной власти, руководимую наемными *биръ—бантами* (*) должно поселить увѣренность, что войска стрѣлять не дерзаютъ.

(*) Въ Варшавѣ каждая изъ большихъ манифестацій (1861) г. обходилась *краснымъ*, по счетамъ, представленнымъ *Мѣрославско-*

Для перехода къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, коноводы признавали, что женщины необходимы. По правиламъ мятежной тактики, употребленіе женщинъ при демонстраціяхъ и баррикадахъ, есть стратагема, на подобіе Камбизовой, который противъ египтянъ гналъ кошекъ и собакъ передъ своими войсками. Вообще женщины занимали не послѣднее мѣсто въ соображеніяхъ революціонеровъ, и по показанію одного изъ подсудимыхъ, собственно для этой цѣли, въ Краковѣ былъ издаваемъ журналъ *„Невяста“*; впрочемъ это заглавіе должно было служить только для большаго подзадориванія его читательницъ; по комбинаціямъ польской справы найпригоднѣйшія женщины для революціонной дѣятельности во всѣхъ періодахъ мятежной работы суть *перезрѣлые дѣвы* (не млоде панны), *особенно способныя къ раздражительности*, причемъ красота скорѣе вредитъ дѣлу; менѣе пригожія стараются замѣнить отсутствіе красоты *пикантностью*; оттуда и выраженіе бывшаго литовскаго псевдодиктатора *Калиновскаго:* „слишкомъ миловидна, чтобы быть истою патріоткою.“

Вербовка вожаковъ-женщинъ преимущественно производится изъ слоя повивальныхъ бабокъ, гувернантокъ, компаньонокъ, проживалокъ, экономокъ и эмансипированныхъ изъ такъ называемаго полусвѣта. Для уличныхъ боевъ, въ рѣшительные моменты появленіе красавицы-аристократки можетъ произвести двойное магическое дѣйствіе. Конечно, вожаки могли разсчитывать, что они всегда найдутъ таковую изъ мѣстныхъ аристократическихъ патріотокъ, преисполненныхъ традиціями временъ Рѣчи Посполитой. Во время накалыванія національныхъ кокардъ дамами въ Краковѣ, въ 1846 году, Эдуардъ *Дембовскій,* ревностный сторонникъ коммунизма, про одну изъ этихъ (*) выразился: „Она вѣрно разсчитываетъ, что мы станемъ изъ ея башмачка (черевичка) пить венгерское.“

Впрочемъ событія послѣдняго мятежа далеко оставили за собою ту дѣятельность, которую революціонныя программы предназначили женщинамъ. Ихъ ретивость къ мятежу соразмѣрялась прямо ихъ преданностью къ костелу; вліяніе въ латинской сферѣ

му, около 20,000 злотыхъ; сколько было израсходовано конюхами и дворовыми панскихъ домовъ, неизвѣстно. Эти нанимали много солдатокъ прачекъ. *Мѣрославскій* полагаетъ для нанимаемыхъ изъ городской черни актеровъ, представителями народнаго неудовольствія, *по два злотыхъ и по одному стакану шнапса.*

(*) Графиню I, или SS, въ рукописи буква не разборчива.

ксендзовъ на женщинъ всѣмъ извѣстно. Наконецъ должно освободить заключенныхъ, политическіе—ретивѣйшіе работники.

Сосредоточивая на покойномъ Государѣ всю ненависть и злобу, революціонеры съ прекращеніемъ восточной войны увидѣли свои замыслы нисколько не достигнутыми. Заря огромнѣйшихъ реформъ, озарившая воцареніе новаго Императора, не остановила ярыхъ провозглашеній.

Польская эмиграція ждала только первыхъ словъ Государя въ Варшавѣ, чтобы извративъ ихъ смыслъ, протрубить Европѣ, что новое царствованіе для запада будетъ продолженіемъ прежняго угнетенія, что посягательство на свободу европейскихъ обществъ есть уже, независящее отъ личности русскаго Государя, врожденное стремленіе русскаго правительства.

Слова Государя, сказанныя въ Варшавѣ 11/23 Мая 1856 года сенаторамъ, предводителямъ дворянства и духовенству были именно тѣ слова примиренія, при которыхъ поляки, если были бы движимы истинными чувствами патріотизма, могли ясно видѣть будущее благоденствіе страны. Они могли русское правительство освободить отъ задней мысли того недовѣрія, что всякая благодѣтельная реформа должна быть относительно поляковъ предварительно строго обсуждена; довѣренность къ подданнымъ, оказываемая Верховною властью, не открываетъ ли она лазейку, которую неугомонный духъ польщизны найдетъ возможность обратить на погубу страны.

„Я пріѣхалъ къ вамъ, господа, сказалъ Государь, съ забвеніемъ прошедшаго, съ самыми лучшими намѣреніями для края. Вамъ предстоитъ помочь Мнѣ привести ихъ въ исполненіе, но прежде всего Я долженъ вамъ сказать, что наши взаимныя отношенія должны разъясниться. Я ношу васъ въ Моемъ сердцѣ, какъ и всѣхъ Моихъ русскихъ подданныхъ, но Я понимаю, чтобы порядокъ, установленный Моимъ отцемъ, былъ сохраненъ. И такъ, господа, прежде всего безъ мечтаній, безъ мечтаній. Кто не желаетъ разстаться съ ними, того я буду умѣть удержать, я съумѣю не допустить ихъ мечтаній далѣе сферы ихъ воображенія. Благоденствіе Польши зависитъ отъ ея полнаго слиянія съ народомъ Моей имперіи. Что мой отецъ сдѣлалъ, то сдѣлалъ онъ хорошо, и Я это удержу."

„Въ послѣдней войнѣ, ваши дрались наравнѣ съ другими; вотъ князь *Горчаковъ*, онъ былъ очевидецъ и отдаетъ имъ справедливость, что они храбро дрались, защищая отечество. Финляндія и Польша Мнѣ дороги наравнѣ съ другими частями Моей

имперіи. Но вы должны знать для блага самихъ поляковъ, что Польша остается соединенною навсегда съ великою семьею русскихъ императоровъ. Повѣрьте, господа, что Я воодушевленъ наилучшими намѣреніями относительно поляковъ; облегчите Мнѣ Мой трудъ,; Я повторяю вамъ—безъ мечтаній, безъ мечтаній.“

„Что же до васъ касается, гг. сенаторы, то предоставьте руководить себя Моему намѣстнику, князю *Горчакову*, а вы, гг. епископы, не теряйте изъ виду, что основаніе всякой доброй нравственности это религія, и вашъ долгъ внушить полякамъ, что ихъ благоденствіе единственно зависитъ отъ ихъ совершеннаго сліянія съ Россіею.“

Рѣчь Государя передавалась изъ устъ въ уста. Черезъ четыре дня дворянство дало блистательный балъ, поляки съ надеждою и радостью протягивали руки русскимъ; на другой день, 15/27 мая, депутація дворянъ явилась благодарить Государя за посѣщеніе. Государь, поблагодаривъ ихъ съ своей стороны за радушный пріемъ и за блистательный балъ, между прочимъ, прибавилъ: „Я увѣренъ, что слова Мною сказанныя предводителямъ дворянства вамъ были переданы; живите въ дѣйствительномъ мірѣ, господа, соединитесь съ Россіею и оставьте ваши мечтанія о независимости, невозможной ни установиться, ни удержаться. Моя непремѣнная воля сдѣлать благо и содѣйствовать благоденствію края, Я хочу ему гарантировать все, что ему можетъ быть полезно; вы должны облегчить Мои труды. На васъ на однихъ падетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическія противудѣйствія.“

„Чтобы доказать вамъ, что я подумалъ объ васъ, то Я объявляю вамъ, что Я только что подписалъ актъ амнистіи. Всѣмъ желающимъ эмигрантамъ, Я разрѣшаю возвратиться въ Польшу. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ совершенно къ покоѣ; ихъ гражданскія права, безъ всакихъ слѣдствій, будутъ имъ возвращены, Я исключилъ только старыхъ *неисправимыхъ* и тѣхъ, которые въ послѣднее время не переставали противъ насъ конспирировать и драться. Возвратившіеся, послѣ трехъ лѣтъ добраго поведенія и раскаянія, могутъ быть полезны краю, вступая въ государственную службу, но прежде, всего господа, дѣйствуйте такъ, чтобы предполагаемое добро было можно исполнить, и не оставьте Меня въ необходимости обуздывать и карать,

потому что, если по несчастью то потребовалось бы, у Меня на то есть и воля и сила.“

„Поняли ли вы, господа, Мнѣ болѣе по сердцу награждать, чѣмъ наказывать; мнѣ пріятнѣе, какъ сегодня, хвалить, дать надежды и возбуждать благодарность, но знайте, господа, и будьте въ томъ убѣждены, что когда потребуется, Я съумѣю сдерживать и карать, и тогда увидятъ, что Я наказываю строго.“

Повидимому казалось, что шляхетское общество было готово вступить на новую дорогу; но среди того же высокаго польскаго дворянства, заявлявшаго предъ лицемъ Государя свою полную готовность примиренія съ Россіею, были свои *неисправимые*, туземные затаенные представители польской эмиграціи вообще, и Ламберова отеля въ особенности. Пользуясь торжественными минутами въ общественныхъ событіяхъ, праздниками такъ сказать въ народной жизни, подъ шумокъ этихъ ликованій, они думали подвинуть впередъ конспиративную программу, а шляхетское общество слишкомъ легковѣрно, легкоувлекательно и слишкомъ пропитано конспиративною дѣятельностью, чтобы послѣ шестидесяти лѣтней работы, могло остановиться perpetuo mobile польскихъ заговоровъ, замедлившее на время скорость своего движенія.

Эмигранты демагоги въ дозволеніи возвратиться на родину видѣли только безопасное средство выслать въ край эмиссаровъ въ числѣ помилованныхъ; а изъ возвращенныхъ изъ ссылки явились старые дѣятели, которые тотчасъ завязали новые кружки заговорщиковъ. Такими путями, предательски злоупотребляя великодушное помилованіе Государя, *неисправимые* разомъ увеличили въ Польшѣ, въ западной Россіи, и въ великорусскихъ губерніяхъ число *столбовъ польской справы*, по отдѣлу *партіи красныхъ*. Они стали притягивать къ себѣ земляковъ, и мѣстными агентами, вооруженные „*Колоколомъ*“, повели пропаганду между русскими — вербовку въ Панургово стадо.

Затѣи красныхъ, предпринимаемыя безъ позволенія пановъ, кончались всегда только плачевными вспышками, *фарсами эмиграціи*, какъ ихъ назвали поляки; на этотъ разъ затѣи *красныхъ*, стали затѣями положительными, *бѣлые* со всѣми своими силами и средствами, съ новымъ рвеніемъ, взялись горячо за работу *великаго будованія* — возстановленія давней Польши.

Западная Россія въ теченіи пяти вѣковъ служитъ театромъ борьбы русскихъ элементовъ съ польщизною.

Поляки, принявъ латинство, стали невольными ренегатами славянскаго міра; къ юному славянскому дереву была привита съ христіанствомъ старая щепа западной интеллигенціи; неестественное соединеніе дало безобразные плоды — уродливую жизнь *Рѣчи Посполитой.*

Съ установившеюся вѣронетерпимостью костела, дѣятельность ксендзовско-шляхетскихъ сословій излилась только *непрерывными конспираціями противъ славянскаго міра.*

Представительницею православнаго славянскаго міра стала Россія; олатиненная Польша увидѣла въ ней свою соперницу и пала изнеможенною въ неровной борьбѣ.

Подъ русскою властью, дѣятельность польско-ксендзовскихъ шляхетскихъ сословій излилась *семидесяти-лѣтними конспираціями и мятежами противъ Россіи.*

Въ теченіи тридцати лѣтъ польскіе эмигранты, «*цвѣтъ и представители націи, старшіе братья,*« руководили всѣми крамольными замыслами противъ всего славянскаго міра и противъ Россіи; *польская справа* продолжаетъ мятежами пятивѣковую борьбу. Ненависть, укорѣнившаяся въ теченіи вѣковъ, питаемая событіями, источникъ не легко угасаемаго очага крамолы. Онъ угаснетъ только утопленнымъ въ русской жизни, при полномъ ея преобладаніи въ западной Россіи. Безъ западной Россіи, сами поляки, столь способные увлекаться мечтами, не могутъ не признать возстаніе *конгрессовки* (*) одною гибельною мечтою.

Польщизна нашла средство, при малочисленной своей средѣ, продолжать борьбу съ могучею Россіею. Это средство состояло въ томъ, что поляки работали систематически, *тщательно разработывая польскій вопросъ;* при всѣхъ разукрашеніяхъ, поляки старательно сохраняютъ традиціи о всѣхъ, по дѣлу польской справы, *фактахъ совершившихся,* о всѣхъ для нихъ подготовленныхъ, дѣйствовавшихъ, подземныхъ пружинахъ; они, какъ на данныя, опираются на эти факты совершившіеся, и проводятъ замыслы, не щадя никакихъ усилій и средствъ, чтобы вѣдать обо всемъ, что думается въ правительственныхъ сферахъ Россіи, Австріи и Пруссіи.

Подробно изучая противника и слѣдя за всѣми его дѣйствіями, поляки съ такою же заботливостью постоянно силились *съ*

(*) Царство Польское, образованное по вѣнскому конгрессу.

тѣмъ и мымъ держать польскія дѣла; прочищающіе ихъ были и опаснѣйшими для нихъ противниками.

Послѣдній мятежъ 1863 года привелъ окончательно польскія дѣла къ всестороннему польскому вопросу, размѣтавъ окончательно источникъ тумана, напускаемаго на нихъ поляками — упорно ими проводимое и защищаемое понятіе, что *западная Россія есть край польскій;* все это притязаніе въ сущности приводится къ тому, что живущему въ немъ шляхетству угодно, вопреки своихъ же семейныхъ генеалогій, себя признавать поляками.

Полскія дѣла послѣдовательно обратились въ польскій вопросъ, а вопросъ потребовалъ рѣшенія.

Знаменательнѣйшими сторонами вопроса стали: а) костелъ, б) положеніе крестьянъ, 3) землевладѣніе и 4) различіе между правами дворянства русскаго и польскаго; при діаметрально противуположныхъ ихъ стремленіяхъ, русское дворянство искало быть прочною опорою верховной власти и силы русскихъ элементовъ народной жизни, польское же искало низвергнуть верховную власть и взаимною опорою съ костеломъ искало разрушить русскія силы.

Въ царствованіе Николая Павловича вопросъ костела созрѣлъ до уничтоженія уніи. Уродливое произведеніе іезуатской пропаганды, безобразный хаосъ по всему краю различной смѣси догматовъ, уставовъ и обрядовъ, омутъ, въ которомъ поляки-ксендзы съ поляками греко-унитскими монахами базильянами, презирая благочестіе вѣры, имѣли въ виду одни политико-конспиративные свои замыслы.— Унія въ 1839 году наконецъ утонула въ русскомъ морѣ. Вліяніе избавленія русской земли отъ этого искуственно, незаконно рожденнаго дитяти польщизны, неисчислимо парализировало въ 1863 году громадные польскіе замыслы.

Разрѣшеніе трехъ прочихъ сторонъ польскаго вопроса предстояло ТОМУ, кто, призвавъ къ новой жизни всѣ сословія всего русскаго народа, ведетъ ихъ твердо впередъ къ развитію на нашихъ народныхъ, предками намъ завѣщанныхъ, началахъ.

Предъ послѣднимъ мятежемъ положеніе о крестьянахъ стало на очереди. Семьдесятъ лѣтъ имъ занималось шляхетство; паны жаждали власти, ими утраченной паденіемъ Польши. Совѣщанія *пановъ* проходили въ борьбѣ между желаніями притянуть крестьянина къ польской справѣ панскимъ великодушіемъ и своими хозяйственными разсчетами; а *красные*, стремясь къ тойже власти, разсчитывали принципами коммунизма парализировать своихъ сопер-

никовъ, и находя единственныя къ тому средства въ поддержкѣ простолюдиновъ къ обузданію пановъ, они тѣмъ щедрѣе были въ своихъ проектахъ, чѣмъ большими обѣщаніями болѣе надѣялись увлечь простолюдиновъ. Всѣ фазисы послѣдняго мятежа въ сѣверо-западной Россіи наглядно указываютъ эту шляхетскую подземную борьбу, а подробныя показанія подсудимыхъ указываютъ, что съ тою же яростію она велась и въ далекой эмиграціи. Прежній шляхетскій возгласъ *„непозвалямъ“* сохранилъ полную свою силу. Въ рукахъ польскихъ ксендзовъ религія была только орудіемъ для вящаго могущества костела, такъ и *любовь къ ойчизнѣ*, въ рукахъ столбовъ польской справы, была только орудіемъ для пріобрѣтенія власти; всякій думалъ о настоящемъ, никто о будущемъ, никто о дальнѣйшихъ судьбахъ народа.

Простолюдинамъ предстояло оставаться *быдломъ*, въ видѣ фермеровъ и батраковъ, отданныхъ подъ начало пановъ, по проэктамъ *бѣлыхъ*, *быдломъ*, управляемымъ на первый случай, по проэктамъ *красныхъ*, какъ баталіонъ, какъ военныя поселенія, заведенныя графомъ *Аракчеевымъ*, противъ котораго такъ ожесточаются *издатели Колокола*.

Заявленный Государемъ вопросъ о положеніи крестьянъ, вмѣстѣ съ надѣломъ ихъ землею, переполошилъ всѣхъ патріотовъ, эмигрантовъ и туземцевъ; бѣлые, красные, аристократы, дипломаты, демократы, консерваторы, демагоги, соціалисты, коммунисты клерикалы, ультрамонтанцы, товянисты, мессіанисты, всѣ въ одинъ голосъ провозгласили *„непозвалямъ!“*

Питательная надежда была необходима для вящаго ободренія къ дѣйствіямъ. Эта надежда явилась въ пущенныхъ французскою журналистикою, предъ италіанскою войною (1859 г.), трактатахъ о *національностяхъ*. Вопросъ о національностяхъ, принаряженный въ новомодный костюмъ, электрическою искрою обѣжалъ шляхетство; воскресли пышныя надежды. Въ туземномъ шляхетствѣ явилось убѣжденіе, что французскіе орлы, однажды направленные въ Италію, возвратятся только во Францію, совершивъ донкишотскій походъ по Европѣ, и освободивъ всѣ народы, признанные польскою эмиграціею за угнетенныхъ; такъ гласили конфиденціяльныя вѣсти отъ эмигрантовъ. Страшное броженіе овладѣло умами, много польской молодежи устремилось въ Италію, на службу Гарибальди, для вступленія въ польскіе легіоны, провозглашенные *Мѣрославскимъ*. Миръ въ Вилла-Франкѣ не остановилъ броженія;

новыя надежды смѣнили прежнія. Всѣ элементы къ новому польскому мятежу были пущены въ ходъ; perpetuo mobile польскихъ заговоровъ принялось за усиленную, торопливую, лихорадочную работу.

Опираясь на собственныя силы, perpetuo mobile польскихъ конспирацій ознаменовало свое начало въ 1794 году избіеніемъ русскихъ воиновъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, призванныхъ одною изъ магнатскихъ партій. Паны бѣлорусскихъ губерній, возвращенныхъ къ Россіи по предшествовавшему раздѣлу, обманувъ руское правительство, усилили польскія средства горячимъ содѣйствіемъ. За этимъ предательствомъ послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши. Опираясь на русское правительство, путемъ польской интриги, князь *Чарторыйскій*, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, думалъ возстановить всецѣлую Польшу, предварительнымъ подготовленіемъ, соединивъ снова, помощью русскаго могущества, всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой въ одно отдѣльное государство, котораго королемъ былъ бы императоръ Александръ Павловичъ.

Государь уклонился отъ предательски-дипломатическихъ соображеній *Князя Адама*.

Опираясь на Францію, это perpetuo mobile встрѣтило въ Польшѣ, въ 1806 году, войска Наполеона I-го, какъ избавителей, а въ сѣверо-западной Россіи паны, готовя продовольствіе дли ожидаемыхъ ихъ воскресителей, заперли свои закормы, и рускія войска голодали въ Пруссіи, потому что потомъ русскихъ людей добытыя зерна хранились для французовъ въ шляхетскихъ амбарахъ.

Предъ нашествіемъ 1812 года, поляки призывали Наполеона, обѣщали, что на берегахъ Вислы и Нѣмана онъ найдетъ новую Францію; что надежнѣйшихъ союзниковъ, нежели нѣмцевъ, онъ найдетъ между Вислою и Днѣпромъ, что Днѣпръ замѣнитъ Рейнъ, и даже противъ Нѣмана сократитъ на половину разстояніе до Москвы. Русскихъ людей западной Россіи ксендзовско-шляхетское perpetuo mobile гнало въ армію Наполеона." Развѣ Польша не первая, писалъ въ 1861 году князь *Чарторыйскій* императору Французовъ, которая открывала дорогу въ Москву арміи Наполеона I-го, развѣ не та же Польша, при отступленіи прикрывала покрытые славою остатки французскихъ войскъ."

„Поведеніе польскихъ полковъ въ Россіи, писалъ императоръ Александръ Павловичъ тому же князю *Чарторыйскому* (въ 1813 году), ихъ грабежи въ Смоленскѣ и Москвѣ и раззореніе ими страны воскресили давнюю ненависть.“

Александръ Павловичъ полюбилъ имъ созданное дитя—Царство Польское. Щедрыя русскія пособія лились въ край приготовить этотъ образчикъ для устройства Россіи; въ конецъ разоренная Польша быстро воспрянула, поддерживаемая русскими средствами, и соперничали благоденствіемъ и благоустройствомъ съ Германіею. Александръ Павловичъ далъ ей собственную армію.

Опираясь на эту армію, поляки подняли знамя мятежа въ 1830 году. Русскія войска его подавили въ Царствѣ Польскомъ и Западной Россіи.

Не добившись помощи отъ правительствъ, польская справа заключила союзъ съ европейскими революціонерами; журналистикою начались провозглашенія *симпатіи* поляковъ къ народамъ западной Европы и обратно. Опираясь на европейскихъ революціонеровъ, поляки взяли на себя иниціативу общей европейской революціи. Верховный ареопагъ довѣрилъ дѣло вожакамъ польской эмиграціи, руководившимъ тысячами польскихъ выходцевъ, готовыхъ идти въ кондотьеры, опытныхъ въ дѣлѣ мятежей и усовершенствовавшихъ себя свѣдѣніями баррикадной тактики, пріобрѣтенными въ уличныхъ бояхъ во Франціи. При неудачахъ мятежа 1846 г., общая европейская революція была въ 1848 г. поведена съ другаго конца Европы и кончилась столь же неуспѣшно для польской справы. Прямымъ слѣдствіемъ было общее разочарованіе въ *международныхъ симпатіяхъ* и новыя доказательства несостоятельности польскихъ затѣй и польской *фанаберіи.*

Опираясь на вооруженія западной Европы противъ Россіи, Поляки хотѣли примазаться къ союзу и—въ лѣтописяхъ восточной войны вписали только рядъ новыхъ польскихъ скандаловъ.

Польской справѣ, послѣ всѣхъ своихъ неудачныхъ попытокъ, *при разностороннихъ опорахъ,* осталось еще искать одну опору и поиграть въ *симпатіи* съ русскими.

Послѣ 25 лѣтней опытности, польская эмиграція оставалась въ прежнемъ убѣжденіи, что наипригоднѣйшее къ тому средство— литература. Подобно тому, какъ нѣкогда князь *Чарторыйскій* для

польской справы избралъ орудіемъ барона *Розенкампфа*, такъ для новаго фазиса, онъ нашелъ пригоднымъ Г. *Шедо-Ферроти*.

Централизація, другая вѣтвь представителей польской справы, для этой же цѣли избрала *Герцена*, съ его компаніею русскихъ ренегатовъ.

При сводѣ всѣхъ затѣй, строго систематически вырабатываемой и проводимой польской справы, ясно обозначается вся дѣятельность *Шедо-Ферроти* и *Герцена*, на условный языкъ (argot) польскихъ заговорщиковъ, переведеннаго русскимъ именемъ *Сердечкина*.

Между этими работниками двухъ враждующихъ лагерей не могъ не возникнуть свой антагонизмъ. *Шедо-Ферроти* долженъ былъ проводить польскую справу по теоріямъ Ламберова отеля; *легальными доводами*, дѣйствовать на правительственныя сферы, проводить въ нихъ *симпатію* къ полякамъ; по примѣрамъ временъ Александра Павловича до крайней возможности во тьмѣ и во мглѣ удерживать польскія дѣла, и дипломатическимъ изворотомъ доставить свободный доступъ своимъ твореніямъ, подъ покровомъ *благонамѣренной* ихъ цѣли, какъ ратующихъ за прогрессъ, цивилизацію и, по теоріямъ Ч*арторыйскаго*, *за преуспѣяніе* русской имперіи. *Герценъ* съ компаніею долженъ былъ дѣйствовать на русское общество, проводя въ него принципы польской централизаціи, и тоже *симпатію* къ полякамъ. Въ легальной внѣшности *Колоколъ* не нуждался; затаенными путями, которыми шли въ Россію произведенія демагогической литературы, тѣми же путями пошли и изданія русской лондонской типографіи; случалось даже, что подъ двойнымъ дномъ однихъ и тѣхъ же ящиковъ, съ разными учебными аппаратами и приборами, „ржѣчи листопадовы“ *Мѣрославскаго* укладывались съ экземплярами „голосовъ изъ Россіи“ и нумеровъ „Колокола.“

Вражда между поляками *бѣлыми* и между поляками *красными* отразилась и на непріязненныя литературныя отношенія между *Шедо-Ферроти* и *Герценомъ*, но на чемъ сходились Ламберовъ отель и централизація, на томъ сходились и оба работника польской справы. Какъ дѣятели польской справы бывшихъ областей, Рѣчи посполитой, создали искуственную Польшу, такъ и *Шедо-Ферроти* съ *Герценовскою компаніею* хотѣли искуственно пересоздать Россію. Къ великому прискорбію поляковъ, въ отличіе отъ погибшей внутренними раздорами Рѣчи Посполитой, вся Россія отъ царя до простолюдина образуетъ одно сплошное,

неразрывное цѣлое, потому, по революціонной теоріи польской справы, *подлинную Россію* должно было замѣнить *искуственно созданною Россіею; Шедо-Ферроти* и *Герценъ* взялись за это дѣло. По польскимъ проектамъ, въ искуственно пересоздаваемой Россіи надлежало между правительствомъ и народомъ произвести разрывъ. По комбинаціямъ Ламберова отеля, *Шедо-Ферроти* взялъ на себя оторвать правительство отъ народа, а *Герценъ* съ компаніею, по комбинаціямъ *централизаціи,* взялъ на себя оторвать народъ отъ правительства.

Польская справа должна была обойти Россію, какъ нѣкогда Германію, увѣреніями во взаимной *симпатіи* Россіи къ Польшѣ. *Герценъ* взялся навязать эту *симпатію* Россіи, а *Шедо-Ферроти,* принимая эту затѣю своего собрата за *фактъ совершившійся,* уже прямо вкладываетъ въ уста русскаго простолюдина, не тѣ прилагательныя, которыми русскій человѣкъ сопровождаетъ имя поляка, а очень любезныя слова: „нашъ братъ полякъ". Любопытно бы было знать, гдѣ, какъ не на страницахъ *Колокола, Шедо-Ферроти* встрѣтилъ подобное изрѣченіе.

Не знаемъ, какими путями *Шедо-Ферроти* сталъ почтительнымъ поклонникомъ хозяевъ Ламберова отеля; но *Герценъ,* переведя своихъ русскихъ крестьянъ на капиталы заграничныхъ капиталистовъ, проживалъ совершеннымъ джентельменомъ въ Лондонѣ и былъ предметомъ самыхъ усердныхъ ухаживаній *централизаціи.* При пламенныхъ мечтахъ и неудававшихся прежнихъ надеждахъ произвести мятежи въ Россіи, *центральщики* могли ли не сопричислить къ числу геніевъ, великихъ дѣятелей гуманности и прогресса XIX вѣка, *Герцена и его спутниковъ,* и не доставить ему кресло среди ареопага молодой Европы, въ которомъ засѣдали *Мадзини, Мѣрославскій, Лелевель, Кошутъ* и проч.

Герценъ не выступалъ лично на поприще баррикадъ, потому, въ этомъ случаѣ, онъ отличается отъ *Мѣрославскаго,* но въ другихъ отношеніяхъ нельзя не признать, что оба они, вырабатывая себя на одинаковыхъ началахъ, достигли тѣмъ и рѣдкаго сходства. *Мѣрославскій* своими рѣчами листопадовыми сталъ представителемъ *молодой Польши;* завидуя его славѣ, *Герценъ* явился представителемъ-самозванцемъ *молодой Россіи.* Вопреки давняго заявленія поляковъ, что дорога 1848 г. отъ Мирославля до Вржесня не путь отъ Мекки въ Медину, во время послѣдняго мятежа, со знаменемъ *Колокола,* если *Мѣрославскій* съ званіемъ *диктатора* и съ готовою ролью

новаго Магомета, поглядѣлъ на границу Царства Польскаго, то и *Герценъ*, при помощи поляковъ, подготовлялъ для себя дорогу, пройденную *Гришкою Отрепьевымъ;* если для черной работы *Мѣрославскій* имѣлъ своего *Куржину*, то, въ такой-же точно должности для особыхъ порученій, при *Герценѣ* состоялъ *Бакунинъ; Мѣрославскій* и *Герценъ* одинаково черпали свою государственную и законодательную премудрость изъ одного и тогоже источника, *принциповъ*, *вырабатываемыхъ польскою централизаціею* и обнародуемыхъ польскими демократическими журналами. *Рѣчи листопадовы Мѣрославскаго* писались съ тѣмъ же разсчетомъ, одуряющаго дѣйствія на молодежъ, какъ и передовыя статьи Колокола. Литературныя произведенія *Мѣрославскаго* и *Герцена* представляютъ одинаково гоньбу за эфектами, кудрявыми картинами, озадачивающими переходами и сравненіями, пересыпкою *великихъ идей* коммунизма и соціальной неурядицы съ балагурствомъ и весьма забавными остротами и сплетнями. Оба они русскихъ травятъ нѣмцами; оба они съ злобною яростью поносятъ Россію; но *Мѣрославскій* разитъ современную, а *Герценъ* съ своею компаніею топчетъ въ грязь и все наше прошедшее. Герценисты должны были уразумѣть, что въ теченіи тысячи лѣтъ у насъ *„все позади отвратительно гадко“* (*) и имъ остается только ожидать спасительной перестройки нашего отечества отъ самозванца-пророка. *Мѣрославскій* и *Герценъ*, оба одинаково нахально облекаютъ свои мнѣнія въ форму декретовъ, хвастливо превозносятъ силу своего значенія и пускаютъ пыль въ глаза обширностью своихъ связей. Провозглашая на столбцахъ *своихъ* журналовъ величіе именъ: *Гарибальди*, *Мадзини*, *Кошута*, вмѣстѣ съ тѣмъ *Мѣрославскій* и *Герценъ* выставляютъ на глаза своимъ ослѣпляемымъ читателямъ, съ какими *всемірными и всевѣковыми знаменитостями они въ дружбѣ;* они обнародываютъ разныя записки къ нимъ отъ *Гарибальди*. *Гарибальди*, сдѣлавшись моднымъ типомъ въ Европѣ, дѣйствительно обратился въ *парадера*, на которомъ особенно любили выѣзжать *Герценъ* и *Мѣрославскій;* если *Гарибальди*, послѣ всѣхъ доблестей польскаго диктатора въ Сициліи, не прервалъ съ нимъ сношеній, то развѣ, по выраженію одного изъ подсудимыхъ, что *„Гарибальди* будетъ любезничать съ абиссинскимъ императоромъ, если онъ ему дастъ обѣщаніе выставить баталіонъ на помощь соединенія всей Италіи“.

(*) Колоколъ №№ 122 и 123 (1862 г. 15 февраля).

Герценъ считаетъ нужнымъ повѣстить, что онъ спѣшилъ пожать руку *Оуэну* предъ его кончиною. Такими фиглярствами, пресловутые представители молодой Польши и молодой Россіи старались притянуть къ себѣ молодое поколѣніе. Оба они хотѣли увлечь могуществомъ своихъ сношеній съ Россіею, доказать къ нимъ питаемое сочувствіе, озадачить общество, выставляя на видъ имъ доставляемыя свѣдѣнія; а дѣло было очень просто.

Централизація, помощью своихъ *секцій*, раскинула по всей Европѣ свою тайную полицію, и *Мѣрославскій*, одинъ изъ членовъ того кружка, изъ котораго избирались *централисты*, конечно, не встрѣчалъ недостатка въ корреспондентахъ; даже самого князя Марцелія *Любомирскаго* онъ напугалъ громадностью и тонкостью шпіонства, устроеннаго централизацією. *Герценъ*, человѣкъ близкій со столбами эмиграціи *Ворцелемъ*, *Мѣрославскимъ*, *Жебровскимъ*, *Зеновичемъ*, *Высоцкимъ*, *Эльзановскимъ* и др., конечно, при польскомъ къ нему доброхотствѣ, кромѣ своихъ собственныхъ, имѣлъ въ своимъ услугамъ и всѣхъ польскихъ ревнителей въ Россіи. Изъ дѣлъ по послѣднему мятежу видно, что не только *красные* служили корреспондентами „Колоколу", но къ нему и *бѣлые*, тузенные верховные представители Ламберова отеля, обращались, какъ къ ревностному сотруднику польской справы.

Въ началѣ мятежа, *солдаты*, увидѣвъ коварнѣйшую *измѣну* и западню, вымѣстили свое озлобленіе надъ предателемъ *Снѣжко*; поэтому случаю, панами на польскій ладъ составленный актъ для графа Виктора *Старжинскаго* немедленно появился въ *Колоколѣ*, подъ циническимъ заглавіемъ: „*Молодецкое поведеніе солдатъ*." Русскій шрифтъ, правда отлитый за моремъ, обвинялъ въ жестокости солдатъ, мстившихъ въ пылу преслѣдованія за русскую кровь предательски убитыхъ товарищей.

Въ общей работѣ издателей *Колокола* съ издателями „*Пшегленда ржѣчи польской*", черновыя статьи перелетали изъ Лондона въ Парижъ и обратно; послѣ всякаго рода прилаживаній, онѣ являлись передъ публикою въ изліяніяхъ *высокаго взаимнаго восхваленія, взаимныхъ симпатій* и въ общихъ подготовленіяхъ козней и замысловъ.

Казалось бы, что *Герценъ* избралъ время, не пригодное для изданія Колокола; Государь озарилъ начало своего царствованія тѣми громадными преобразованіями, которыя призывали русскихъ людей къ обширнымъ и много-труднымъ работамъ; но *Герцену*,

нельзя было откладывать—польская эмиграція рѣшила необходимость мятежа; въ 1857 году, съ устрашившимъ все шляхетство *крестьянскимъ вопросомъ*, и съ кружками заговорщиковъ, завязанныхъ поляками, возвращенными изъ эмиграціи и изъ ссылки, появился и *Колоколъ*. *Герценъ* заявилъ, что изданіе журнала возможно, если онъ будетъ окупаться. Груды нумеровъ *Колокола*, въ числѣ захваченныхъ бумагъ по мятежу въ сѣверозападной Россіи, свидѣтельствуютъ, что поляки, какъ прежде въ Германіи, не щадили денегъ, чтобы поддержать изданіе, столь пригодное для польской справы; поляки усердно его распространяли между русскими; воспитанники поляки обратились въ поставщиковъ и *Колоколомъ* снабжали своихъ, ими искушаемыхъ русскихъ товарищей, сперва по дорогой цѣнѣ, а потомъ даромъ, разсовывая имъ въ карманы. Подъ вліяніемъ *филяровъ великаго будованія*, въ великорусскихъ губерніяхъ, даже одураченные русскіе воспитатели, на воспитательныхъ совѣщаніяхъ заведеній учебныхъ, предлагали свои услуги для доставленія *Колокола*, желающимъ органа для возвеличенія Польши и униженія Россіи. Къ такимъ тупоумнымъ выходкамъ приводили русскихъ людей польскій туманъ и полонофильскій чадъ, нагоняемый *Герценомъ* на Россію.

Герценъ не даромъ бесѣдовалъ съ лондонскими гостями, переселившимися туда *центральщиками;* много лѣтъ эмиграція трудилась надъ изобрѣтеніемъ и обработкою разныхъ стратагемъ, и, при опытныхъ совѣтникахъ, издатели Колокола искустно, систематически, старательными учениками повели свое дѣло. Въ искуствѣ одураченія своихъ читателей, они не отставали отъ своихъ учителей— польскихъ эмигрантовъ—пока, въ свою очередь, не были ими одурачены (*).

(*) По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, нельзя не удивляться всей, вѣками выработанной находчивой польской изворотливости. Графъ Адамъ *Гуровскій*, польскій аристократъ, удержалъ туземцевъ землевладѣльцевъ въ лагерѣ Ламберова отеля, вогнавъ въ крайнюю нелѣпость ученья демократовъ, а въ тоже время, посыпая соль на открытыя язвы, какъ выразились поляки, онъ печатно восхвалялъ Россію, выставлялъ ничтожность Польши, могущество русскихъ, невозможность борьбы, но необходимость подчиниться судьбѣ; рядомъ съ нимъ единовременно, отъ *Журнала* 3-го Мая, даже до *Лелевеля*, почти всѣ эмигранты заявляли необходимость короля для возстановленія ойчизны; партія *Чарторыйскаго* быстро стала усиливаться— новыя идеи за-

Правительство, быстро приступивъ къ громадному дѣлу, дало работамъ по крестьянскому вопросу основныя начала; тогда *Герценъ* торопливо, въ началѣ своего изданія, заявилъ себя „проводникомъ освобожденія печати отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ.“ Во что бы то нистало, онъ хотѣлъ быть *передовымъ*. Нынѣ послѣдствія и слѣдствія выяснили дѣло, конецъ связали съ началомъ, определили рядомъ идущія, согласныя работы польской эмиграціи и русскихъ ренегатовъ; нынѣ подземная работа выведена на свѣтъ дневной и эти слова *Колокола* можно сократить, сказавъ проще и вѣрнѣе: Колоколъ силился быть *проводникомъ мятежа въ Россіи, единовременно съ шляхетско-ксендзовскимъ*. Русскіе конечно бы изумились въ 1862 году, узнавъ что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русскаго благоденствія, *Герценъ* съ компаніею, были работники польской справы, передовые въ Панурговомъ стадѣ (*). Своеобразные поборники крестьянскаго освобожденія, ослѣпленные тщеславіемъ и злобою, съ полнымъ своимъ усердіемъ и удовольствіемъ, работали именно на тѣхъ, которые готовили новую кабалу крестьянамъ, въ новыхъ легальныхъ формахъ. Можно ли не признать за Герценовскою компаніею, по всей

ставили помириться съ тѣмъ, кого демократы избрали въ козлаискупителя невзгодъ 1831 года. Изъ тысячей образцевъ, возьмемъ другой, изъ совершенно другой сферы польской дѣятельности. Начальникъ полиціи въ Пруссіи получилъ экземпляръ революціонной прокламаціи, изъ Лондона разосланной ко всѣмъ ревнителямъ польской справы. Онъ приказалъ немедленно ее перепечатать для сообщенія чиновникамъ полиціи, дабы они приняли свои мѣры. Тайная польская полиція, тотчасъ сообщивъ о томъ кому слѣдуетъ, получила и наставленіе; поляки-наборщики типографіи, отпечатали ее на бумагѣ и буквами, подобными лондонской. Филяръ великаго будованія, депутатъ изъ Познани, Неголевскій, среди прусской палаты обвинилъ полицію, что она стряпаетъ прокламаціи для возбужденія къ безпорядкамъ поляковъ, мирно проживающихъ въ Пруссіи.

(*) Пишущій эти строки, не можетъ не привести отзывъ петербургскаго извощика, въ 1861 году. „Что это, братъ, студенты по улицамъ разгуливаютъ?“ спросилъ я, желая знать, какъ простолюдины смотрятъ на студентскія домонстраціи. „Поляки бунтуютъ“, получилъ я въ отвѣтъ. Сознаюсь, что тогда и много времени спустя, я былъ въ тысячѣ верстахъ разстоянія отъ подобнаго предположенія и отнесъ отвѣтъ къ вкоренившемуся понятію въ русскомъ народѣ.

справедливости, титула шемякинскихъ сановниковъ? но они имѣли наставниковъ, руководимыхъ многолѣтнею опытностью; во имя поборниковъ свободы, поляки дрались подъ знаменами Наполеона I-го, чтобъ подчинить ему испанцевъ и нѣмцевъ, дрались за мадьяровъ, чтобы подчинить имъ славянъ. Россія, на новомъ пути, тщательно искала всюду свѣдѣній; *Герценъ,* облекшись въ плащъ непогрѣшимаго рускаго патріота, сталъ вмѣшиваться въ вопросы, жизненные для Россіи; *Колоколъ*, искупая, какъ запрещенный плодъ, находилъ читателей и пріобрѣлъ почитателей, особенно между молодежью; недаромъ же онъ постоянно обращался къ *друзьямъ-юношамъ*. Ободренный первымъ успѣхомъ, чувствуя почву подъ собою, *Герценъ* сначала слегка коснулся *симпатіи* къ полякамъ, а для большаго успѣха этой новой не весьма популярной въ руской обществѣ идеи, онъ самъ провозгласилъ, что *развитый человѣкъ не можетъ быть патріотомъ*. Для вновь образующихся *Герценистовъ* подобная исповѣдь ихъ пророка была достаточна, и всею Россіею повторяемая строфа:

Не вѣрю чести игрока
Любви къ Россіи поляка,

начала терять свое остерегающее значеніе. Затѣмъ воззванія къ польскимъ симпатіямъ пошли crescendo и дошли до совершенной фуги.

Герценъ и его компанія, подъ нравственною зависимостью поляковъ, игравшихъ на струнахъ ихъ тщеславія, признавая себя пересоздателями Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и были обязаны проводить польскія *симпатіи* и, для подготовленія къ замышляемымъ мятежамъ, проводили польскія ученья о народномъ устройствѣ, что впрочемъ устраивало и самихъ этихъ *государственныхъ людей - кривосудовъ.*— Колоколъ варьировалъ постоянно на тему пресловутыхъ прокламацій членовъ краковскаго народоваго комитета 1846 г., признанныхъ „шалунами (polissons) изъ шайки общественнаго безпорядка.“ *Централизація* доставляла редакціи Колокола готовыя теоріи, оставалось ихъ прилаживать къ руской жизни, не заботясь о дѣйствительномъ призваніи, назначеніи, бытѣ и развитіи благосостоянія рускаго народа. *Герценовской* компаніи было не до коренныхъ предпринятыхъ великихъ преобразованій, для разработки и привитія которыхъ страна нуждалась въ полномъ внутреннемъ покоѣ; ей нужно было для *своихъ друзей*

поляковъ, по полюбовной сдѣлкѣ, къ данному времени поставить мятежъ въ Россіи, и послѣдовательные нумера *Колокола* свидѣтельствуютъ, что *Герценъ* надривался для того, чтобы къ русской землѣ можно было примѣнить слова *Мохнацкаго*: „Да если бы русское правительство и наисвятѣйшимъ образомъ сохраняло бы конституцію, мятежъ Польши 1831 г. былъ неизбѣженъ.“ — Среди любезностей къ полякамъ, *Колоколъ* сталъ самымъ угодливымъ ихъ прислужникомъ; ни наши народныя вѣрованія, ни наши преданія, ни русское могущество, купленное вѣками, кровью русскаго народа, ни единство націи, дающее силу и независимость государству, ничто не останавливало этихъ ренегатовъ. Русскіе люди, по декретамъ Колокола, должны были все принести въ жертву польской справѣ, и пока, на раздробленіи нашего отечества, поляки приводили бы въ исполненіе свои завѣтныя, вѣковыя мечты, отодвигали бы Россію къ Волгѣ, и вновь созданною Польшею начертывали бы восточныя границы Европы, русскіе люди должны были бы утѣшаться перестройкою своей общественной жизни на принципахъ польской *централизаціи*. Въ декретѣ *Колокола* отъ 15 Февраля 1862 года встрѣчаемъ курьезныя для XIX вѣка сужденія этихъ почтенныхъ поклонниковъ неурядицы погибшей Рѣчи Посполитой, поклонниковъ теоріи польской централизаціи, поклонниковъ великихъ, еще живыхъ дѣятелей, выказавшихъ всѣ государственныя способности поляковъ въ похожденіяхъ ихъ *„старшихъ братьевъ,“ цвѣта польскаго* народа, поклонниковъ эмиграціи, гнѣздилище интригъ, озлобленной борьбы безчисленныхъ партій, подкуповъ, происковъ для добытія власти и для набитія своихъ кармановъ. Таковы были залоги для благоденствія славянскаго міра, которые воодушевляли Герценовскую компанію.

Для назиданія своихъ читателей, *Колоколъ* объявлялъ; „Большинство русскаго дворянства не понимаетъ этого (т. е. *„уничтоженіе дворянства, даже до дворянскаго имени“*), пойметъ, когда блеснетъ топоръ.... Дворянство будетъ раззорено, Богъ съ нимъ, оно будетъ счастливо, если поплатится однимъ раззореніемъ.... Мы должны подать руку всѣмъ славянамъ, но прежде всего нашимъ оскорбленнымъ братьямъ — *полякамъ*.... Необходимость польскаго освобожденія во время и послѣ крымской кампаніи сдѣлалась очевидною.... Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Бѣлоруссію и Малороссію, отдѣлите отъ нея Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и весь Кавказъ, останется велико-

русское племя въ 40 милліоновъ, которое до сихъ поръ только готовилось къ своей исторической жизни.... Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ освободить Польшу. Поляки можетъ быть потребуютъ слишкомъ много; они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявятъ историческія притязанія на Литву, Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украину, включая Кіевъ. Я думаю, что поляки дѣлаютъ ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ; ошибка, впрочемъ, понятная и простительная.... Они съ страстною грустью смотрятъ на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее; намъ жалѣть нечего; у насъ все позади отвратительно гадко.... въ прошедшей жизни поляковъ такъ много прекраснаго и благороднаго, что есть о чемъ и пожалѣть и погордиться.... Католицизмъ былъ во время оно душею рыцарской Польши.... Старинное польское королевство было преимущественно рыцарскимъ, аристократическимъ государствомъ; словомъ, пожалуй, демократическимъ, только въ античномъ смыслѣ.... (*).

„Я требую только одного, чтобы всякому народу (*„Литвѣ, Курляндіи, Лифляндіи, Бѣлоруссіи съ Смоленскомъ, Украинѣ съ Кіевомъ“)*, были вполнѣ предоставлены возможность и право поступить по волѣ, хочетъ онъ слиться съ Россіей или Польшей, пусть сливается, хочетъ онъ быть самостоятельнымъ членомъ польской или русской или общеславянской федераціи, пусть будетъ имъ.“

Могли ли Англія и Франція не рукоплескать подобнымъ машинистамъ политическаго равновѣсія. *Колоколъ* заявлялъ, что онъ смотритъ вдаль, но пока одинъ изъ Шемякинскихъ сановниковъ *Колокола* (Бакунинъ) такъ идеально устраивалъ славянъ, *Горшковскій* относился болѣе категорически и рѣшительнѣе къ петербургскимъ друзьямъ издателей *Колокола*, къ петербургской секціи или редакціонному комитету погибшаго польскаго журнала *Слово* (**). Маріанъ *Горшковскій*, одинъ изъ ретивѣйшихъ работниковъ польской справы въ Западной Россіи, прямо пишетъ: За предѣлами римско-католическаго вѣроисповѣданія нѣтъ вѣчной

(*) Сочиненіе *Мѣрославскаго* «de la nationalité polonaise» указываетъ, что оно было источникомъ этихъ историческихъ свѣдѣній Герценовской компаніи. Если бы *Мѣрославскій* не предостерегъ отъ доводовъ другого польскаго эмигранта *Духинскаго*, то, чего добраго, *Колоколъ* отнесъ бы насъ по предкамъ отъ славянъ къ *турянамъ*.

(**) *Огрызко* былъ его главнымъ редакторомъ.

безъ конца святой правды, святаго незапятнанаго образа; это оружіе мудрости, оружіе Сократа, потомъ оружіе Христа, нынѣ оружіе Польши.... Не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, Русь приднѣпровская, со всею своею настоящею жизнью, со всѣмъ своимъ духомъ, со всѣми своими традиціями, со всею своею индивидуальностью, должна войти въ составъ Польши, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ"....

Польская эмиграція усердно хлопотала о помощи готовимому мятежу своихъ туземныхъ соотчичей и призывала враговъ внѣшнихъ; верховные вожаки обширнаго замысла почли пригоднымъ прибавить къ тому и мятежи въ Россіи, а дабы ее, среди предпринятыхъ преобразованій, и полагая ее изнеможенною тягостною недавнею войною, безпрекословно заставить исполнять то, что полякамъ будетъ угодно приказывать, то было рѣшено всѣми средствами деморализировать войска. Русскіе ренегаты, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, принялись за подземныя козни противъ Царя-Освободителя и Устроителя, за козни противъ всей русской земли, которую они, совмѣстно съ поляками, хотѣли устроить по своему. *Герценъ* установилъ изъ своихъ учениковъ общество *Земля и Воля*, которое вошло въ сношенія съ польскою секціею въ Петербургѣ, для взаимной помощи по дѣлу мятежа, а офицеры, члены этихъ тайныхъ обществъ, поляки и русскіе силились развращать понятія солдатъ и прививать имъ неповиновеніе и измѣну. Безплодна оказалась работа, но усилій было употреблено не мало. Внѣ нашей рамки лежитъ описаніе похожденій *Герценистовъ;* послѣднимъ ихъ актомъ, въ мятежѣ 1863 года, была просьба къ литовскому псевдо-диктатору *Калиновскому*, „о 150 руб. серебромъ и типографической машинкѣ, *для поддержанія Россіею польскаго мятежа.*"

По всѣмъ правиламъ польскихъ конспираторовъ, *Герценъ* систематически проводилъ Колоколомъ въ Россію правила мятежа, для поддержки своихъ агентовъ и большей безопасности ихъ работы. Обращаясь ко всѣмъ сословіямъ, онъ преимущественно налегъ на молодежь университетовъ и духовныхъ академій (*), и пока поляки ретиво работали по всей имперіи, *Герценъ*, подзадоривая *„друзей-юношей"* своими корреспонденціями, добивался и повсемѣстныхъ смутъ. Какъ *Кляцко* былъ работникомъ для поль-

(*) Но эти послѣднія на гнусный вызовъ его отвѣтили глубокимъ презрѣніемъ. (За исключеніемъ одного случая въ Казани). Ред.

ской эмиграціи, такъ и другой перекрестъ *Утинъ* (*), былъ изъ ретивѣйшихъ въ Петербургѣ.

Главный агентъ *Герцена* въ Царствѣ Польскомъ былъ *Потебня*, котораго, послѣ смерти, онъ огласилъ образцемъ измѣнническихъ доблестей.— *Потебня* прапорщикомъ шлюссельбургскаго полка, въ офицерской стрѣлковой школѣ, былъ посвященъ въ общество *Земли* и *Воли;* подобно *Утину*, онъ съѣздилъ въ Лондонъ за инструкціями къ великому мастеру и вербовалъ союзниковъ польской справѣ между русскими офицерами въ Царствѣ Польскомъ. Малый разбитной, онъ, полковымъ квартирмистромъ въ ожиданіи великой будущности, промоталъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, которыя его товарищи должны были уплатить, бѣжалъ за границу, донесъ *Герцену* о великихъ своихъ успѣхахъ, и по возвращеніи, погибъ въ стычкѣ въ рядахъ *Лангевича;* Герценовская компанія, предъ самимъ мятежемъ, разсорилась съ *диктаторомъ Мѣрославскимъ* и вступила въ союзъ съ его соперникомъ, другимъ *диктаторомъ—Лангевичемъ*, избраннымъ партіею бѣлыхъ, Ламберова отеля, призваннымъ въ защитники панскихъ интересовъ. *Огаревъ*, сотрудникъ *Герцена*, заявилъ въ *Колоколѣ*, что онъ *оплакиваетъ его (Потебню), какъ сына* (**).

(*) Его значеніе можно видѣть изъ того, что онъ попалъ и въ лексиконъ польскихъ заговорщиковъ съ псевдонимомъ »*Жидъ*.«

(**) Петръ Петровичъ Пѣтухъ, въ Мертвыхъ Душахъ, ухаживалъ за съѣденнымъ имъ теленкомъ, тоже, *какъ за сыномъ*. »Не знала русская пуля, сразившая *Потебню*, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея, восклицаетъ *Герценъ*, чище, самоотверженнѣе, преданнѣе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающемъ алтарѣ *польскаго освобожденія* » Колоколъ въ надгробномъ словѣ *Потебнѣ*, адресованномъ къ *друзьямъ-юношамъ* изображаетъ всю утрату, расписываетъ его доблести, умоляетъ идти по его стопамъ. «Утрата его для дѣла огромна, гласитъ Колоколъ.... Друзья! дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.... Между тѣмъ, какъ *отцы и дѣти касты* уходили въ смерть, возникла и росла другая молодежь, которой нечего отрекаться отъ дворянства и помѣщичества—образованная молодежь разночинцевъ. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла иниціативу въ литературѣ. Этою молодежью Россія совершитъ свое отреченіе отъ *буржуазіи*.... она должна собрать себя въ общество, пополняя свои ряды солдатами, дворовыми, мужиками. Вотъ гдѣ вамъ людей искать на-

Русскіе ренегаты, какъ видно по послѣдовательнымъ нумерамъ *Колокола*, по слѣдственнымъ дѣламъ и по показаніямъ подсудимыхъ, принимали самое горячее участіе въ польской справѣ, а что *Потебня* не пожалѣлъ красокъ, чтобы размашисто расписать свои конспиративные подвиги, то доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее письмо *Бакунина*, писанное въ Позкань къ знаменитому *филярю великаго будованія, Гутри*, 22 Января / 3 Февраля 1863 года:

„Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я *не хочу и не могу* отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ *драгоцѣннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни.* Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы по этому предмету къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центральнаго комитета; онъ былъ довольно плохой корреспондентъ, даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло; кромѣ того, мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ *Лангевичу*, котораго я знаю и высоко цѣню, пишу ему о содѣйствіи и о той *симпатіи*, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія; прошу васъ переслать къ нему мое письмо сколь возможно скорѣе. Покамѣсть я поѣду

до!» (Колоколъ 1-го Мая 1863 г.). Когда поляки, въ недоумѣніи, ожидали проявленія той силы *Молодой Россіи*, общества *Земли и Воли*, которую такъ хвастливо сулилъ имъ *Герценъ*, тогда *Колоколъ*, взятый въ расплохъ, окончательно натуживался разжигать и дурачить нашу молодежь, возбуждать распри между сословіями и, попирая завѣтныя чувства русскихъ, нагло проповѣдывалъ, что Царь чуждъ и враждебенъ своему народу. Тысячи адрессовъ, послѣ попытокъ иноземнаго вмѣшательства, заявляли негодованіе Россіи, заявляли, что Царь и Россія одно неразрывное цѣлое, что вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, защищать свою честь и достояніе, а пигмеи-отступники *съ того берега* мечтали удержать порывы раздраженія оскорбленнаго, великаго, молодаго народа, и посягали предательскою рукою вырвать краеугольный камень изъ подъ русской силы и могущества, изъ подъ русской славы, русскаго бытія. Наущенія *Колокола* готовили Россіи иноземное ярмо; Россія доставила *Герцену* съ его компаніей возможность продолжать на страницахъ *Колокола* дальнѣйшую оцѣнку доблестей его союзниковъ-поляковъ.

въ Стокгольмъ, что бы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей, и употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но *желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья*. Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяцъ или съ два, то почитаю дѣло вполнѣ выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно; по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серіознымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ подавлено въ нѣсколько дней, то вы не пріобрѣтете ничего или пріобрѣтете весьма мало; я полагаю поляковъ патріотами; всѣ, какого бы цвѣта партіямъ они не принадлежали, должны желать продолженія начатаго революціоннаго движенія, должны содѣйствовать тому всѣми своими средствами. Что до меня касается, то *я вполнѣ убѣжденъ, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяцъ, то будетъ полная побѣда*, потому что подъ русское правительство подведены мины, а оно почитаетъ себя прочнымъ На этомъ основаніи, я вовсе не досадую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ. Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндію, то я почту себя *совершенно счастливымъ и довольнымъ*. Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ *страшныя*. Но *я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ*.

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ сдѣлалъ *плачевную* ошибку; въ то время, когда *цѣлыя роты* русской пѣхоты (?!?!) хотѣли присягнуть нашему знамени „земля и воля,“ и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, поляки на нихъ напали и разрушили разомъ *драгоцѣнную работу цѣлаго года*. Теперь онѣ считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; но дабы пріобрѣсть для инсуррекціоннаго движенія прочное основаніе, нужно сформировать русскій революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ вами набираемы (?). Начало подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величай-

ными затрудненіями, но преодолѣвъ ихъ однажды, *я вполнѣ надѣюсь*, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ *разительная; дабы предпринять это дѣло, я долженъ быть предварительно увѣренъ въ полной симпатіи* и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ *Лангевичу*, котораго я знаю; надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ; не теряйте духа, дѣла уже пошли не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!“

Польскій мятежъ длился не мѣсяцъ и не два, а цѣлый годъ; но *Бакунинъ* не исполнилъ пламеннаго своего желанія, не исполнилъ долга вѣрнаго полякамъ союзника, отказался самъ *отъ драгоцѣннѣйшей надежды всей своей жизни*. Онъ не явился въ Польшѣ и оставилъ вопросъ неразрѣшеннымъ,—разочаровался ли онъ въ могуществѣ своего знаменія, съ бѣгствомъ къ польскимъ мятежникамъ подпоручика *Потебни;* поколебались ли въ немъ вѣра въ свое краснорѣчіе и надежда, что изъ нѣсколькихъ солдатъ, попавшихъ въ руки шаешниковъ, онъ образуетъ русскій революціонный легіонъ, которымъ на твердое основаніе поставитъ польскій мятежъ; остановилъ ли его недостатокъ отвоеваннаго мѣста, на которомъ онъ спокойно могъ бы производить свои эксперименты надъ дюжиною русскихъ захваченныхъ солдатъ, или наконецъ военачальникамъ— довудцамъ— уцекинерамъ было не до *симпатіи*.

Слѣдственныя коммиссіи, по предшествовавшимъ польскимъ мятежамъ, доселѣ разъясняли только степень виновности подсудимыхъ. Заговорная организація *Буонаротти*, усовершенствованная эмиграціею, имѣла въ виду подобные запросы, или сужденія преступниковъ предъ гласными заграничными трибуналами; потому затемненіе передъ судомъ веденія польской справы оказалось несостоятельнымъ предъ тѣмъ направленіемъ, которое Графъ *М. Н. Муравьевъ* далъ слѣдственнымъ коммиссіямъ, по случаю послѣдняго мятежа, бывшаго въ сѣверо-западной Россіи. Тогда самыя разнообразныя свѣдѣнія разсѣкли на двое толстый слой, нанесенный perpetuo nobile польскихъ заговоровъ; свѣтъ проникъ въ замыслы, таившіеся съ 1794 года; обнаженные корни дали возможность увидѣть подземное ихъ развѣтвленіе въ теченіе десятковъ лѣтъ. Мы привели нѣкоторыя свѣдѣнія изъ относившихся къ послѣдней тридцатилѣтней заграничной дѣятельности.

При той систематической организаціи, которую эмиграція дала ревнителямъ, и при неизбѣжной связи въ общей работѣ съ раскрытіемъ всѣхъ плановъ для сѣверо западной Россіи, внѣ ея, болѣе или менѣе, частями подробными свѣдѣніями, частями только указаніями, но всѣ громадные проекты раскрылись однако на столько, что они выяснились съ достаточною полнотою; при сводѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Казани можно надѣяться, что, при всей затаенности польской работы, русскіе люди обойдутся для яснаго цѣлаго и безъ польскихъ описаній послѣдняго мятежа, которыми поляки надѣлятъ когда нибудь читающую публику.

Въ сущности заграничные дѣятели создали свою програму на слѣдующихъ мыльныхъ пузыряхъ: По разглашеніямъ издателей „*Колокола*“ всѣ сословія въ Россіи были въ томъ враждебномъ настроеніи одно къ другому и въ такомъ настроеніи къ правительству, что при первой искрѣ, при мѣстныхъ ревнителяхъ полякахъ и герценистахъ, мятежи проявятся по первому мановенію. Гдѣ землевладѣльцы поляки, тамъ мятежъ былъ долженъ принять видъ благоустроенный; революціонныя власти, немедленно вступая въ дѣйствіе, должны охранять внутреннее спокойствіе; области, поляками признанныя *польскими*, должны стать на ногу, какъ бы воюющей страны, изгоняющей пришлецовъ; такъ предполагалось изгнать и русскія власти изъ западной Россіи; въ другихъ же частяхъ Россіи, для доставленія полной побѣды польской справѣ, мятежъ долженъ былъ сопровождаться, всѣми кровавыми обстановками *жакеріи*.

Для достиженія этой цѣли, должно было воспользоваться двумя преобразованіями, вводимыми правительствомъ; ревнители польской справы должны были имъ дать пригодныя примѣненія; по польскимъ предположеніямъ, уничтоженіе унизительнаго тѣлеснаго наказанія должно уничтожить повиновеніе въ войскахъ; по этой части *Сѣраковскій* избралъ свои спеціальныя занятія; съ уничтоженіемъ же пагубнаго откупа, свободное заведеніе кабаковъ должно было, при польско-кабацкихъ стратегическихъ соображеніяхъ, имѣть послѣдствія, подобныя галиційскимъ 1846 года; это вошло въ кругъ дѣйствія *Огрызки*. Единовременное уничтоженіе ими кабаковъ, общества трезвости и предписанныя правила самой суровой дисциплины въ шайкахъ (*), должны были сохранять

(*) „Для уравненія нравственныхъ качествъ воиновъ воюющихъ сторонъ“; по отзыву одного подсудимаго, бывшаго начальника шайки.

внутренній порядокъ при ксендзовско-шляхетскомъ возстаніи. Съ мятежомъ на окраинахъ Россіи, мятежъ долженъ былъ вспыхнуть и на театрѣ давней Пугачевщины, а *Згиржидовскій*, устремясь изъ Могилевской губерніи, однимъ проходомъ чрезъ губерніи Смоленскую, Московскую и Тверскую подыметъ все населеніе до Волги; Калужская губернія была признана достаточно подготовленною, чтобы самой подняться и вести мятежъ далѣе на югъ. Западныя державы, помня, что Россія кончила крымскую войну съ 2 мил. подъ ружьемъ, не откажутъ, въ виду легкой побѣды, поддержать польское движеніе и укрѣпить новыми трактатами, согласно польскихъ требованій, существованіе возникшей Польши.

Польская Эмиграція и русскіе ренегаты собирались къ скорому отъѣзду, на первый случай въ Варшаву, принять тамъ бразды власти, но легкокрылымъ мечтамъ пришлось остаться мечтами; они скоро убѣдились, что для нихъ дѣла пошли скверно.

(Продолженіе будетъ).

О НАЧАЛѢ АЛАТЫРСКАГО КІЕВО-НИКОЛАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Эпизодъ изъ исторіи уніи).

Въ началѣ XVII столѣтія унія, измышленная іезуитами для привлеченія въ латинство православныхъ греческаго исповѣданія въ Польшѣ и Литвѣ, какъ извѣстно, была для нихъ причиною ужасныхъ бѣдствій и страданій. Силою королевской власти употреблены были тогда всѣ мѣры іезуитства и фанатизма: всевозможными притѣсненіями, ругательствами, пытками приводили всякаго въ унію, твердыхъ въ православіи епископовъ и священниковъ угнетали, лишали мѣстъ и замѣняли унитскими, церкви и монастыри насильно отнимали и обращали въ унитскія, или грабили и оскверняли, какъ язычники. Храбрые малороссійскіе гетманы, обнажавшіе мечь на защиту вѣры, коварно и мучительски были умерщвляемы съ ихъ единомышленниками, все, требуемое православіемъ, строжайше было запрещено. И сими мѣрами болѣе половины жителей было отторгнуто отъ православной церкви.

Аще гонять вы во градѣ, бѣгайте въ другій, Матѳ. 10, 23. Слѣдуя сему гласу Спасителя, въ 1638 г. монашествующіе кіевской епархіи, въ княжествѣ Литовскомъ (нынѣ въ Полтавской губерніи) густинскаго Троицкаго, лубенскаго Преображенскаго и ладинскаго Покровскаго монастырей рѣшились оставить свои обители и отечество и искать убѣжища у православнаго русскаго царя. Густинскій Троицкій мужескій монастырь, основанный около 1600 г. Аѳонскимъ іеросхимонахомъ Іоасафомъ, въ 7 верстахъ отъ города Прилукъ, имѣлъ собственно ктиторомъ своимъ начальника пещеръ преподобнаго Антонія Исаію Копинскаго, съ 1631 г. избраннаго на кіевскую митрополію (1). Сей же ревнитель монашества, около 1619 г. (будучи игуменомъ межигорскимъ, и въ тоже время густинскимъ) основалъ въ сосѣдствѣ лубенскій мгарскій мужескій монастырь, въ 5 верстахъ отъ города Лубенъ, устроивъ оный братіею и снабдивъ всѣмъ потребнымъ какъ для церковнаго богослуженія, такъ и для монастырскихъ работъ и прокормленія изъ густинскаго монастыря (2). Наконецъ имъ же (Исаіею) обстроенъ и подгорскій ладинскій скитъ въ 16 верстахъ отъ города Прилукъ и въ 10 отъ густинскаго монастыря, основанный еще въ 1614 г., который, по просьбѣ Исаіи грамотою княгини Раины Вишневецкой (*) въ 1619 г. былъ обращенъ въ женскій монастырь и игуменьей его сдѣлана родная сестра Исаіи, инокиня Александра (3). Для всѣхъ сихъ монастырей Исаія Копинскій испросилъ у князя Михаила Корыбута Вишневецкаго и означенной супруги его Раины земли съ угодьями, и съ 1624 г. уже въ санѣ епископа Перемышльскаго (по неимѣнію каѳедры) попеременно жилъ въ нихъ, управлялъ и устроялъ оные, какъ владыка и попечитель (4). Въ 1625 г. онъ посылалъ изъ нихъ избранныхъ старцевъ ладинскаго монастыря строителя *Меѳодія* съ товарищи за милостынею на церковное строеніе къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, который и наградилъ ихъ. Подобнымъ образомъ и въ 1632 посыланы были густинскаго монастыря игуменъ Іовъ съ товарищи къ царю и патріарху за милостынею и съ жалобою на притѣсненія отъ римскихъ католиковъ (5). Въ слѣдъ за симъ въ 1637 г., когда эти притѣсненія вѣрѣ, доведенныя до крайности возстановили гетмана Павлюка противъ поляковъ, гнѣвъ послѣднихъ особенно устремился на монаховъ, которыхъ считали возмутителями казаковъ. Въ густинскомъ монастырѣ и въ Лубнахъ

(*) Она была дщерь Господаря Молдавіи Іеремія Могилы, двоюродная сестра митрополита Петра Могилы.

стояли роты польских солдат (6). Говорили, что у короля скоро будетъ сеймъ о бытіи или небытіи грекороссійской вѣры въ польскихъ владѣніяхъ, и въ послѣднемъ случаѣ старцы приговорили обратиться къ Россіи. Вскорѣ по извѣстію отъ воеводы волынскаго, князя Коширскаго, покровитель и владыка ихъ Исаія Копинскій дѣйствительно писалъ имъ, что" одноконечно король польскій и паны радные и ляцкіе арцыбискупы приговорили на сеймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной Христьянской вѣрѣ не быть, и Христьянскіе церкви превратить на костелы Ляцкіе и книги Русскіе и монастыри вывесть, а Кіевской де митрополитъ Петръ Могила вѣры христьянской нынѣ отпалъ, и благославленъ де митрополитъ Петръ Могила отъ папы Римскаго нынѣ въ великой постъ въ патріархи, быть ему патріархомъ въ Вильнѣ будто въ христьянской вѣрѣ, а присегалъ де онъ митрополитъ королю и всѣмъ панамъ раднымъ и арцыбискупомъ Ляцкимъ на томъ, что ему Христьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать и уставить всее службу по повелѣнью папы Римскаго Римскую вѣру, и книги Русскіе вывесть, а въ митрополиты де въ Кіевъ въ Печерской монастырь на его Петрово мѣсто Могилина благославленъ нынѣ Корсакъ, бывшей владыко Пинской" (7). Здѣсь, хотя сказанное о Корсакѣ и притѣсненіяхъ православной вѣры подтверждается исторически (8), но извѣстіе относительно митрополита Петра Могилы оказывается совершенно несправедливымъ. Онъ, какъ всегда, такъ и въ это время былъ твердымъ столпомъ православія (9). Король польскій Владыславъ IV, еще въ 1636 г., окружнымъ посланіемъ приглашалъ православныхъ жителей Руси и Литвы вступить въ союзъ съ уніатами и избрать, по примѣру москвитянъ, особаго патріарха, какъ оказывается, имѣя въ виду кіевскаго митрополита Петра Могилу (10). Въ настоящій сеймъ это и хотѣли исполнить (11). Къ этому присоединялось и то, что со времени вступленія Петра Могилы на митрополію 1633 г., особенно по отходѣ въ слѣдующемъ году отъ Россіи къ Польшѣ нѣкоторыхъ новыхъ городовъ, не смотря на енергію митрополита, стали усиливаться р.-католицизмъ и уніатство, на Бѣлоруссіи и Новгородской области основано нѣсколько р. католическихъ монастырей, и латинское вѣроисповѣданіе болѣе и болѣе распространялось, какъ видно изъ того, что впослѣдствіи въ самомъ Кіевѣ явилось четыре латинскіе монастыря, а около 1646 г. Вопланъ насчитываетъ въ немъ только десять православныхъ русскихъ церквей (12). Отсюда въ взволно-

ванномъ обществѣ могли возникнуть и сомнѣніе о православіи митрополита, и такая молва, какую передаетъ Исаія, при чемъ, конечно, имѣло силу и то обстоятельство, что Петръ Могила неожиданно избранный, хотя и православными, на польскомъ сеймѣ и утвержденный польскимъ королемъ, вступилъ на кіевскую митрополію съ удаленіемъ самого Исаіи Копинскаго (13). Но старцы принимали полученное извѣстіе за чистую истину, и настоящія надъ вѣрой поруганія и жестокости поляковъ надъ защитниками православія козаками показываютъ, что опасенія ихъ были не напрасны.

Таковы были: изданный предъ симъ законъ, повелѣвавшій православнымъ покупать пасхальный хлѣбъ непремѣнно у жидовъ, снятіе (въ 1637 г.) въ Варшавѣ кожи съ Павлюка, колесованіе (1638) гетмана Остраницы и такая же звѣрская лютость надъ его сподвижниками, ихъ женами и дѣтьми (14). Иноки лубенскаго мгарскаго монастыря, вмѣстѣ съ настоятелемъ, по подозрѣнію въ возмущеніи козаковъ, приговорены были отъ девяти десятый къ смерти, и вся братія ожидали того же (15). И такъ, монашествующіе густинскаго Троицкаго и двухъ вышепоказанныхъ монастырей, пославъ предварительно для извѣщенія и узнанія царской воли нѣсколько человѣкъ съ частію имущества въ Путивль, русскій порубежный городъ (нынѣ Курской губерніи) (16), вскорѣ послѣ нихъ всѣмъ братствомъ, со всѣми своими людьми и имуществомъ отправились туда же. Именно прибыли въ Путивль 14 Іюня 1638 г. густинскаго Троицкаго монастыря игуменъ Василій съ братіею, въ числѣ 66 человѣкъ, и 11 человѣкъ крестьянъ съ женами и дѣтьми (17). Съ ними же прибыли ладинскаго дѣвича монастыря духовникъ игуменъ Меѳодій и настоятельница игуменья Елисавета Летинская (вѣроятно преемница Александры, скончавшейся въ 1631 г.), съ сестрами, въ числѣ 53, при нихъ 16 человѣкъ служекъ и пѣвцевъ (18). Братія же лубенскаго мгарскаго монастыря прибывала и прежде и послѣ означеннаго времени. И какъ самъ настоятель, игуменъ Каллистратъ, вопреки своему намѣренію, волею или неволею, остался на мѣстѣ, то они и были причислены къ густинскимъ выходцамъ подъ начальство Василія (19). Чтоже касается до имущества густинскаго монастыря, то все оно, какъ церковное, такъ и монастырское, состоящее въ разныхъ вещахъ, хлѣбѣ и скотѣ, на дорогѣ отнято поляками. Равно и ладинскаго монастыря церковное и монастырское имущество, рухлядь, запасы на 20 возовъ и весь скотъ, вмѣстѣ съ пожитками монашествующихъ, на пути тѣми же людьми все было раз-

грабленію, такъ что старицы пришли въ Путивль пѣши и въ мірскомъ платьѣ (20). По донесенію о ихъ прибытіи путивльскаго воеводы, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ такъ былъ милостивъ къ странникамъ, что самъ вошелъ въ ихъ положеніе и велѣлъ для ихъ скудости на первый разъ всѣмъ выдать хлѣбное жалованье на мѣсяцъ, а приказу Большаго дворца пріискать для помѣщенія ихъ удобные монастыри, и о томъ себѣ доложить (21). И для иноковъ густинскаго и мгарскаго монастыря былъ назначенъ въ городѣ Бѣлевѣ (Тульской губерніи) мужескій Преображенскій монастырь, а для ладинскихъ монашествующихъ въ городѣ Брянскѣ (нынѣ Орловской губерніи) Вознесенскій дѣвичій (22). Но потомъ первыхъ, по челобитью отправившихся въ Москву строителя Иринарха съ келаремъ (такъ какъ игуменъ Василій еще до означеннаго указа умеръ въ Путивлѣ), вмѣсто бѣлевскаго велѣно помѣстить въ Амвросіевъ Дудинъ монастырь (нынѣ Нижегородской губерніи), куда всѣ они, съ своимъ имуществомъ, и были отправлены на казенный счетъ до Калуги сухимъ путемъ, а отселѣ (16, сентября) водою до мѣста (23). И для монашествующихъ ладинскаго монастыря брянскій Вознесенскій монастырь оказался неудобнымъ (24). Царь, по ихъ челобитью, въ сентябрѣ 1638 г. велѣлъ перевесть ихъ въ городѣ Алатырѣ въ Никольскій дѣвичій монастырь, съ построеніемъ новыхъ нужныхъ для нихъ зданій, а бывшихъ здѣсь монашествующихъ вывесть въ другое мѣсто, и какъ игуменьѣ съ сестрами, такъ и причту и служителямъ щедро опредѣлилъ денежное и хлѣбное и на церковныя потребы жалованье (25). Этотъ выходъ монашествующихъ изъ Литвы, неизвѣстный исторіи, примѣчателенъ: онъ показываетъ, какъ давнюю надежду древней Западной Руси на Восточную среди своего притѣсненія, такъ и одинъ изъ первыхъ опытовъ покровительства русскихъ царей тамошнему православію (26).

На пути въ городъ Алатырь ладинскіе странники, какъ видно, были въ Москвѣ и представлялись царю Михаилу Ѳеодоровичу. Отпуская ихъ, государь велѣлъ дать игумену Меѳодію изъ приказа большаго дворца въ церковное строеніе евангеліе напрестольное съ сребреными рѣзными распятіемъ и евангелистами и всѣ нужныя къ богослуженію книги, четверы ризы, изъ коихъ первыя, праздничныя, камки бѣлой съ оплечьемъ златоглавнымъ, вторыя и третія тафты венечейской, шелковыя, четвертыя изъ полотна коленскаго съ епитрахилями и поручами (27).

Въ Алатырѣ монахини въ назначенномъ для нихъ Никольскомъ монастырѣ нашли и недостатокъ и крайнюю ветхость наличныхъ зданій и тѣсноту монастыря для построенія новыхъ, для нихъ способныхъ. Притомъ, выведенныя изъ монастыря прежнія старицы съ великимъ воплемъ и плачемъ и слезами приходя къ нимъ жаловались на свою участь и тревожили ихъ такимъ образомъ на пути къ самой церкви Божіей на молитву. Потому въ февралѣ слѣдующаго 1639 года игуменья Елисавета просила отъ царя повелѣнія вмѣсто сего Никольскаго построить ей съ сестрами новый монастырь, въ томъ же городѣ, на пустомъ мѣстѣ, подъ городовою крѣстію, подъ горою при рѣкѣ Сурѣ, вверхъ по теченію ея, (разстояніемъ отъ Никольскаго монастыря въ 340 шагахъ), и царскою грамотою велено на семъ мѣстѣ устроить на государевы деньги и церкви и трапезу и кельи и службы, и отцу духовному и служителямъ поставить близь монастыря особый дворъ, а воеводамъ вмѣнено въ обязанность содержать игуменью съ сестрами во всемъ довольствѣ и покоѣ и отъ всякихъ обидъ оберегать (28). Сверхъ сего по указу царя въ іюлѣ слѣдующаго года присланы изъ приказа казанскаго дворца въ церковное и монастырское строеніе образа, ризы, книги, царскія двери и колокола (29). Въ семъ же 1640 году монастырь построенъ со всѣми указанными зданіями деревянный, и въ отличіе отъ прежняго алатырскаго Николаевскаго наименованъ новымъ Никольскимъ (а тотъ старымъ Никольскимъ)— потомъ — отъ выхода монахинь изъ кіевскихъ предѣловъ — кіевскимъ Никольскимъ новодѣвичьимъ, наконецъ (съ 1730 годовъ) кіево-николаевскимъ монастыремъ, какъ и доселѣ (30). Изъ—подъ горы на нынѣшнее мѣсто на горѣ онъ перенесенъ уже въ 1669 году. Нѣкоторые изъ вышепомянутыхъ и послѣдующихъ царскихъ вкладовъ уцѣлѣли доселѣ (31).

Источники и примѣчанія.

1) См. отпечатанную въ Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г. № 8. Лѣтопись Густинскаго монастыря, стр. 3—10.

2) См. тамъ же, стр. 20—21. Сличи въ приложеніяхъ къ Лѣт. Густ., стр. 52 — фундушъ княгини Вишневецкой на монастырь Мгарскій 1619 генв. 18.

3) См. Лѣтопись Густ. м-ря, стр. 22. Въ приложеніяхъ къ ней, стр. 54 — фундушъ на Ладинскій монастырь князя Михаила Ко-

рибута Вишневецкаго 1614 г., стр. 54— фундушъ княгини Вишневецкой 1619 генв. 18.

4) См. Лѣтопись Густ. м-ра, стр. 19, 21 и дал.

5) См. въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: малороссійскія дѣла въ связкѣ 1-й, 1625 г. № 6. 7, 8—Письма о семъ Исаіи Копинскаго къ царю и патріарху въ связкѣ 10-й №6—пріѣздъ въ Москву густинскаго монастыря игумена Іова съ товарищи въ 1632 г. См. тамъ же въ связкѣ 3. 1638 г. № 2— дѣло о пріѣздѣ въ Путивль Густинскаго Троицкаго монастыря строителя Иринарха, потомъ игумена Василія и прочихъ, въ началѣ его докладъ или справку о прежней милостынѣ монастырю. Составитель статьи пользовался дѣлами иностраннаго архива, по просвѣщенному и вполнѣ обязательному соизволенію г. управляющаго архивомъ его сіятельства князя М. А. Оболенскаго.

6) См. Лѣтопись густ. м-ря стр. 28 (выписано ниже въ прим. 26) и показанный въ предыдущемъ примѣчаніи докладъ въ дѣлѣ иностраннаго архива).

7) Такъ объ этомъ показали густинскій игуменъ Василій и прочіе. Тоже самое говорили и пріѣхавшій передъ ними въ Путивль черный попъ Пафнутій съ товарищами. См. вышеном. дѣло въ архивѣ иностр. дѣлъ, св. 3. 1638 г. № 3. (Помѣщено ниже въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ № 1).

8) Рафаилъ Корсакъ, уніятъ, впослѣдствіи совсемъ перешедшій въ римско-католическую церковь, дѣйствительно правилъ кіевскою митрополіею, съ уніатской стороны, 1637—1639 г., а предшественникъ его, Велияминъ-Руцкій, замышлялъ обратить въ унію всѣ монастыри и церкви въ отшедшихъ отъ Россіи къ Польшѣ земляхъ (Митр. Евгенія описаніе Кіево-софійскаго собора, Кіевъ 1825 г. стр. 187. 178).

9) См. въ Памятникахъ, изд. временною кіевскою коммисіею, т. 1 (изд. 2-е) стр. 149—пригласительное посланіе митроп. Петра Могилы луцкой братіи на кіевскій соборъ 1640 г., его же универсалъ 1640 г. въ чтеніяхъ Моск. истор. общества 1838 г. № 6. Но уже съ 1632 г. митрополитъ Исаія Копинскій въ письмѣ къ царю и патріарху жестоко жаловался на притѣсненія римско-католиковъ, называя ихъ не иначе, какъ супостатами и явственными гонителями восточнаго православія и благочестія: „Многою злобою и ревеніемъ супостаты на ны вооружишеся, между прочимъ писалъ онъ, хотяще всяко единою поглотити и до конца истребити благочестіе.“ И потомъ говоритъ, что отъ того гоненія нѣтъ въ епархіи его «благочестныхъ князей, нѣтъ благородныхъ вельможъ, оскудѣ всѣ, отъ восточнаго православія на западъ уклонишася, едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православной вѣрѣ обрѣтается. Гоненіе до дого усилилось, что теперь митрополитъ, у котораго густинскій монастырь и вся ризница совершенно были ограблены, долженъ былъ послать къ патріарху за

милостынею своихъ иноковъ «сокровенiѣ и тайнѣ», ради зѣльныя бѣды отъ стрегущихъ по пути. (Смотри помянутое въ примѣч. дѣло о прiѣздѣ въ Москву густинскаго монастыря игумена Iова съ товарищи 1632 г. и самое письмо митрополита къ патрiарху въ 5 кн. Вѣстника зап. Россiи, Отд. 1. № 9).

10) См. сiе посланiе 1636 сентяб. 5, на польскомъ языкѣ, въ Supplementa ad historica Russiae monumenta № 72. p. 174.

11) Изъ дѣла, показаннаго въ прим. 19, видно, что слухъ о назначенiи Петра Могилы патрiархомъ, а Корсака преемникомъ его въ Кiевѣ, происходилъ *изъ польскаго стана*, что сему быть воспрепятствовала настоящая война съ казаками и сеймъ не сдѣлалъ никакихъ насилiй православной вѣрѣ.

12) См. Описанiе Кiево-соф. собора, стр. 177. 179.

13) См. въ Supplementa ad historica Russiae monumenta № 69. п. 169—грамоту польскаго короля Владислава IV объ утвержденiи Петра Могилы въ санѣ кiевскаго митрополита 1633 мар. 14. Описанiе Кiево-софiйскаго собора, стр. 170. 171. Только здѣсь, равно какъ и въ Словарѣ духовныхъ писателей, изд. 2., 1,212. несправедливо сказано, что Исаiя Копинскiй умеръ 1634 г.

14) См. преосв. Филарета Исторiя Русской церкви, перiодъ IV, патрiаршество, Рига 1847 г., стр. 91. 92. Сюда же относится, помянутый въ прим. 9, универсалъ Петра Могилы.

15) См. Лѣтоп. густ. м-я, стр. 28, что выписано въ прим. 26. Только это обстоятельство, подтверждающее опасность, какъ указываетъ означенное въ прим. 19 дѣло въ иностр. архивѣ, было не прежде, но послѣ того, какъ монашествующiе пришли въ Россiю. Составитель лѣтописи на стр. 26 и вступленiе Петра Могилы на кiевскую митрополiю отнесъ къ 1636 г., тогда какъ это было въ 1833 г.

16) См. въ вышепок. дѣлѣ иностраннаго архива (св. 3, 1638 г. № 1) отписку въ посольской приказъ путивльскаго воеводы Никифора Плещѣева, начинающуюся: „Iюня въ 5 день прiѣхали изъ Литвы въ Путивль Густинскаго монастыря черной большой попъ Пафнотей, а съ нимъ старцовъ 10 человѣкъ, монастырскихъ 11 человѣкъ, а послалъ де, Государь, ихъ старцовъ изъ того Прилуцкаго монастыря игуменъ Василей и вся братiя напередъ себя въ Путивль съ церковнымъ строенiемъ и съ животиною отъ гоненiя за православную вѣру отъ Ляховъ, и чтобъ имъ довѣдаться въ Путивлѣ подлинно, велишь ты, Государь, принять ихъ въ Путивль или не велишь, и какъ велишь, и они всѣ и съ остальнымъ имуществомъ будутъ въ Путивль. Въ приложенной за тѣмъ росписи значатся изъ привезеннаго церк. имущества кресты, сосуды, ризы, книги; скота приведено воловъ и коровъ 90, барановъ и овецъ 300, да всякаго запасу хлѣбнаго и рухляди 11 возовъ."

17) См. тамъ же другую отписку путивльскаго воеводы въ посольской приказъ, вполнѣ помѣщенную ниже въ приложенiяхъ къ статьѣ № 1.

18) См. ту же отписку (приложенія № 1), въ архирѣ Алатыр. кіево-николаевскаго м-ря сказку о монастырѣ игуменьи съ сестрами 1638 г. (свитокъ № 37), тоже въ челобитной монастырскихъ служителей 1701 г. (свитокъ № 40).

19) См. въ дѣлахъ малороссійскихъ (архива министерства иностран. дѣлъ), связка 3, 1638 г. № 3— дѣло о пріѣздѣ въ Путивль лубенскаго-мгарскаго монастыря старцевъ Сильвестра съ товарищи. По нему игуменъ Калистратъ предварительно выслалъ въ Путивль съ монастырскимъ скотомъ 7 человѣкъ братіи, намѣреваясь прибыть туда вслѣдъ за ними съ церковнымъ и остальнымъ монаст. имуществомъ, какъ уговорился *въ Ладинѣ* съ означенными игуменами Василіемъ и Меѳодіемъ. Потомъ хотѣлъ бѣжать (умыкати) даже къ волохамъ и распустилъ въ разныя стороны всю почти братію: но по вмѣшательству въ это дѣло лубенскаго *урядника*, оставшись на мѣстѣ, требовалъ къ себѣ изъ Путивля своихъ иноковъ обратно. См. листы игумена Калистрата (въ перечнѣ) и на оные отписки игуменовъ Василія и Меѳодія и старцевъ Сильвестра съ товарищи.— Со всѣмъ иначе и недостаточно представляетъ это дѣло составитель лѣтописи густ. монастыря.

20) См. означенную въ прим. 17 отписку (приложенія № 1). При отпискѣ приложена представленная монашествующими роспись пограбленнаго имущества ладинскаго дѣвича монастыря, которая помѣщается здѣсь вполнѣ, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній въ вещахъ незначительныхъ, съ объясненіемъ въ скобкахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ словъ.

Реестръ забратыя речи (вещей) *церковныхъ и монастырскихъ Ладинскаго монастыря*

Ризы пятеры адамашковые (камчатныя) красные, другіе мухіаровые красные, камья гафтованая (оплечье вышитое), третьи мухіаровые вишневые, четвертые гемлетовые (шелковые), пятые полуоксамитные черные, патрахель три, воздуховъ пять, стихарей 4, завѣсовъ за царскими дверями пять; потиръ сребреный, позлоцѣстый, большой, двохъ гривенъ (вѣсомъ), сребра Московскаго, крестъ сребренный, позлоцѣстый, полтретѣ гривны, и большей тогожъ сребра, лампадѣ сребреная, мало што отъ гривны, ретязь (цѣпока) сребренный позлоцѣсты, большей, гривны, ложка, звѣзда, копіе сребреное, крестъ епископскій позлоцѣстый и другій крестикъ и ретязикъ сребренный, кадѣльница сребреная.

Книга евангеліе напрестольное новое, оксамитомъ червоннымъ покрытое, сребромъ исправное, большей двохъ гривенъ, позлоцѣсто, другое евангеліе напрестольное, печатаные обое, чернымъ оксамитомъ покрытое, также большей двохъ гривенъ сребра.

Трефолой книга печатный, охтай печатный, евангеліе учительное печатное, требникъ печатный, часовникъ печатной, уставъ писаной, соборникъ писаной, другой соборникъ писаной, третей соборникъ писаной, дѣянія Апостольскія писаныя малая, книгъ съ десятеры разныхъ, ярмолои три, книга Іоасафа царевича пе-

чатная новая, часословъ новый печатной, тріодь постная печатная, тріодь цвѣтная печатная, шестодневецъ печатный, Московскіе всѣ три, книга Макарія Египетскаго печатная, книга цвѣтникъ печатная, евангеліе писаное напрестольное, другая книга Макарія Египетскаго печатная, житія святыхъ польскіе печатные, Іоанна Лѣствичника книга писанная.

Крестъ мосяжовый (изъ желтой мѣди), кадильница мосяжовая, звонувъ (колоколовъ) пять, казанъ (котелъ) великъ, а меньшихъ пять, еще меншихъ пять, банъ (?) важкихъ двѣ, а меньшихъ четыре, пановокъ (сковородокъ) три, корцовъ три мѣдяныхъ.

Желѣза, олова и пр.

Зыкгаръ (вертелъ) мосяжовый, моаджировъ (ступъ) два, лихтаровъ десять (отъ нѣм. Licht, польск. lichtarz—подсвѣчниковъ, д. б. церковныхъ, слич. въ подобной сему малороссійской описи ризницы новгородо-сѣверскаго Спасо-преображенскаго монастыря XVII—XVIII в. въ Извѣстіяхъ Археологическаго общества, Спб. 1803 г. вып. 1 стр. 53: лихтаровъ сребреныхъ на престолѣ 2), грошей копъ 15 (денегъ 15 полтинъ), иконъ пять подъ золотомъ и среброиъ, а единъ жемчугомъ гафтаванный, соболцовъ два, куницъ и пр.

Воловъ, коровъ всѣхъ поголовия сто, овецъ двѣстѣ, коней четвернадцатеро, свиней шестедесять, возовъ з борошной (съ мукой) 20 больщыхъ.

Подъ сею росписью подписано: *все тое Ляхи зграбили.*

21) См. въ вышеозначенномъ дѣлѣ туже отписку (приложеніе № 1). Однако положеніе ладинскихъ монашествующихъ въ Путивлѣ, какъ сначала, такъ и теперь, было бѣдственное, и до указа о размѣщеніи они въ челобитной (при томъ же дѣлѣ) писали: пришедъ изъ Литвы 146 году іюня 14 въ Путивль скитаемся и межъ дворъ, кормимся Христовымъ именемъ, помираемъ голодомъ, а до поденнаго корму отъ тебя, Государь, такъ было недѣли съ четыре, а нынѣшняго твоего корму намъ не довольно, потому что мы пришли въ Путивль ограблены, наги и босы и голодны, а монастырскаго никакого заводу ничего не осталось. И за тѣмъ просятъ, чтобы перевели ихъ въ какой нибудь монастырь всѣхъ *вмѣстѣ.*

22) Въ томъ же дѣлѣ отвѣтная память изъ приказа большаго дворца въ посольскій, гдѣ пишется, что государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи указали тѣхъ Бѣлорусскихъ игумена и старцовъ изъ Путивля перевесть на житье въ Бѣлевъ въ Преображенскій монастырь, а того монастыря игумена и старцовъ вывесть въ Лихвинъ и въ Перемышль, въ Доброй или въ Шаровкинъ или въ Лютиковъ монастыри, что въ которой похочетъ и устроитъ тѣхъ монастырей съ братію ровно, и игуменью и старицъ и отца ихъ духовнаго перевесть въ Брянскъ и устроить въ Покровскомъ дѣвичѣ монастырѣ и кельи имъ устроитъ своею государевою казною.

23) См. въ томъ же дѣлѣ челобитную четырехъ старцовъ объ отпускѣ ихъ изъ Путивля въ Москву, записку объ ихъ бытности въ Москвѣ у царя на аудіенціи, протоколъ въ посольскомъ приказѣ объ отправленіи ихъ въ Амвросіевъ Дудинъ монастырь, и отписки по этому дѣлу калужскаго воеводы Ильи Стрешнева.

24) См. въ томъ же дѣлѣ отписку брянскаго воеводы Ивана Головина, гдѣ онъ доноситъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ всѣхъ 20 келій, въ которыхъ помѣщаются игуменья (Марѳа Мочехина) и 40 старицъ, что поэтому ладинскихъ монахинь онъ размѣстилъ въ верхней (близъ монастыря) слободкѣ по дворамъ, и что, если потребуется, къ постройкѣ новаго монастыря и лѣсу въ скорости достать нельзя и денегъ нѣтъ. См. и челобитную монашествующихъ ладинскихъ изъ Брянска 1638 г. (въ архивѣ Кіево-никол. монастыря, свитокъ № 2).

25) См. ниже Приложенія № 2.

26) Не неумѣстно теперь вспомянуть объ оставленныхъ литовскими выходцами монастыряхъ густинскомъ и ладинскомъ. Составитель лѣтописи густ. монастыря (при неотъемлемыхъ ея достоинствахъ) поздній и, какъ видно, не совсѣмъ знакомый съ обстоятельствами тѣхъ выходцевъ, въ преданности своей обители жестоко порицаетъ ихъ бѣгство, какъ легкомысленное и малодушное. Выпишемъ сіе мѣсто вполнѣ. «Тогда попусти Богъ въ землѣ гнѣвъ свой, си есть междоусобную рать, возсташа бо Ляхи на родъ Россійскій, глаголемыхъ козаковъ, и зѣлоную брань творяху одни другимъ, по истинѣ бо тогда исполняхуся евангельскія слова, глаголемыи: *возстанетъ братъ на брата*, что се и собыстьcя. Нещадно бо рѣзаху мечи своими благочестныхъ и невинныхъ человѣкъ, а наипаче вооружи ихъ сатана на иноческій родъ: глаголаша бо всѣ, яко калугоры исполняютъ казакомъ своимъ порохи (доставляютъ имъ аммуницію (польск. prochi — аммуниція), и яряхуся зѣло и много пострадаша братія тоя святыя обители монастыря Мгарскаго; си бысть и на смерть самодесятъ осужденъ и всѣ братія тогда готовяхуся на невинную смерть. Тогда игумена Каллистрата взяша и провожаху до Ляшеского обозу предъ гетманы, и тамо ихъ испытоваху..... Здѣ же въ сей святой обители нашой Густынской игоменъ тогда бисть старецъ Василей и (тотъ же) Иринарха проигуменъ возмятошася со братіями своими страха ради заочесного, такожде и въ монастырѣ Ладинскомъ игуменъ Меѳодей со инокинями своими, послышавше сія, яже тамо Мгарскіи калугеры и игуменъ сіе бѣдствованіе страждутъ, убояшася зѣло, страхъ бо ихъ велій тогда объятъ: мняху, якоже и имъ сія бѣда имать быти, и совѣтъ себѣ даша не разсмотрительный и легкосердный, ужасти исполняхуся, еще же никимъ же гоними тогда бяху, и убояшася страха, идѣже не бѣ страха, но яко тростъ отъ вѣтру невѣрыемъ и малодушіемъ возшумѣша и возколебахуся, аки пьяны, и безъ разсмотрѣнія воскорѣ вдавшася пути бѣгства въ *чужую* землю Московскую, вся здѣ пусто оста-

вниша, и излупиша храмы церкви и вся внутрьняя и внѣшняя монастырская, аки внѣ ума бѣху изумлены, вся разграбиша и ни во чтоже обратиша злонравіемъ своимъ. И бѣжущимъ же имъ до Путивля града Московскаго много зла пострадали и именіе ихъ все отъято бысть и вся церковная хранилища, яже съ собою взяли быша, си есть апперата іерейская и діяконскія и иная вся утваръ церковная сребра, кресты, кадильницы, книги и вся прочая во злое расхищеніе рукамъ Ляшескимъ и невѣрнымъ жидомъ осташа. Охъ, охъ, увы безумія и не разсмотрѣнія ихъ! Горко, болѣзненно и жалостно сердца всѣхъ вѣрныхъ, не точію святителя своего пастыся, глаголю отца метрополита, также и ктиторовъ тоея святыя обители, мяновите (имянно) князя, но и прочихъ окрестныхъ христіанъ всѣхъ православныхъ плача сердца исполнени бяху, видяще ихъ сицевое безуміе и нетерпѣніе и многимъ правовѣрнымъ даже и до днѣсь сердца и любве до насъ ихъ ради злаго поступку милость оскудѣна есть, яже до мѣстьца сего святаго.» За тѣмъ составитель говоритъ, что послѣ побѣга монашествующихъ густинская обитель около двухъ лѣтъ была въ запустѣніи и латинскіе *Бернардины* хотѣли совершенно разграбить и разорить монастырскія зданія; но иноками мгарскаго монастыря, оставшимися на мѣстѣ, были остановлены, и обитель 1639 г. востановлена игуменомъ Исаіею Торскимъ, по распоряженію митрополита Петра Могилы, который тогда самъ посѣтилъ оную. Подобнымъ образомъ и ладинскій дѣвичій монастырь былъ возстановленъ, какъ видно изъ приложенныхъ къ лѣтописи Густинскаго монастыря, на стр. 58, размежеванія къ нему земли Петромъ Дорошенко, въ 1657 г., и на стр. 67 описанія его въ 1825 г. Оба сіи монастыря, упраздненные еще впослѣдствіи, въ недавнія времена снова возстановлены и существуютъ доселѣ (равно какъ и лубенскій-мгарскій). См. тамъ же—приложенія, стр. 65—73.

27) См. прим. 29, связку о м-рѣ 1706 (монаст. свитокъ № 50): въ прошлыхъ годѣхъ вышли изъ Кіевскихъ предѣловъ къ Москвѣ.

28) См. ниже приложенія № 2.

29) Въ архивѣ Кіево-николаевскаго м-ря, свитокъ № 3, здѣсь помѣщаемый, содержитъ въ себѣ опись этихъ и вышепомянутыхъ царскихъ пожертвованій при сдачѣ ихъ въ вѣденіе игуменьи:

«Никольскаго дѣвичь монастыря монастырскому строенію (что дано отъ?) великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи (по?) грамотѣ изъ Приказу Казанскаго Дворца, за приписью дьяка Григорія Нечаева, Густынскаго монастыря игуменъ Меѳодей Алатарскаго Нового Никольскаго дѣвичь монастыря игуменьѣ Елисавеѳи съ сестрами монастырскую денежную казну и всякое церковное и монастырское строеніе отдалъ все на лицо:

Въ прошломъ 147 году, что дано игумену Методію въ церковное строеніе ризъ и книгъ изъ Приказу Большаго Дворца.

Ризы праздничныя, камка бѣлая, оплечье златоглавное, натрахель и поручи златоглавные жъ, у патрахели и у поручь 25

пуговицъ серебреныхъ, стихарь подрузной, тоѳта виницейка, шолкъ черленъ да жолтъ, оплечье бархатъ рытой черленой, поясъ шолкъ бѣлъ, да черленъ.

Другія ризы, тоѳта виницейка, шолкъ червнъ да жолтъ, оплечье бархатъ рытый, червленъ, патрахиль и поручи того жъ бархату червленова, у патрахили и поручей 25 пуговицъ серебреныхъ, оплечье бархательное, поясъ шолкъ жолтъ да червленъ.

Третьи ризы тоѳта виницейка, шолкъ зеленъ да жолтъ, оплечье бархатъ рытый, червленъ на бѣлой землѣ, патрахиль да поручи тогожe бархату, да у патрахили да у поручей 25 пуговицъ серебреныхъ, поясъ шелкъ жолтъ да червленъ, стихарь подризной полотно коленское, оплечье бархательное.

Четвертыя ризы полотно коленское, оплечье и патрахиль и поручи бархательныя, у патрахили и поручей пуговицы оловянныя, стихаръ подризной холщевъ, оплечье выбойка, поясъ нитной.

Евангеліе напрестольное, распятіе и евангелисты сребренные, рѣзные, Евангеліе учительное, уставъ, Апостолъ, охтой 1-го гласу, охтой 5 гласу, минея общая, треѳолой сентября мѣсяца, треѳолой декабря мѣсяца, трефолой марта мѣсяца, треѳолой іюня мѣсяца, тріодъ постная, тріодъ цвѣтная, потребникъ, служебникъ, псалтирь, часовникъ.

Да въ нынѣшнемъ въ 148 году іюня въ 6 день прислано изъ Приказу Казанскаго Дворца со Казанскимъ головою Стрѣлецкимъ со Иваномъ Пановымъ въ тожъ церковное и минастырское строеніе образовъ, ризъ и книгъ:

Образъ Николы Чудотворца, налойной, штилистовой, да крестъ воздвизальной кипарисной, обложены сребромъ басменнымъ, позолочены.

Крестъ воздвизальной же, еривянъ писыленной, двери царскіе съ сенью и съ столпцы, да дверь сѣверная на празелени.

Образъ Пречистые Богородицы, запрестольной на празелени.

Стихарь подризной — полотно коленское, оплечье и зарукавье бархательное.

Патрахиль да поручи бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленъ, опушка дороги кашанскіе свѣтло-лозоревы нешиты, пуговицы серебреные, поясъ шолкъ жолтъ да лазоревъ.

Другіе ризы полотно коленское, оплечье бархательное.

Стихарь подризной холщевый, оплечье и зарукавье выбойчатые.

Патрахиль да поручи бархательные, опушка киндякъ лазоревъ, поясъ нитной.

Стихарь дьяконской таѳта виницейка, двоеличная, шолкъ червленъ да жолтъ, оплечье и зарукавье бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленъ.

Стихарь да поручи бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленъ, опушка дороги кашанскіе лазоревы.

Другой стихарь дьяконской полотно коленское, оплечье и зарукавье бархательное.

Стихарь да поручи бархательные, опушка киндякъ лазоревъ.

Полотна пять аршинъ на руки утиральники въ освященіе церкви.

Губа морская,налой.

Да книгъ Марковскіе печати Евангеліе напрестольное въ оболочкѣ бархательной, евангелисты серебренные, бесменные позолоченные, уставъ, апостолъ, часовникъ, служебникъ, псалтирь съ слѣдованіемъ, псалтирь же учельная, шестодневецъ, потребникъ, минея общая съ часы царскими, двѣ тріоди постная да цвѣтная, евангеліе учительное, ермалой писменной.

И всего 14 книгъ, всѣ подписаны, четыре колокола подписанныежъ, а вѣсу въ нихъ 24 пуда.

На оборотѣ: «къ сей росписи игуменъ Меѳодій приложилъ.»

30) См. въ архивѣ м-ря свитокъ № 2— царская грамота на заводъ Старицу 7148 феврал., грамота 7175 г. № 7, дѣла 1730 годовъ.

31) А именно доселѣ сохранились: 1, въ главной Покровской церкви мѣстная икона Покрова Богородицы (длины 2 арш., ширины 1 арш.) и у праваго клироса образъ Спаса нерукотворенный (дл. 2¹/² арш., шир. 1¹/₂ арш.) древняго и лучшаго письма. 2. Ризы парчевыя по красной землѣ, плечье золотаго глазета, употребляемыя только въ храмовый праздникъ Вознесенія Господня. Какъ выше означенныя двѣ иконы, такъ и эти ризы въ преданіи доселѣ называются *Кіевскими*, т. е. принесенныя кіевскими выходцами изъ Москвы отъ щедротъ Царя Михаила Ѳеодоровича. 3. Царскія двери, по царской грамотѣ присланныя изъ Приказу Казанскаго Дворца 1640 г. 4. Евангеліе (№ 4), печ, 1640 г. съ подписью по листамъ: «лѣта 7148 году мая въ 12 день сія книга Евангеліе Государева, царева и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи дана въ новой Алаторской Никольской дѣвичь монастырь.« 5. Книга Маргаритъ, печ. 1641 г. съ подписью же: «по Государеву, цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу изъ Его Государевы казны изъ Приказу Казанского Дворца въ Алаторскій въ Никольской Новодѣвичь монастырь въ церковъ Николы Чудотворца, лѣта 7160 мая 13. 6. На колокольнѣ два колокола съ слѣдующею на обоихъ надписью: лѣта 7148 марта въ 14 день по Государеву цареву и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу данъ сій колоколъ изъ Государевы казны изъ Приказу Казанскаго Дворца въ Алаторской въ Никольской Новодѣвичь монастырь, а вѣсомъ сій колоколъ въ 5 пудовъ 25 гривенокъ, (на другомъ: въ 4 пуда, 26 гривенокъ).

К. Невоструевъ.

III.

НѢЧТО ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

(По поводу газетныхъ толковъ объ этомъ предметѣ).

Казалось бы, нѣтъ безспорнѣе предмета, какъ открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, между тѣмъ и это святое, можно сказать, дѣло не обошлось безъ кривыхъ толковъ, нареканій, словопрѣній, пессимизма. Мы ожидали, что кто нибудь изъ людей компетентныхъ въ дѣлѣ возметъ на себя трудъ распутать софизмы резонеровъ, трактовавшихъ объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія въ западной Россіи, укажетъ прямую точку зрѣнія на цѣль, характеръ и важность этихъ училищъ, но наши надежды и ожиданія почти не сбылись (*). Желая пополнить по силамъ этотъ важный пробѣлъ въ нашей прессѣ и, безъ самообольщенія, предполагая въ себѣ достаточную пропорцію компетентности для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, мы приступаемъ къ дѣлу тѣмъ охотнѣе, что это прямая, такъ сказать, присяжная обязанность публицистовъ западной Россіи. Желая разсуждать о предметѣ какъ можно послѣдовательнѣе, мы будемъ развивать частности его посредствомъ рѣшенія вопросовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ на логической очереди.

Какое назначеніе дѣвицы духовнаго званія? Кромѣ общаго назначенія всякой дѣвицы, дѣвица духовнаго званія имѣетъ и свое особенное призваніе,— она по преимуществу предназначается въ подруги лицъ того же духовнаго званія. Права рожденія, условія и обстановка жизни, нравы, привычки, складъ міросозерцанія и характеръ симпатій влечетъ ея мысли и желанія къ духовному сословію, къ юношѣ-сыну сосѣдняго священника и

(*) Статья была набрана раньше появившейся прекрасной статьи объ этомъ предметѣ въ 80 №. «Сѣверной Почты.»

юноши къ ней. Между ними такъ много всесторонней гармоніи, такъ мало диссонансовъ, что глумиться надъ ихъ другъ къ другу симпатіями, перечить ихъ обоюднымъ влеченіямъ, значитъ не имѣть ни ума ни сердца. Въ этихъ симпатіяхъ и влеченіяхъ нѣтъ кастической нетерпимости и самовольной изолированности,— онѣ прямое требованіе тождества породы и общности склада обстоятельствъ. Если дочь военнаго человѣка съ малолѣтства бредитъ золотыми эполетами и черными усиками, если купецъ большею частію ищетъ себѣ попутчицы жизни въ средѣ своего сословія, если мѣщанинъ, ремесленникъ женятся на дочеряхъ знакомыхъ имъ собратій; то тѣмъ менѣе нужно сѣтовать или возмущаться, если кандидатъ священства ищетъ себѣ подруги въ средѣ своего сословія, если дѣвица духовнаго происхожденія съ младенчества свыкается съ мыслію быть женою священника. Мы сказали *тѣмъ менѣе*, и сказали не для одного соотвѣтствія частицъ въ періодѣ. Военный, купецъ, какъ люди болѣе или менѣе подвижные, мѣщанинъ, ремесленникъ, какъ буржуазія, могутъ сталкиваться въ жизни съ лицами разныхъ званій, сословій, состояній, могутъ въ спискѣ знакомыхъ имъ дѣвицъ считать сотни персонажей— одинъ другаго достойнѣе; тоже самое нужно сказать и о дѣвицахъ изъ этихъ сословій, состоящихъ едва ли не на вѣчной выставкѣ предъ свѣтомъ вообще и разнымъ юношествомъ въ особенности. Не такова участь юношей и дѣвицъ духовнаго званія! Первые, съ самаго малолѣтства, поступаютъ на скамьи училищныя, съ которыми не разстаются до самаго почти полученія билета на женитьбу; послѣднія ростутъ и цвѣтутъ одиноко, въ домахъ сельскихъ (большинство) священниковъ; первые не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни возможности пробиваться въ свѣтъ, принимать серьозное участіе въ его дѣлахъ и развлеченіяхъ; большинство послѣднихъ во всю жизнь дѣвичью не видитъ своего губернскаго (не рѣдко и уѣзднаго) города; первые знакомятся по преимуществу только съ послѣдними и, разумѣется, во время вакацій, когда устанавливаются взаимныя симпатіи молодыхъ людей, а нерѣдко заключаются и обязательныя для обѣихъ сторонъ договоры и помолвки. Изрѣдка только какой нибудь квартирующій въ селѣ прапорщикъ, подпоручикъ, или мелкій уѣздный чиновникъ выдернетъ изъ кружка дѣвицъ духовнаго званія одну-другую; но это исключеніе относится къ правилу чуть ли не какъ 1: 1000.

Нельзя ли освободить людей, а особенно дѣвицъ духовнаго званія изъ этого очарованнаго круга, отъ этой замкнутости, изолированности. Къ чему? для кого это необходимо, или хоть полезно? Ровно ни для кого и ни для чего. Подобныя вылазки изъ своей природной цитадели и безцѣльны и рисковы. Кандидаты священства, особенно на скамьѣ ученической, не имѣютъ досуга и возможности жуировать. Серьозность и духовность ихъ назначенія не позволяетъ имъ мѣшаться въ дѣла и бездѣлье людей, увлекаемыхъ водоворотомъ житейскихъ заботъ и спекуляцій, заставляетъ ихъ самоусовершаться, свыкаться съ душой о важности обязанностей пастыря и учителя народнаго. Хотя никому изъ молодыхъ людей духовнаго званія невозбраненъ выходъ изъ своего сословія, хотя духовное званіе, въ настоящемъ его состояніи, не только не представляетъ въ своей перспективѣ ничего обаятельнаго, а, напротивъ, рисуетъ въ умѣ кандидата священства много отбивающаго охоту къ этому сану, безотраднаго,— при всемъ томъ эмиграціи изъ этого сословія въ другія, болѣе обольстительныя и привольныя, не совсѣмъ часты, а если участь духовнаго сословія улучшится,— и вовсе прекратятся. Къ этой устойчивости молодыхъ людей въ колеѣ, указанной рожденіемъ и привычками, немало] способствуетъ и то обстоятельство, что они получили специальную подготовку къ духовному служенію въ школѣ, тогда какъ не получили ее ни къ какой другой службѣ.

Но дочери священника, особенно сельскаго, еще менѣе открывается случаевъ и побужденій къ выходу изъ своего сословія. Какъ существо домосѣдное, никому почти неизвѣстное, менѣе даже семинариста знакомое съ свѣтомъ, его настроеніями и приманками,— она спокойно и безстрастно ждетъ своего суженаго, въ лицѣ знакомаго, или неизвѣстнаго ей кандидата священства, довѣрчиво вручаетъ ему свою участь, мало опасаясь столь частыхъ въ другихъ сословіяхъ разочарованій и супружескихъ шероховатостей и не всегда разлучаясь, послѣ замужества, съ роднымъ кровомъ, съ лелѣявшею ее матерью, съ любимымъ и любящимъ братомъ, сестрою. Рѣдкія попытки къ комбинаціямъ съ иными сословіями большею частію сопровождались грустными диссонансами жизни для обѣихъ сторонъ. Семинаристъ, женившійся на дѣвицѣ свѣтскаго званія, кромѣ, можетъ быть, попрековъ со стороны жены происхожденіемъ,— мало встрѣчаетъ въ подругѣ своей жизни гармо-

нія симпатій привычекъ, не слишкомъ завидную и опытную найдетъ въ ней сотрудницу въ веденіи сельскаго хозяйства, не слишкомъ терпѣливую попутчицу на дорогѣ, обставленной грустными ландшафтами и монотонною перспективой. Свѣтскій человѣкъ, женившійся на дочери священника, не рѣдко, послѣ медоваго мѣсяца, начинаетъ замѣчать въ своей подругѣ розпь убѣжденіямъ и наклонностямъ, выработаннымъ его воспитаніемъ и служебными случайностями, и если будетъ столько деликатенъ, что воздержится самъ отъ саркастическаго отношенія къ этой розни, то не всегда можетъ защитить свою жену отъ такого отношенія къ ней другихъ; а для сердца женщины такія нравственныя оскорбленія больнѣе пытокъ физическихъ. Въ такихъ явленіяхъ мы, равно какъ и всѣ мыслящіе люди, не находимъ ничего „страннаго, случайнаго, болѣзненнаго, роняющаго наше духовенство, причиняющаго ущербъ нашей церкви, оказывающаго вредное вліяніе на всю нашу духовную жизнь, противнаго духу христіанства" (sic!) и проч., и проч. Напротивъ, мы находимъ въ этихъ явленіяхъ выраженіе тѣхъ законовъ необходимости, съ которыми бороться пока не возможно, не разрушая строя жизни, выработаннаго исторіей и опирающагося отчасти на данныхъ каноническаго характера. Развѣ это „странно, противно духу христіанства" и проч., что наше духовенство-семейное, что дѣти священниковъ приготовляются съ колыбели къ будущему своему служенію, что другія званія для нихъ мало доступны, что невѣстъ духовнаго званія обѣгаютъ женихи изъ другихъ сословій, что за кандидатовъ священства мало находится охотницъ выходить замужъ изъ свѣтскаго сословія? Собственно говоря, не духовенство держитъ себя въ изолированномъ отъ общества состояніи (если изолированность гдѣ либо существуетъ), а общество отъ духовенства,— не первое отталкиваетъ отъ себя послѣднее, а на оборотъ. Наши духовно-учебныя заведенія открыты для всѣхъ, желающихъ получить въ нихъ образованіе, а много ли пріобрѣли они адептовъ изъ недуховнаго сословія? Самый ничтожный процентъ. Если бы священникъ получалъ содержаніе равное содержанію мироваго посредника, если бы миссія православнаго священника требовала менѣе самоотверженія, была обставлена большимъ почетомъ общества, если бы изъ за скамьи семинарской, или хоть академической, можно было прямо шагнуть на каѳедру архіерейскую, или хоть бы въ санъ протопресвитера, тогда свѣтскій элементъ вытѣснилъ бы

изъ духовно-учебныхъ заведеній духовный. Но пока продолжается status quo, *нисколько независящій отъ духовенства;* пока духовенство, особенно сельское, будетъ считаемо почти самымъ низкимъ званіемъ; пока нѣкоторые господа будутъ принимать священниковъ на ногахъ, въ переднихъ; пока подсказанное іезуитами слово—*попишка* будетъ чуть не обычнымъ прозваніемъ православнаго священника; пока общество будетъ держать въ черномъ тѣлѣ своего молитвенника, не проникнется къ нему благоговѣніемъ, подобающимъ служителю Христову, представителю святаго православія,— до тѣхъ поръ, какого вы хотите единенія духовенства съ обществомъ, какого домогаетесь вліянія перваго на послѣднее? Вліяніе *духовное* существуетъ, іерейская миссія продолжается, только лишь первое иными отвергается, послѣдняя многими не признается, не цѣнится по ея заслугамъ и святости. Такое грустное отношеніе духовенства къ обществу слагалось еще со временъ татарскаго порабощенія. Общество привыкло смотрѣть на духовенство, какъ на наемниковъ, получающихъ за свой трудъ опредѣленную плату. Іерархія мало заботилась о поднятіи уровня духовенства ни въ моральномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи. Въ западной Россіи униженіе духовенства пошло еще далѣе: священники, подъ гнетомъ враждебной пропаганды, сдѣлались синонимами исповѣдниковъ, мучениковъ; дѣтямъ ихъ были закрыты пути къ образованію; холопы получали *презенты* на званіе священниковъ для того, чтобъ ихъ можно было гнать на *панщизну,* бить ихъ, глумиться надъ ними, когда только захочется милостивому пану потѣшить ксендза, разразить на нихъ свою злобу на кого нибудь другаго,— поглумиться, въ лицѣ ихъ, надъ „хлопскою вѣрою." Теперь времена значительно перемѣнились; нравственный ростъ духовенства поднимается спѣшно; но взглядъ на него нашего общества, закрѣпленный вѣками, видоизмѣняется весьма медленно. Не желая сознательнѣе анализировать свои воззрѣнія, съ ихъ индифферентизмомъ, либо предразсудками и скудомысліемъ, общество все еще коритъ многострадальное, неповинное духовенство, въ глубинѣ своего духа часто повторяющее: не вѣдятъ, что творятъ, и только въ Христовомъ ученіи и терпѣніи находящее источникъ надежды и утѣшенія. Короче: какъ прежде, такъ и теперь, поднятіе значенія и благосостоянія духовенства зависитъ не отъ него самаго, а отъ общества, которому наше заботливое, христолюбивое

правительство указываетъ прекрасные образчики для благороднаго соревнованія.

Отъ чегожъ латинское духовенство иначе поставило себя въ отношеніи къ своей паствѣ? Отъ того, что эта паства до фанатизма проникнута пристрастіемъ къ своей религіи, не смотря на ея недостатки; отъ того, что ксендзъ съ малолѣтства подготовляется къ роли *пропагандиста* и политическаго интригана,— что онъ не столько священникъ, сколько іезуитъ и дипломатъ; отъ того, что онъ *не земледѣлецъ*, что онъ стоитъ совершенно въ независимомъ положеніи отъ прихожанъ, не имѣетъ нужды ни поддабриваться къ нимъ, ни входить съ ними въ оппозицію— для добыванія рабочихъ рукъ и нищенскихъ копѣекъ; отъ того, что онъ человѣкъ не женатый и что, слѣдовательно, шеренги убылыхъ патеровъ пополняются изъ всѣхъ сословій, а преимущественно изъ шляхетскаго, съ которымъ, поэтому, латинское духовенство состоитъ въ двойномъ родствѣ,— что ксендзъ есть вмѣстѣ и панъ; подобно тому, какъ папа есть и епископъ и государь. Всѣ эти причины въ совокупности выработали ксендзовской миссіи тотъ независимый, повелительный, высокомѣрный, политическій характеръ, который отчасти неприличенъ, отчасти преступенъ, а больше всего невозможенъ въ представителяхъ православія и служителяхъ истинно Христовыхъ. Желающіе сообщить вліянію на общество послѣднихъ свойства вліянія на него латинскаго духовенства, рѣшительно не понимаютъ причинъ такого вліянія, не видятъ его неестественности, невозможности, а главное тѣхъ опасностей для общества, которыми грозитъ ему подобное вліяніе, и описаніемъ которыхъ обагрены всѣ почти страницы кровавой исторіи папства. Мы имѣемъ ясное понятіе о свойствѣ и направленіи ксендзовскаго вліянія на народъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ польскихъ бунтовъ.

Мы не уклонились отъ предмета нашего мышленія, трактуя о тѣхъ наблюденіяхъ и выводахъ, которые сейчасъ набросаны нами; они находятся въ прямой связи съ поставленнымъ выше вопросомъ, а особенно съ тѣми нападками и укоризнами, которыя позволяютъ себѣ непризванные и некомпетентные судьи нашего кроткаго духовенства, резюмируя, по крайнему своему разумѣнію, тему, стоящую въ заголовкѣ настоящаго размышленія. Мы сказали все сказанное для того, чтобы не сказать только, но и доказать, что наше духовенство, не будучи „кастой, бра-

нинствомъ, левитствомъ," тѣмъ не менѣе есть *сословіе*, изъ котораго, по законамъ природы и необходимости, выходитъ и будетъ выходить огромное большинство служителей церкви, что изъ дѣвицъ духовнаго сословія, по тѣмъ же причинамъ, огромное большинство выходило и будетъ выходить за мужъ за кандидатовъ священства. Да, „каста, браминство, левитство„— слова, слова и слова, а сословность нашего духовенства, какъ „явленіе, будтобы, болѣзненное, роняющее духовенство, противное духу христіанства" и проч.— фразы, фразы и фразы.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: нужно ли давать образованіе дѣвицамъ духовнаго сословія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ очевиденъ, что мы задались имъ потому только, что онъ стоитъ на логической очереди. Если кто нибудь имѣетъ нужду въ подругѣ образованной, то по преимуществу священникъ, какъ человѣкъ образованный, какъ учитель церкви, наставническую миссію котораго обязана отчасти и по силамъ раздѣлять съ нимъ и его жена, особенно въ средѣ своего пола.

Принимая за аксіому, что огромное большинство дѣвицъ духовнаго сословія выходитъ и будетъ выходить за мужъ за кандидатовъ священства,— приступаемъ къ рѣшенію дальнѣйшаго вопроса: гдѣ воспитывать и образовать этихъ дѣвицъ? Напередъ оговоримся, что мы ставимъ вопросъ на почвѣ западной Россіи, такъ какъ и настоящая статья была вызвана необходимостью отвѣчать на нападки, посыпавшіяся на школы для дѣвицъ духовнаго сословія въ этомъ краѣ. И такъ, гдѣжъ воспитывать и образовать этихъ дѣвицъ? Дома? Но священники, особенно сельскіе, едва ли обладаютъ тѣмъ досугомъ и средствами, какія необходимы для удовлетворительнаго образованія дочерей ихъ. Съ большимъ трудомъ могутъ они довести дочерей до совершенной грамотности, а о развитіи болѣе высокомъ и разностороннемъ, при настоящемъ складѣ ихъ быта и многосложности занятій, имъ некогда и подумать. Принанять учительницу? Такъ нѣкоторые, особенно достаточные, священники, и дѣлали; но дорого поплатились за свою прогрессивность— и матеріальнымъ состояніемъ, и моральною порчею дѣтей. Въ западной Россіи почти невозможно найдти порядочную учительницу русскую, православную, въ полномъ значеніи этихъ понятій; за то весьма легко найдти разныхъ шляхтянокъ, навязывающихся всякому встрѣчному съ предложеніемъ своихъ педагогическихъ

услугъ, и притомъ за самое ничтожное вознагражденіе. Соблазняясь этою дешевизною и отчасти популярностью польскихъ паненокъ въ дѣлѣ развязности, граціи, въ искуствѣ нравиться, весьма многіе священники западной Россіи и ввѣряли имъ нравственное воспитаніе и умственное развитіе своихъ дочерей. Чему и какъ учили и учатъ эти паненки своихъ питомицъ, не трудно догадаться. Польскій говоръ, польская интеллигенція, польское міросозерцаніе начинаютъ исподоволь прилипать къ уму и сердцу дѣвочки. Если не въ присутствіи родителей, то наединѣ, безъ свидѣтелей, учительница начинаетъ, разными сарказмами и софизмами, ощипывать на молодомъ сердцѣ ростки привязанности къ нашей вѣрѣ и народности, и очень часто съ успѣхомъ исполняетъ возложенную на нее ксендзомъ, или внушенную собственнымъ фанатизмомъ, миссію. Наставница не упуститъ удобнаго случая повести питомицу въ костелъ и въ радужныхъ чертахъ обрисовать ей удобства костельныхъ скамеекъ, прелесть органа, граціозность служенія ксендзовскаго и, въ пендантъ, поглумиться надъ противоположными, мнимыми недостатками православнаго богослуженія. Латино-польская язва нерѣдко переходитъ отъ учительницы въ цѣлое семейство, „*бараній языкъ*“ скоро изгоняется изъ дома, простота, безъискуственность обхожденія, чистота и дѣвственность душевная— и того скорѣе. Объ этой нравственной заразѣ мы говоримъ не какъ о явленіи прошедшемъ, возможномъ, но какъ объ эпидеміи, отчасти продолжающейся въ разныхъ захолустьяхъ западнаго края. Еще довольно есть родителей изъ духовнаго сословія, для тщеславнаго уха которыхъ весьма обаятельно и гармонично звучитъ слово: гувернантка, то и дѣло-повторяемое въ разговорѣ съ сосѣдями и знакомыми. А если, вслѣдствіе искуственныхъ, или дѣйствительныхъ интимныхъ отношеній священника къ пану эконому, комиссару, или самому вельможному, ему предложатъ, въ родѣ особенной *ласки*, присылать свою дочь учиться вмѣстѣ съ ихъ паненками, нравственная порча дитяти идетъ еще скорѣе и успѣшнѣе. Тутъ нѣтъ ужъ и того слабаго контроля, какой иногда встрѣчаетъ, или можетъ встрѣтить, панна гувернантка со стороны родителей дрессируемой ею дѣвочки. А между тѣмъ бывало (а можетъ быть и теперь бываетъ) иногда и такъ, что родители сами просили егомосцей доставить счастіе дочерямъ ихъ учиться вмѣстѣ съ панскими. Паны бывали до того снис-

ходительны, что позволяли переселяться въ свои домы дочерямъ священниковъ на все время ихъ *эдукаціи*. Это дѣлалось подъ предлогомъ особенной дружбы къ родителямъ, непобѣдимаго влеченія къ ихъ очаровательнымъ *цуркамъ* (дочерямъ), тогда какъ на самомъ дѣлѣ это дѣлалось для введенія латино-польскихъ прозелитовъ въ среду самую опасную для затѣй ксендзо-шляхетскихъ.

Не отдавать ли дѣвицъ духовнаго происхожденія въ мѣстные пансіоны, въ женскія гимназіи? Не всегда удобно и не всегда безопасно. Не удобно какъ по дороговизнѣ этихъ заведеній для нашего бѣднаго духовенства, такъ и по недостаточному ихъ количеству на пространствѣ извѣстной мѣстности. Но опасность тутъ важнѣе неудобствъ. Въ пансіонахъ западно-русскихъ большинство ученицъ и наставницъ— латино-польскаго происхожденія. Это большинство всегда имѣетъ нравственное преимущество предъ меньшинствомъ, и религіозно-политическій недугъ перваго, больше или меньше, явно или тайно, сообщается и послѣднему. Если нельзя вполнѣ безопасно ввѣрить педагогіи этихъ пансіоновъ бойкое дитя свѣтскихъ *рускихъ* родителей, то тѣмъ болѣе простодушную, наивную и довѣрчивую малютку сельскаго священника, изъ которой не трудно сдѣлать что угодно, взявшись за дѣло съ умѣньемъ и энергіей; а въ этихъ качествахъ едва ли кто выдержитъ конкурсъ съ польскими наставницами... Мы видѣли священническихъ дочерей, вышедшихъ изъ этихъ заведеній и не узнали въ нихъ прежнихъ добрыхъ Агафій, Лизъ; онѣ переродились въ такихъ бравурныхъ, вертлявыхъ, навязчивыхъ, двуличныхъ паненокъ *Агатъ, Эльжбетъ*, что нельзя было довольно надивиться искуству— эмансипировать и эксплоатировать тѣхъ заведеній, которыя способны творить такіе метаморфозы. Еслибъ мы захотѣли указать здѣсь тѣ тонкіе и саркастическіе намеки на *схизму*, на *москалей*, на *попувъ-бродачи* и проч., которыми колютъ поминутно въ этихъ школахъ русскихъ дѣвочекъ ихъ польскія подруги,— тѣ едва замѣтныя и постоянныя униженія, придирки, запреты, обдѣлы, которыми стараются насолить оппонирующимъ пропагандѣ русскимъ дѣвицамъ польскія наставницы, мы никогда не окончили бы настоящаго размышленія.

Но, кромѣ недостатковъ, какіе сейчасъ мы усвоили пансіонамъ западной (точнѣе сѣверо-западной) Россіи, и весьма замѣт-

ныхъ пробѣловъ въ научной програмиѣ, особенно въ ея выполненіи, заведенія эти представляютъ и много излишествъ, много роскоши образованія, не только безполезной и непригодной въ быту жены священника (особенно сельскаго), но отчасти и вредной. Въ этихъ заведеніяхъ почти совершенно заброшена хозяйственная часть, домоводство, тогда какъ жена сельскаго священника, по преимуществу,— сельская хозяйка. За то въ этихъ заведеніяхъ обращено особенное вниманіе на болтовню французскую, на музыку, танцы и роскошь обстановки. Не боясь прослыть отсталыми, рутинерами, фанатиками, мы смѣло скажемъ, что эта лингвистика, эти искуства ни на что не пригодятся въ жизни сельскаго священника, не могутъ не забыться, при недосугѣ и недостаткѣ практики, его женой. Говоръ французскій могъ бы доставить ей только два— три случая въ жизни потщеславиться этимъ знаніемъ предъ тѣми, которые поставляютъ въ немъ апоѳеозъ образованія, а игра на фортепіано и потому уже мало примѣнима къ быту сельскаго священника, что на покупку этого дорогаго инструмента станетъ избытка матеріальныхъ средствъ развѣ у одного изъ сотни священниковъ. Да и тотъ, кто обзаведется этимъ инструментомъ едвали не напрасно потратитъ на него трудовыя деньги; жена будетъ услаждать (а большею частію терзать) слухъ его немного развѣ долѣе медоваго мѣсяца; потомъ обыденные хлопоты, далѣе возня съ дѣтьми и проч., и проч., сдѣлаютъ то, что инструментъ покосится, струны перервутся, въ клавитурѣ паукъ широко раскинетъ свои сѣти, обзаведется многочисленнымъ семействомъ; громоздкой инструментъ будетъ только похищать слишкомъ чувствительную для утлаго помѣщенія священника часть пространства. Пишущій это нисколько не фантазируетъ: онъ копируетъ съ натуры, и,— смѣетъ сказать безъ самохвальства,— копируетъ съ неподражаемой вѣрностью. Онъ видалъ нѣсколько разъ такіе инструменты въ домахъ священниковъ, и въ томъ числѣ даже у такого, который поставленъ своимъ общественнымъ положеніемъ далеко выше многихъ своихъ собратій, живетъ въ довольно видномъ, людномъ— шляхетско-жидовскомъ мѣстечкѣ и въ добавокъ женился на дѣвицѣ, принадлежавшей къ высшему кругу губернскаго свѣтскаго общества. Едва ли нужно и оговариваться, что пишущій эти строки отнюдь не имѣлъ въ виду— уронить одно изъ изящнѣйшихъ искуствъ, или хоть доказать неприличность его для жены священника, или черствость ея духа, неспособность цѣнить это искуство по его досто-

нисту; онъ хотѣлъ только указать судьбу его въ домахъ священниковъ, или, пожалуй, невозможность посвящать ему столько досуга и вниманія, сколько бы того, быть можетъ, хотѣлось самой женѣ священника. Что касается танцевъ, пусть объ нихъ думаетъ всякій какъ хочетъ, какъ знаетъ, а мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ того мнѣнія, что женѣ священника не совсѣмъ прилично „потрясать образъ Божій,“ какъ выражался одинъ изъ инспекторовъ кіевской дух. академіи. Не нужно при этомъ забывать и того, что священникъ даетъ формальное обѣщаніе, въ эпоху рукоположенія, что жена его будетъ „неплясавица.“ Если мужъ и жена составляютъ одно, то нельзя не признать той истины, что святость и серьозность служенія священника, должна отражаться въ жизни и поведеніи его жены, что для послѣдней многое — не къ лицу и званію, что считается безразличнымъ и даже прекраснымъ для другой женщины.

Установивъ такой (совершенно безошибочный) взглядъ на дѣвицъ духовнаго происхожденія, на женъ священниковъ, на неудобства и опасности образованія ихъ, какъ дома, такъ и въ здѣшнихъ общественныхъ заведеніяхъ, — мы подходимъ къ послѣднему, самому важному, вопросу: не настоитъ ли нужда для дочерей и будущихъ женъ священниковъ открывать особыя заведенія, которыя были бы чужды неудобствъ, пробѣловъ, излишествъ и опасностей другихъ заведеній, и въ тоже время больше удовлетворяли бы потребностямъ нравственно-религіознаго образованія священническихъ дочерей и женъ нашихъ пастырей и учителей церковныхъ? Лишь только мы поднимемъ этотъ вопросъ, намъ могутъ предложить другой: „что это за дѣвицы духовнаго званія, развѣ онѣ какая то особая порода существъ?“ Что разумѣть подъ именемъ породы? Если происхожденіе, сословіе, то онѣ въ томъ же смыслѣ особая порода, въ какомъ и дѣвицы дворянскаго сословія, купеческаго, крестьянскаго. Должно быть дѣвицы дворянскаго происхожденія — особая порода существъ, когда существуютъ институты и даже пансіоны для „благородныхъ дѣвицъ,“ въ которыя съ трудомъ можно было проникнуть неблагороднымъ и въ томъ числѣ, конечно, труднѣе всѣхъ — духовнымъ. Но, не будучи особой породой существъ потому только, что родились отъ людей духовнаго сословія, дѣвицы духовнаго происхожденія тѣмъ не менѣе должны быть больше всякихъ другихъ устранены отъ тѣхъ общеобразовательныхъ заведе-

ній, въ которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ удобенъ доступъ пропагандѣ или полонизма и папизма, или нигилизма и индифферентизма, должны образовываться въ тѣхъ заведеніяхъ, главною задачею которыхъ было бы нравственно-патріотическое воспитаніе женщины, озареніе ума ея и согрѣтіе сердца безпредѣльнымъ уваженіемъ и любовію къ родной вѣрѣ и народности. Такими качествами преимущественно, если не исключительно, и отличаются, такъ называемыя, „училища для дѣвицъ духовнаго званія.“

Такихъ заведеній, ни по цѣли, ни по характеру получаемаго въ нихъ образованія, ни даже по личности самихъ питомицъ, нельзя назвать „специальными,“ хотя нѣкоторые и сочинили для нихъ это прозвище. Хотя специальность учебнаго заведенія нисколько не унижаетъ его пользы и достоинства, не дѣлаетъ учащихся въ немъ „существами особой породы;“ но въ училищахъ для дѣвицъ духовнаго происхожденія нѣтъ и этого воображаемаго пугала. Эти училища не закрыты ни для какихъ дѣвицъ, и если въ нихъ не много найдете питомицъ не изъ духовнаго сословія, то это только потому, что огромное большинство людей свѣтскихъ желаетъ дать своимъ дочерямъ болѣе блестящее или модное, нежели благотворное и фундаментальное образованіе. Въ научной сторонѣ этихъ заведеній еще меньше специальности, исключительности, „кастичности, а особенно браминства.“ Мы не станемъ здѣсь повторять всѣмъ извѣстной програмы училищъ для дѣвицъ духовнаго происхожденія, а только скажемъ, что она не упустила изъ виду ничего, что *существенно* необходимо для воспитанія и образованія русской, православной женщины и домовитой хозяйки. Въ этой програмѣ на первомъ планѣ стоятъ науки, воспитывающія и возвышающія религіозно-патріотическую мысль и чувство, въ чемъ не худо бы подражать этимъ школамъ и другимъ заведеніямъ. Оттого въ нихъ законъ Божій, церковность православная, русская исторія, географія, русская и славянская словесность преподаются и изучаются съ такою полнотою, вниманіемъ и добросовѣстностью, что такое преподаваніе и изученіе сдѣлало бы честь любому, даже институтскому, образованію. Хозяйственная часть, рукодѣлія и счетоводство занимаютъ, въ програмѣ обученія дѣвицъ духовнаго званія тоже довольно видное мѣсто. Окончивъ свое образованіе въ такой школѣ, дѣвица не будетъ думать, что печеный хлѣбъ ростетъ на подобіе

грибовъ, что крупа падаетъ съ неба; она будетъ знать, что, какъ и когда нужно посѣять въ огородѣ, какъ ухаживать за разной птицей, скотиной, какъ изготовить дешевое, но вкусное блюдо, какая лучше метода стирки бѣлья, какъ обходиться, во всякомъ данномъ случаѣ, съ иглой, ножницами и утюгомъ, ее никто не обсчитаетъ, она даже не будетъ утверждать, подобно нѣкоторымъ пансіонеркамъ, что сама видѣла письмо, летѣвшее по телеграфной проволокѣ (*). Первая половина этой програмы приспособлена къ важнѣйшимъ потребностямъ человѣческаго духа, къ обязанностямъ христіянки и гражданки Россіи, матери и руководительницы будущаго поколѣнія; выполненіе второй половины програмы снабжаетъ питомицу данными, необходимыми для будущей хозяйки дома и помощницы мужа въ устройствѣ и поднятіи внѣшняго благосостоянія. Чтожъ тутъ, повторимъ по неволѣ,— специальнаго, „браминскаго, кастичнаго?“ Ужели только въ школахъ „для дѣвицъ духовнаго званія“ учатъ и должны учить любить Бога и Россію? Ужели никто, кромѣ дѣвицъ духовнаго происхожденія, не долженъ приготовляться къ обязаностямъ доброй хозяйки дома? Дай Богъ, чтобъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ было обращено такое же серьозное вниманіе на эти важныя стороны образованія русской женщины! Тогда жены меньше рождалибъ и *просвѣщали* нигилистовъ, космополитовъ, индифферентистовъ, тогда бы мужей ихъ меньше обкрадывали, обсчитывали разные аферисты и пролетаріи; тогда не мыслимы были бъ эти стриженыя дѣвы,— это униженіе женскаго пола, эта грязь человѣчества; тогда бы юноша смѣло могъ ввѣрить свою честь и жизнь, участь своего потомства и состоянія любой дѣвицѣ, не опасаясь со стороны ея мотовства или неразумія ни моральнаго, ни матеріальнаго. Такихъ именно русскихъ, православныхъ, скромныхъ дѣвицъ и желаютъ воспитать „училища для дѣвицъ духовнаго званія“, и тѣмъ хуже для тѣхъ юношей, которые предпочитаютъ имъ другой „породы“ дѣвицъ, не видятъ, не цѣнятъ въ нихъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ лучшее украшеніе, благоуханіе и богатство женскаго пола, и которыя достаются въ удѣлъ кандидатовъ священства по сочувствію только душъ, по сходству міросозерцанія, но отнюдь не потому, чтобъ эти дѣвицы давали подписки, не могли, не смѣли выходить за мужъ за юношей изъ другаго сословія, чтобъ „имъ на роду было

(*) Фактъ.

написано быть женами и матерями священниковъ." Мы увѣрены, что дѣвицы, годныя въ жены священниковъ, вовсе не застрахованы отъ всякаго другаго супружества и составили бы лучшихъ женъ для кого угодно.

Такимъ образомъ, „училища для дѣвицъ духовнаго званія" нисколько не страдаютъ тою односторонностью цѣли, характера, субъективности и объективности, которую имъ хотятъ навязать нѣкоторые, нисколько не противорѣчатъ принципу *необходимаго*, общаго образованія русской женщины, ни сколько не заявляютъ сами по себѣ замкнутости духовнаго сословія и даже не обнаруживаютъ той сословной исключительности, какою драпируется, напримѣръ, дворянскіе институты, такъ ревниво сторожащіе свои входы отъ вторженія въ нихъ дѣвицъ другихъ сословій, что нужны особыя усилія или протекція, чтобы двери этихъ заведеній открылись для весьма рѣдкихъ счасливицъ не дворянскаго происхожденія. Мы даже не совсѣмъ вѣрно назвали ихъ *счастливицами*; потому что двѣ-три дѣвицы, случайно попавшія въ эти заведенія изъ духовнаго, или купеческаго сословія, должны имѣть ангельскую доброту, чтобъ избѣжать со стороны бойкихъ и спѣсивыхъ барышень— подругъ тонкихъ намековъ на неумѣстность ихъ въ средѣ „благородныхъ дѣвицъ", а порой и грубыхъ попрековъ происхожденіемъ, — и ангельское терпѣніе и незлобіе духа, чтобы не прилагать этихъ намековъ и попрековъ къ сердцу.

Быть можетъ, нѣкоторыхъ публицистовъ раздражаетъ или вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что училища для дѣвицъ духовнаго происхожденія ввѣрены контролю духовнаго начальства? Напрасно! Если училища эти открыты по преимуществу для дѣвицъ духовнаго происхожденія; если духовенство желаетъ какъ можно крѣпче гарантировать умъ и сердце, школу и бытъ своихъ дѣтей отъ напора окружающаго, аттакующаго ихъ полонизма, латинизма и разнообразнаго нигилизма; если оно, въ возрастъ самой сильной воспріимчивости своихъ дѣтей, желаетъ непосредственно защищать ихъ отъ слабостей и пороковъ современнаго намъ общества и образованія; если окрѣплость православно-русскаго элемента составляетъ главную цѣль и отличителвную примѣту этихъ школъ; если духовенство, на поддержаніе ихъ, на образованіе своихъ дѣтей удѣляетъ небольшія крохи отъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ источниковъ: то

кому жъ и ввѣрить, по всѣмъ правамъ, контроль и руководство этихъ школъ, какъ не духовенству? Но и этотъ, весьма законный, контроль раздѣляетъ съ духовенствомъ еще одна личность,—мы разумѣемъ начальницъ училища, которыя не всегда выходятъ изъ среды духовнаго сословія, не всегда, поэтому, понимаютъ его бытъ, его нужды и характеръ необходимаго для него образованія, не всегда соотвѣтствуютъ, поэтому, видамъ и желаніямъ духовенства, и на выборъ и увольненіе которыхъ духовное начальство не всегда имѣетъ то прямое вліяніе, какое принадлежитъ ему безпорно, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Лишить такія школы контроля духовенства, значило бы нанесть ему самое тяжкое и безпричинное оскорбленіе и можетъ быть посягнуть на испорченность нравовъ его молодаго поколѣнія.

Смѣемъ думать, что всѣ эти соображенія внушили свѣтлому уму и женственному сердцу Великой Княжны, нынѣ Ея Величества Королевы Виртембергской, Ольги Николаевны первую счастливую, или точнѣе—вдохновенную мысль открытія„ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія“: Мы беремъ на себя эту смѣлость потому, что въ проэктѣ, начертанномъ Ея царственною рукою и положившемъ инициативу образованія дѣвицъ, до того времени, за весьма небольшими исключеніями, остававшихся почти безъ всякаго образованія,— проведено большинство намѣченныхъ въ настоящемъ размышленіи выводовъ и соображеній и указана цѣль и характеръ образованія тѣ самыя, которыя повторены теперь нами, и которыя остаются, как и должно быть, неизмѣнны и доселѣ. Но Ея Величество, королева Виртембергская не остановилась на одной моральной инициативѣ, на одномъ сознаніи и заявленіи важности и необходимости „училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.“— Она, съ обычной Ей щедростью, положила первый прочный камень и въ фундаментъ матеріальнаго зданія этихъ школъ, пожертвовавъ для того 15000 рублей серебромъ и расположивъ къ столь-же царственной щедрости и своихъ вѣнчанныхъ, блаженной памяти, Родителей. Идея распространенія такихъ школъ въ западной Россіи и осуществленіе ея обязаны многимъ покойному графу Блудову, вполнѣ понимавшему важность въ этомъ краѣ женщины русской, православной— безъ примѣси.— Съ тѣхъ поръ эти школы стали на прочномъ основаніи и приняты подъ непосредственное попеченіе и высокое покровительство вѣнчанныхъ Особъ—сперва достойной вѣчной памяти Госу-

дарыни Императрицы Александры Өеодоровны, потомъ преемственно — нынѣ царствующей Государыни Императрицы Маріи Александровны, осыпавшихъ и осыпающихъ эти школы знаками незабвеннаго вниманія и безпримѣрной благотворительности. Чтобы еще болѣе, такъ сказать, сроднить эти училища съ царствующимъ въ Россіи православной Домомъ, одно изъ такихъ, училищъ (житомирское) посвящено незабвенной памяти Государя Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича. Противъ такихъ ли училищъ, предначатыхъ и освященныхъ столь дорогими и приснопамятными для всякаго русскаго Именами, - противъ такихъ ли училищъ, съ такою инипіативой, такими цѣлями и результатами, съ такимъ огромнымъ, особенно въ Западной Россіи, значеніемъ, возставать руссной публицистикѣ?!!...

КРУПНЫЕ И МЕЛКІЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(По поводу газетныхъ толковъ объ этомъ предметѣ.)

Въ видахъ обрусѣнія dé facto западнаго края Россіи, правительство издало цѣлый рядъ постановленій, вѣрно направленныхъ къ усиленію въ странѣ русскаго землевладѣнія, — какъ радикальнаго средства къ достиженію этой великой и благотворной цѣли. Наша пресса, какъ и слѣдовало ожидать, сочувственно отнеслась къ этой мѣрѣ; не сошлись въ мнѣніяхъ нѣкоторыя газеты только на счетъ частностей, а особенно на счетъ рѣшенія вопроса: какое землевладѣніе будетъ полезнѣе для края и русскаго дѣла — крупное, или мелкое?

Министерство государственныхъ имуществъ, какъ судія самый компетентный въ спорномъ вопросѣ, рѣшило его *почти* въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ. Мнѣніе министерства состоялось не безъ содѣйствія, конечно, другихъ, столь же компетентныхъ въ дѣлѣ судей, и большинства голосовъ, раздавшихся со стороны передовыхъ людей русскаго общества. Не смотря на очевидность истины, нѣкоторыя газеты наши все еще протежируютъ крупное землевладѣніе

въ западной Россіи, все еще усиливаются доказать, что въ немъ одномъ — спасеніе и защита края отъ напора и преобладанія полонизма, что безъ него край обруситься не можетъ. Чтобы не резонировать, по примѣру нѣкоторыхъ публицистовъ нашихъ, голословно и бездоказательно, обратимъ вниманіе на тѣ положенія, которыми силится доказать нѣкоторыя газеты важность, въ данномъ намѣреніи, крупнаго землевладѣнія, и на тѣ очевидныя истины и явленія, изъ которыхъ обнаруживается несостоятельность этого мнѣнія.

Одна газета говоритъ: „правительство имѣетъ въ виду создать въ краѣ (западномъ) партію, противную польской шляхтѣ, и притомъ такую, которая въ состояніи была бы противодѣйствовать сильной польской нартіи, преимущественно польскихъ магнатовъ, которые до сихъ поръ держали край въ рукахъ; отъ нихъ зависѣли крестьяне, мелкая шляхта; вліяніе было на сторонѣ капитала и большой поземельной собственности. Поэтому, чтобы доставить перевѣсъ русскому элементу, нужно создать крупную поземельную собственность,.... надобно поддерживать не мелкихъ капиталистовъ,.... а крупныхъ.“

Мотивируя такимъ образомъ любимую свою тему, газета, извѣстная безъ названія, упустила изъ виду одно *маленькое* обстоятельство,— свободу крестьянъ. Просмотрѣвъ этого „слона“, газета неминуемо должна была наткнуться на тотъ софизмъ, съ которымъ мы сейчасъ познакомили своихъ читателей. Сама же газета говоритъ, что „магнаты до *сихъ поръ* держали край въ своихъ рукахъ, что отъ нихъ *зависѣли* крестьяне и шляхта.“ Что магнаты держали въ своихъ рукахъ край, изъ этого неслѣдуетъ, что они его держатъ, что они держали *до сихъ поръ,* изъ этого не видно, что они держатъ *теперь*, а особенно, что они могутъ и будутъ его держать. *Древняя* теперь *мимо идоша.* Могли когда то магнаты держать край въ рукахъ, когда ихъ была сила и воля, право и судъ, когда все остальное въ краѣ человѣчество была сила механическая въ рукахъ польскаго магнатства и чиновничества, когда народъ не имѣлъ права ни мыслить, ни желать, ни дѣйствовать вопреки мысли, желанію и дѣйствію панства, когда народа, какъ самоличнаго индивидуума, какъ собранія людей, вовсе не было, а былъ холопъ, рабочее животное, былъ предметъ, пригодный только для разныхъ панскихъ экспериментовъ — физическихъ, нравственныхъ, экономическихъ, соціальныхъ. Посмотрите, что значитъ теперь въ средѣ того же, да иного народа недавній магнатъ—повели-

тель! Магнатъ почти понизился до степени недавняго холопа — раба, холопъ почти поднялся до уровня магната. Первый чуть не „падалъ (въ 61, 62 и въ началѣ 63 годовъ) и не падаетъ до ногъ“, чуть не цѣлуетъ ножекъ послѣдняго, а послѣдній, при всемъ своемъ незлобіи, никакъ не можетъ забыть своихъ вѣковыхъ пытокъ, не можетъ не видѣть, не ощущать глубокихъ рубцовъ, оставшихся на его жизни послѣ тяжкихъ цѣпей, такъ долго въѣдавшихся въ его душу, въ его тѣло подъ милостивымъ „вліяніемъ“ ясновельможныхъ, „державшихъ край въ своихъ рукахъ.“ Тѣ самые холопы, которыхъ юноши и старцы, жены и дѣти, такъ еще недавно поливали магнатскія земли своимъ потомъ и кровью, не знали отдыха ни зимой ни лѣтомъ, ни въ будни ни въ праздникъ, теперь ни за какія деньги индѣ не соглашаются продать свой свободный трудъ тому же магнату и скорѣе пролежатъ оставшееся отъ своихъ занятій время на соломѣ, подъ тѣнью своего деревца, чѣмъ услужать недавнимъ своимъ мучителямъ. Мы знаемъ кое-какихъ магнатовъ, которые собрали свой хлѣбъ съ поля, сѣно съ луговъ только по милости квартировавшихъ въ ихъ имѣніяхъ войскъ и 40—50 копѣечной поденной за рабочій день платы; еще больше мы знаемъ магнатовъ, которыхъ хлѣбъ, на огромныхъ пространствахъ, остался вовсе не снятымъ, или снятъ за такую поденную плату, что поневолѣ вспомнишь пословицу: игра не стоитъ свѣчей. Да, между 19 февраля 1861 г. и 19 февраля 1866 г., мы словно пережили цѣлое столѣтіе; „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

Правда, магнатъ православно-русскій, быть можетъ, не встрѣтитъ въ западной Россіи такой оппозиціи со стороны народа, какую встрѣчаетъ и, кажется, будетъ встрѣчать магнатъ латино-польскій; быть можетъ даже, что народъ отнесется къ нему вполнѣ сочувственно и дружелюбно; но это *рѣшительно* не потому, что онъ магнатъ, или баринъ, крупный землевладѣлецъ, а потому, что онъ православный, русскій, что у него съ магнатомъ одни друзья и одни недруги, что онъ будетъ совершать съ бариномъ одни и тѣже праздники, молиться въ одномъ храмѣ, что между имъ и бариномъ нѣтъ старыхъ, крупныхъ счетовъ, что они связаны узами сосѣдства и возможностью взаимныхъ услугъ и одолженій. Мы даже не безъ основанія предполагаемъ, что народъ далеко не такъ симпатично отнесется къ магнату, какъ къ мелкому землевладѣльцу русскому и что первый далеко меньше будетъ имѣть на него вліянія, чѣмъ послѣдній. Это весьма естественно. Чѣмъ выше среда, въ которой по-

ставляетъ извѣстный человѣкъ, тѣмъ меньше можетъ онъ встрѣтить къ себѣ сочувствія въ человѣкѣ, стоящемъ на низшей ступени общественнаго значенія. У нихъ такъ мало общаго, міросозерцаніе ихъ такъ расходится, привычки ихъ, обычаи такъ розны, симпатіи, а иногда и антипатіи такъ не одинаковы, что интимное сосѣдство между ними и общность интересовъ мыслимы подъ условіемъ почти сверхъ-естественнаго приниженія и самоотверженія съ одной и подвышенія и перерожденія съ другой стороны. Для малорусскаго и бѣлорусскаго мужичка, чѣмъ крупнѣе панъ, тѣмъ онъ отнесется къ нему недовѣрчивѣе и лукавѣе, тѣмъ труднѣе онъ повѣритъ въ его къ себѣ снисхожденіе и дружелюбіе, тѣмъ дальше будетъ онъ держаться отъ него, не смотря ни на какія приманки и притяженія. Что бы ни говорилъ, чтобъ ни дѣлалъ крупный землевладѣлецъ, русскій мужичокъ будетъ смотрѣть на него трусливо, изъ подлобья, будетъ считать его заявленія — фразами, услуги — ловушкой. Его понятія о панѣ сложились такъ плотно, подъ внушеніемъ такихъ несчастныхъ историческихъ явленій, что онъ съ трудомъ отдѣлитъ въ своей головѣ идею крупнаго землевладѣльца русскаго, отъ идеи пана польскаго, что онъ никогда не сократитъ въ своемъ воображеніи того огромнаго разстоянія, въ какомъ находится его ничтожество отъ величія крупнаго землевладѣльца. А весьма легко можетъ случиться и то, что какой нибудь крупный землевладѣлецъ, соціальныя идеи котораго развивались подъ обаяніемъ герольдическихъ традицій, слагавшихся въ архивѣ 17 генерацій, спѣсиво отнесется къ своимъ сосѣдямъ, потребуетъ отъ нихъ густаго куренія своей особѣ, не только идеальнаго, но и матеріальнаго, вообразитъ себѣ, что для мужичка слишкомъ много чести работать на барской нивѣ за одно спасибо да за рюмку водки, что здѣшній мужичокъ на то, дескать, и созданъ, чтобы копаться въ землѣ да въ навозѣ, работать на пана да на жида. Все это вещи не невозможныя.

При извинительности такого взгляда мужичка на крупнаго русскаго пана, при возможности большей безпрепятственности такихъ отношеній послѣдняго къ первому, и на оборотъ, — весьма естественно предположить отрицательное, высокомѣрное, или даже отчасти — репрессивное вліяніе иного крупнаго землевладѣльца на окружающее его простолюдье. А такъ какъ эпоха панскихъ величій и репрессивныхъ вліяній миновалась невозвратно, то спѣсивый землевладѣлецъ скоро окажется въ изолированномъ положеніи, скоро восчувствуетъ

неудобства реакція со стороны громады, а *еюмосцы* весьма искусно воспользуются этими недоразуменіями, весьма ловко станут нашептывать что слѣдуетъ и мужичку и крупному землевладѣльцу, лишь бы натянуть до разрыва и безъ того натянутыя ихъ другъ къ другу отношенія. Можно ожидать, что подобныя внушенія будутъ сообщаться и чаще, и непосредственнѣе паномъ барину, чѣмъ мужичку. Естественнѣе предположить интимность, или хоть знакомство интеллигенціи съ интеллигенціей, чѣмъ „съ какимъ нибудь мужичьемъ." Нельзя же прожить на селѣ, словно въ темницѣ, весь вѣкъ, особнякомъ, безъ обоюднаго славянскаго гостепріимства, безъ практики въ французскомъ діалектѣ и проч. Загляните въ исторію западной Россіи, и вы увидите, кого скорѣе брала тамъ на арканъ латино-польская пропаганда: обыкновеннаго ли смертнаго, или магната; изъ какой среды больше, относительно, вышло космополитовъ, или ренегатовъ вѣры и народности, — изъ первой, или послѣдней. Да, въ немалыхъ случаяхъ, вліяніе крупнаго землевладѣльца на западный народъ русскій будетъ равняться нулю, если не хуже; народъ, въ подобныхъ случаяхъ, промѣняетъ только одного пана на другого.

Напрасно также газета обобщаетъ идею капитала съ идеей крупнаго землевладѣнія. Капиталы теперь вообще не у крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ среднемъ классѣ, и отчасти у мужичковъ. Мы знаемъ многихъ крупныхъ землевладѣльцовъ, имѣнія которыхъ продавались и будутъ продаваться съ публичнаго торга за частные и казенные долги; великому кораблю великое и плаванье. У весьма не многихъ крупныхъ помѣщиковъ сбережены дѣдовскіе, или, вѣрнѣе — прадѣдовскіе капиталы, да эти капиталисты и не рискнутъ достояніемъ своихъ предковъ и потомковъ для того, чтобы бросить вѣрное, оставить могилы отцевъ, оставить родину, родныхъ, и пуститься на сомнительную аферу, въ странѣ невѣдомой, между сосѣдями враждебными. Огромное большинство землевладѣльцевъ, хотя бы то и крупныхъ, не принесетъ съ собою капиталовъ въ западную Россію, а придетъ сюда за ними, — воспользуется случаемъ пріобрѣсти большее или меньшее имѣніе почти, или во все, безъ денегъ.

Но, положимъ, что крупный землевладѣлецъ или привезетъ съ собой, или создастъ на новосельи большіе капиталы, — можно ли несомнѣнно положиться, что эти капиталы сдѣлаются достояніемъ

страны, удобрять почву ея фабричности, меркантильности, поднимутъ довольство народа, прольютъ жизнь и свѣтъ въ краѣ, столь долго страдавшемъ отсутствіемъ и первой и послѣдняго? Весьма и весьма сомнительно! Не таковы привычки, замашки, намѣренія иныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ! Сами они рѣдко удостоятъ своимъ посѣщеніемъ новопріобрѣтенныя, неустроенныя свои имѣнія. Большую половину жизни они будутъ проводить въ столицахъ; большинство предметовъ прихоти и роскоши они выпишутъ либо изъ столицъ, либо еще скорѣе изъ заграницы, благо она подъ бокомъ; гувернеры и управляющіе ихъ наѣдутъ оттуда же и начнутъ первые портить умъ и сердце молодаго русскаго поколѣнія, послѣдніе станутъ хозяйничать не въ пользу хозяина, или, по крайней мѣрѣ, плотно придерживаясь пословицы — своя рубашка ближе къ тѣлу. Мы упускаемъ изъ виду шикозныя охоты, балы, вояжи и проч., и проч., въ которыхъ могутъ испариться и крупные капиталы, безъ пользы для страны, со вредомъ для крупныхъ землевладѣльцевъ и съ пользою для однихъ евреевъ, которые весьма скоро пронюхаютъ крупную поживу, легкую добычу, искусно впутаютъ барина въ сомнительную аферу, въ пору предложатъ ему денежныя услуги и заѣдятъ барина жидовскими процентами на проценты; а если еще барину захочется людей посмотрѣть и себя показать заграницей, судьбу его капиталовъ, участь его имѣнія весьма легко предсказать, не будучи не только пророкомъ, но даже пессимистомъ: деньги, что называется, уйдутъ въ трубу и, что еще вдвойнѣ прискорбнѣе, даже — не русскую. Такое предположеніе весьма логично: оно основано на извѣстномъ положеніи логики: ab esse ad posse valet consequentia; (*) а извѣстно, что нашихъ земляковъ живетъ заграницей болѣе 30,000, что огромное большинство ихъ составляютъ, конечно, крупные землевладѣльцы и что эти космополиты разоряютъ свое и наше отечество почти вдвое больше чѣмъ на цифру нашего дефицита, потому что разоряютъ его болѣе чѣмъ на 45,000,000, если даже принять за норму годовой расходъ каждаго вояжера въ 1500 рублей, — что, конечно, невозможно. Короче: крупный землевладѣлецъ едвали будетъ много способствовать обрусѣнію западной Россіи — и своею личностью, и своимъ вліяніемъ, и своею интеллигенціей, и своими капиталами.

(*) Т. е. отъ дѣйствительнаго къ возможному хорошо заключеніе.

Допустимъ, наконецъ, что крупный землевладѣлецъ, такъ или иначе, располагаетъ большими капиталами; допустимъ, что эти капиталы, всѣ безъ остатка, разсыпаны на пользу страны, на поднятіе въ краѣ русскихъ интересовъ; отъ чегожъ намъ не допустить и того, что тѣхъ же самыхъ результатовъ достигнутъ и мелкіе землевладѣльцы—если не порознь, то въ совокупности? Переложимъ эту мысль на цифры: крупный землевладѣлецъ пріобрѣтаетъ въ западной Россіи 20,000 десятинъ и располагаетъ оборотнымъ капиталомъ въ 30,000; тридцать, пятьдесятъ мелкихъ землевладѣльцевъ пріобрѣтаютъ тоже 20,000 десятинъ и располагаютъ— всѣ вмѣстѣ— оборотнымъ капиталовъ тоже въ 30,000,— какая-жъ разница выйдетъ между первыми тысячами и послѣдними, почему первыя тысячи принесутъ больше пользы краю, нежели послѣднія и почему пятьдесятъ человѣкъ не могутъ сдѣлать того, что можетъ сдѣлать одинъ Concordia res parrae crescunt; умъ хорошъ, а два лучше; если только между многими извѣстными дѣятелями будетъ согласіе (concordia), если дѣла (res) ихъ будутъ ведены съ умѣньемъ, естественнѣе предположить успѣхъ на сторонѣ компаніи, чѣмъ на сторонѣ изолированной личности, ошибка или неумѣнье которой можетъ испортить самое великолѣпное и вѣрное предпріятіе, какъ это случается сплошь-да-рядомъ. На это преимущество работъ компанейскихъ предъ особичными мы намекнули почти только для устраненія того возраженія, что крупный землевладѣлецъ (мы его признаемъ на время синонимомъ капиталиста) можетъ устроить въ широкихъ размѣрахъ фабрики, заводы,— почти для того только, чтобы доказать возможность устройства такихъ же заводовъ, фабрикъ компаніями и превосходство акціонернаго веденія дѣлъ фабричныхъ и заводскихъ на большой капиталъ, составленный изъ многихъ малыхъ капиталовъ. Что касается собственно сельско-хозяйственнаго производства, или земледѣлія, преимущество мелкаго землевладѣнія, при настоящемъ складѣ соціальныхъ отношеній, предъ крупнымъ такъ очевидно, что едвали нужно его и доказывать. Если ужъ непремѣнно нужно показать и оборотную сторону медали, то мы сдѣлаемъ это охотно,— хоть и торопливо. Мелкій землевладѣлецъ крѣпко будетъ дорожить своимъ маленькимъ затратнымъ капиталомъ, составляющимъ все достояніе его и его семейства; онъ самъ, его жена (мы ее предполагаемъ) зорко будутъ слѣдить за ходомъ своего негромоздкаго хозяйства; у него не будетъ ни охо-

ты, ни средствъ проживаться въ столицахъ и за границей; его капиталъ будетъ расходиться въ окружающей его средѣ; онъ не такъ высоко стоитъ надъ сосѣдями, чтобъ интимность взаимныхъ отношеній была немыслима или затрудняема,— и самъ онъ, и его вліяніе на окружающую среду будутъ de facto способствовать укрѣпленію въ странѣ быта русскаго. Уже то одно, что пятьдесятъ русскихъ семействъ, съ великорусскою (отчасти) прислугой, поселятся на извѣстномъ участкѣ западнаго края, далеко нагляднѣй и дѣйствительнѣе можетъ усилить и сформировать въ немъ жизнь русскую, чѣмъ сомнительное пребываніе въ немъ одного барина, съ заморскими замашками, а нерѣдко и съ тяготѣніемъ къ западу.

Чтобъ окончательно напугать мелкихъ землевладѣльцевъ, помянутая газета разсуждаетъ такъ: „Владѣлецъ долженъ выписать изъ великой Россіи управляющаго, который будетъ получать въ годъ не меньше 300 р., да обрабатывать землю вольнонаемнымъ трудомъ и потерпѣть чистый убытокъ, да заплатить ссуду, отъ чего имѣніе чрезъ годъ или два перейдетъ снова въ казну.“ Кромѣ того, говоритъ таже газета: „имѣнія страшно разорены.... и потребуютъ значительной затраты. Русскіе, продолжаетъ газета, очень хорошо понимаютъ, что при такихъ обстоятельствахъ и думать нечего о пріобрѣтеніи участковъ, опредѣленныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, почему не обращаютъ и вниманія на всѣ льготы, предоставленныя правительствомъ.“ Всѣ эти неудобства очевидно сочинены, а если отчасти и существуютъ, то всѣ онѣ такъ же могутъ озабочивать мелкаго, какъ и крупнаго землевладѣльца, а нѣкоторыя даже больше послѣдняго, чѣмъ перваго.

Если мелкій землевладѣлецъ (500 десятинъ) непремѣнно обязанъ имѣть управляющаго, если онъ долженъ будетъ „выписывать его изъ Россіи“ (а развѣ западный край Россіи не Россія?) и платить ему въ годъ minimum 300 руб.; то крупный землевладѣлецъ (5000 десятинъ) тѣмъ менѣе можетъ обойдтись безъ управляющаго; то онъ долженъ выписывать его уже изъ за границы и платить ему въ годъ 3,000 рублей. Но дѣло въ томъ, что мелкій землевладѣлецъ рѣшительно не имѣетъ нужды въ управляющемъ, особенно при настоящемъ складѣ нашей гражданствен-

ности и соціальныхъ отношеній. Онъ самъ можетъ заправлять своимъ небольшимъ хозяйствомъ; вести свою маленькую бухгалтерію; его семейные помогутъ ему въ этой несложной работѣ; много—много если ему понадобится личность, въ родѣ здѣшнихъ экономовъ,— для присмотра за работой и кое-какихъ мелкихъ услугъ и порученностей. Но и этотъ господинъ легко можетъ быть неуправляющій, выписанный изъ великой Россіи, съ 300 р. жалованья, а привезенный оттуда мелкимъ землевладѣльцемъ грамотный мужичокъ, съ русской честностью и сметкой, съ 50 рублевымъ жалованьемъ, на господскомъ содержаніи. Даже не за чѣмъ вывозить подобнаго господина слишкомъ издали, его можно найдти, съ большею пользою для дѣла, на мѣстѣ,—въ лицѣ грамотнаго, смышленаго, понимающаго народъ и веденіе здѣшняго хозяйства туземца—простолюдина. Такой надсмотрщикъ за добромъ и хозяйствомъ помѣщика съ охотой согласится исполнять свою должность во-все безъ жалованья, а только за безплатную аренду какихъ нибудь 15—20 десятинъ земли.

Неудобство въ веденіи сельскаго хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ равно касается и мелкаго и крупнаго землевладѣльца. Ужели послѣдній будетъ обработывать свою землю барщиной?... Если мелкому землевладѣльцу рабочія руки обойдутся въ 500 рублей, то крупному (при вышеуказанныхъ цифрахъ десятинъ) въ 5000, если не болѣе. Говоримъ: если не болѣе потому, что мелкій землевладѣлецъ, по причинамъ, указаннымъ выше, скорѣе найдетъ и дешевле найметъ рабочихъ, чѣмъ крупный. „Съ когожъ и взять,—скажетъ здѣшній мужичекъ, какъ не съ богатаго пана?“ Мелкій землевладѣлецъ не поженируется и самъ попроситъ пособія у сосѣдей въ обработкѣ земли, въ уборкѣ хлѣба съ поля, и нерѣдко управится съ своимъ хозяйствомъ посредствомъ трехъ толокъ, во время которыхъ истратитъ рублей около 50 на привольное угощеніе услужливыхъ и дружелюбныхъ сосѣдей. Нужно только со стороны мелкаго землевладѣльца маленькое умѣнье приспособиться къ здѣшнему добрѣйшему народу, не корчить предъ нимъ барина, жить съ нимъ по сосѣдски, оказывать мелкія услуги въ его нуждахъ, чтобъ жить, что называется, припѣваючи.

Конфискованныя и секвестрованныя имѣнія точно разорены, но разорены такъ же мелкія, какъ и крупныя, такъ что затрата капитала на устройство ихъ понадобится относительно равно-

верная, именно: если мелкій землевладѣлецъ употребитъ на этотъ предметъ 500 руб: то крупный 5000 и даже болѣе, потому что послѣдній захочетъ поставить свой домъ и усадьбу на барскую ногу, тогда какъ мелкій ограничится ничтожною починкой своего домишка мѣстными средствами и до окончанія этой работы проживетъ безъ скуки два-три мѣсяца въ крестьянской избѣ; а затрата 5000 р. слишкомъ будетъ чувствительна для большинства тѣхъ землевладѣльцовъ, которые переселятся въ западный край, тогда какъ 500 рублей найдутся у всякаго, особенно у людей, получающихъ пенсію или жалованье по службѣ, проходимой на мѣстѣ пріобрѣтенія поземельной собственности. Такихъ людей меньше затруднитъ, въ случаѣ дефицита, и взносъ въ казначейство небольшой ссудной суммы, чѣмъ крупнаго землевладѣльца, который долженъ вести свои дѣла очень осторожно, умѣючи, что называется съ прижимочкой, чтобъ выйдти, какъ говорятъ, на свое, быть состоятельнымъ плательщикомъ предъ казной и не разориться до рубашки.

Мы думаемъ, что на основаніи этихъ, а можетъ быть и другихъ, болѣе глубокихъ, соображеній, правительство признало болѣе раціональнымъ и цѣлесообразнымъ усиленіе въ западномъ краѣ русскаго элемента посредствомъ возможно большаго распространенія въ немъ средняго между крупнымъ и мелкимъ землевладѣнія русскаго. Теперь, когда дѣло это нужно считать порѣшеннымъ, мы моглибъ и не обращать вниманія на газетныя объ немъ разглагольствія, еслибъ эти разглагольствія не возставали противъ важныхъ, очевидныхъ истинъ, не преслѣдовали своего рода панскихъ тенденцій, не смущали, не сбивали съ толку людей, которые захотѣли бы посвятить свои средства и дѣятельность на усиленіе въ западной Россіи русскаго землевладѣнія. Большинство этихъ разглагольствій, какъ видятъ читатели, такъ несостоятельно, что мы коснулись ихъ мимоходомъ для того лишь, чтобы протежеры ихъ не могли сдѣлать лишняго хода, и чтобы, по случаю борьбы съ разными парадоксами, какими обставлена тема о землевладѣніи въ западномъ краѣ разными панами,—высказать тѣ доводы и соображенія, на которыхъ опирается истина,—чтобы сказать объ этомъ дѣлѣ послѣднее слово.

Кстати замѣтимъ, что таже газета постоянно трактуетъ „о поднятіи интересовъ, объ огражденіи (?) въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія“ (т. е. русскихъ землевладѣльцевъ), но ни разу не сказала, чего она хочетъ для этого землевладѣнія, какихъ она домогается для него привиллегій, исключеній. Извѣстно, что у этого землевладѣнія ничего не отнято, что оно никѣмъ и ничѣмъ не стѣснено въ мѣропріятіяхъ къ улучшенію своего хозяйства, къ поднятію заводскаго и фабричнаго производства, что оно пользуется даже, какъ и должно быть, многими льготами и преимуществами предъ польскими панами. Чтожъ ему дать еще, не нарушая законовъ справедливости и существующихъ постановленій? Не возвратить ли, лично для него, крѣпостное право, съ незабвенною барщиной, или хоть съ продолженіемъ обязательныхъ отношеній къ нему крестьянъ.?.....

Правда, ему можно дать преимущество въ средѣ землевладѣльческихъ конгрегацій и корпорацій, его можно примкнуть къ мировымъ учрежденіямъ; но первое ему дано уже и de jure, и de facto, а къ мировымъ учрежденіямъ нельзя примкнуть землевладѣльцевъ какъ въ интересахъ самого землевладѣнія, такъ и мировыхъ учрежденій. Землевладѣлецъ есть одна изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ томъ самомъ дѣлѣ, которое подлежитъ разбирательству этихъ учрежденій. Занявшись миротворствомъ, землевладѣлецъ забросилъ бы свое хозяйство и поставленъ былъ бы въ искушеніе клонить вѣсы правосудія на свою сторону — въ разбирательствѣ недоразумѣній между собой, или своими собратіями, и крестьянами.

IV.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОСРЕДНИКА.

Въ концѣ 1863 года, когда въ Вильнѣ не прекращались еще извѣстія о бродившихъ тамъ-сямъ мятежническихъ шайкахъ, когда, по временамъ, поражалъ воображеніе и тревожилъ сердце слухъ о казни того или другого виновника общихъ бѣдствій; великорусскіе люди, прибывшіе по вызову, на тяжелую службу въ сѣверозападный край, собирались въ одну дружную семью, въ единственно-свободное время, за обѣдомъ въ Европейской гостинницѣ.

Тамъ, за длиннымъ столомъ, велась оживленная бесѣда, сообщались извѣстія и впечатлѣнія дня; толковали о мѣрахъ по крестьянскому дѣлу, о необходимости однообразнаго повсюду примѣненія преподанныхъ правилъ, о единствѣ цѣли и единствѣ въ стремленіяхъ къ достиженію ея. Собесѣдники были все свои люди. Рѣдко-рѣдко появлялось незнакомое лицо помѣщика изъ инфляндскихъ или жмудьскихъ уѣздовъ, не совсѣмъ еще успокоенныхъ, пріѣхавшаго прислушаться къ общественному мнѣнію, къ тону распоряженій главнаго начальника края, и выразить, вошедшее въ систему, обжалованіе дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій.

Полякующее населеніе города уединилось тогда въ семьи и костелы, гдѣ оно возносило, какъ и теперь продолжаетъ возносить, горькія ламентаціи къ св. патронамъ старой Польши, къ идолу Рима, къ націи Франціи, моля о помощи противъ водворяемаго въ краѣ русскаго порядка. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ дѣятели съ восторгомъ сообщали о подъемѣ духа русскаго народа, о сочувствіи къ мѣрамъ, принимаемымъ для подавленія мятежа, о добродушномъ юморѣ бѣлорусскаго крестьянина, пробуждавшемся при облегченіи невыносимой дотолѣ участи.

Помню одинъ разсказъ: когда въ Ошмянскомъ уѣздѣ предсѣдатель повѣрочной коммиссіи объявилъ сельскому обществу о совершившемся выкупѣ, поздравилъ ихъ съ согласіемъ на его условія владѣльца (что значительно сокращало процедуру выкупной операціи, и что— между прочимъ— не помѣшало владѣльцу обжаловать выкупной актъ, по настоянію единовѣрцевъ-помѣщи-

ковъ); председатель, объявивъ, что Государю Императору угодно, чтобъ каждый изъ крестьянъ на своемъ дробномъ участкѣ былъ бы столь-же полновластнымъ хозяиномъ, какъ и помѣщикъ въ своемъ большомъ имѣніи; объяснивъ за тѣмъ необходимую взаимную зависимость крупнаго и мелкаго владѣльцевъ, — ибо первому нужна работа, а второму угодья, невошедшія въ его надѣлъ,— онъ пригласилъ крестьянъ поблагодарить г-на В.......о за уступчивость его, и тѣмъ дать коммиссіи увѣренность, что она оставляетъ имѣніе въ совершенномъ мирѣ. Изъ толпы крестьянъ выступилъ подстарокъ, лѣтъ сорока семи; лицо его обросло бородою, ибо онъ не брился во время двухъ-недѣльныхъ путешествій коммиссіи изъ деревни въ деревню, съ поля въ лѣсъ, изъ одной курной избы въ другую. Преждевременно сгорбленный станъ и глубокія морщины свидѣтельствовали, что мужичекъ навидался видовъ. Онъ вышелъ изъ толпы; не спуская глазъ съ помѣщика, который сидѣлъ на лавкѣ понуривъ голову, онъ согнулся въ поясной поклонъ и внятно проговорилъ: «дякуемъ-же (*dancke*) васъ паночку, и все панство, что вы взбунтовались: инакъ-бы намъ въ вѣкъ такаго добра не дочекаться.»

За однимъ изъ такихъ обѣдовъ, когда у насъ шла рѣчь о томъ какими способами, какими мѣрами, какимъ рядомъ мѣръ можно достигнуть полнѣйшаго объединенія здѣшняго края съ внутренними областями, отъ которыхъ долго отдѣляли его: невымершія шляхетскія городскія и мѣстечковыя привиллегіи, забитость народа, навязанные латинскою Польшею и въѣвшіеся въ складъ его жизни обычаи, предразсудки и превыше всего римскій обрядъ въ дѣлѣ вѣры,—обрядъ, который, идучи отъ принципа главенства папы, воплотился здѣсь въ ксендзѣ, панѣ, шляхтичѣ, домохозяинѣ и беземельномъ и безотрадномъ батракѣ, затопивъ инстинкты свободной души и свободной совѣсти въ морѣ польскихъ и польско-жмудьскихъ кантычекъ, текстъ которыхъ, обязательный для всякаго движенія ума, души и сердца, при запуганности пекломъ и чистилищемъ, при одуряющемъ свойствѣ звуковъ костельнаго органа, при безнравственномъ началѣ неженатаго ксендзовства, при непонятности языка прекрасной въ сущности, хотя и извращенной литургіи— создалъ несуществующее въ другихъ христіанскихъ странахъ полу въ вѣрованіи, въ жизни, въ обычаѣ, въ отношеніяхъ землевладѣльца, будь то панъ, шляхтичъ, домохозяинъ— къ беземельному батраку. И это—въ народѣ всецѣло русскомъ, по происхожденію, по языку и по нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ, недобитымъ ревнивымъ и скользящимъ по верху латинскимъ полячествомъ.

Я расказывалъ, какъ въ деревнѣ, къ удивленію моему, крестьянинъ, говорившій со мною по русски, назвалъ себя полякомъ, когда я спросилъ какого онъ вѣроисповѣданія. «Да ты по польски знаешь?»—Ни-ни.—«А въ костелѣ какъ тебѣ читаютъ?»— По польскому да по лацинскому.—«Въ нашихъ же церквахъ случалось

тебѣ быть?»— И не разъ; мы часто на-мшу (обѣдню) туда даемъ. Вотъ и теперь, чтобъ Бога подякова ть за волю царскую, мы къ свя щельнику ходили: ксендзъ не умѣетъ за Царя да за вольность нашу молиться.» — «А понимаешь-ли ты, что въ церкви священникъ читаетъ?»— Чему не понять: онъ по-просту читаетъ.— «Отъ чего же вы всѣ въ церковь не войдете?»— Нельзя, мы польской вяры.— Значитъ, заключилъ я расказъ: сущность полячества крестьянина не въ языкѣ вѣроисповѣданія и молитвы, а въ чемъ то другомъ, что едва ли не одно и самаго поляка отъ русскаго отдѣляетъ,— въ вѣрѣ, да въ обычаѣ. А при стремленіяхъ пановъ и шляхты къ старой гражданской Польшѣ, живущей доселѣ въ Царствѣ Польскомъ, не оттянете вы отъ Польши народъ переводомъ богослуженія польско-латинскаго на русскій языкъ; онъ останется еще крѣпче привязаннымъ къ костелу (*); а костелъ преисполненъ преданій и завѣтовъ старой Польски въ *Communio Sanctorum*, въ братствахъ, въ календарѣ святыхъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ, освященныхъ костельными торжествами....

Противъ меня сидѣлъ и внимательно слушалъ незнакомый всѣмъ намъ господинъ, съ подстриженною сивою бородкою, съ ястребинымъ взглядомъ, съ улыбкою нѣсколько сардоническою.

—Ничего вамъ господа не сдѣлать, если не рѣшитесь пройти обратно весь тотъ путь, который прошли іезуиты для ополяченья здѣшняго края.— Такъ отозвался неожиданно и непрошенно сидѣвшій противъ меня незнакомецъ. И не въ одномъ русскомъ сердцѣ присутствовавшихъ собесѣдниковъ непріятно зазвучалъ дидактическій тонъ вмѣшавшагося въ разговоръ господина. Ну свойсвенно-ли русскому человѣку, въ основѣ понятій котораго сознательно или безсознательно лежитъ православная терпимость, даже подумать о возможности приняться за іезуитскую дѣятельность: въ которой воспитываетъ въ латинскомъ мірѣ людей начало римскаго папства? Намъ свойственнѣе повторять Святославову рѣчь «Иду на васъ», и ложиться въ землю костьми— «мертвіи бо сраму не имутъ», нежели пускаться въ лабиринтъ іезуитскихъ ухищреній, римскихъ подкоповъ, польско-латинскихъ вонючихъ камуфлетовъ, разряжающихся убійствами подъ покровомъ ночи, послѣ фанатической молитвы, оскорбляющей благость Божію‘ въ костелахъ, называемыхъ христіанскими храмами!....

Послѣ обѣда подошелъ ко мнѣ маіоръ П. и спросилъ: — а вы не знаете кто этотъ господинъ? — «Нѣтъ.» — Презамѣчательный, батюшка, онъ латинянинъ, помѣщикъ Н. уѣзда, фамилія его какая-то мудреная. Онъ являлся сегодня къ Михаилу Николаевичу: предлагалъ принять православіе, построить въ имѣніи церковь, пожертвовать на часовню четыреста рублей: просто чудеса! хо-

(*) Мы совершенно противнаго мнѣнія съ авторомъ, въ этомъ отношенія. *Ред.*

тите съ нимъ познакомиться?»— Охотно, приходите ко мнѣ на верхъ чай пить.

Чрезъ полчаса, сидя въ своемъ номерѣ, я услышалъ раздававшіеся по корридору зычный голосъ маіора и вкрадчивый голосокъ незнакомца, приближавшіеся ко мнѣ.

Изъ послѣдовавшаго разговора узналъ я, что господинъ съ мудреною фамиліею дѣйствительно пріѣхалъ съ предложеніемъ принять его съ четырья сыновьями въ православную церковь; жену и дочь онъ не тревожитъ, оставляя ихъ въ евангелическомъ исповѣданіи; желаетъ онъ вызвать изъ внутреннихъ губерній безземельныхъ (?) крестьянъ, отдать имъ всю оставшуюся у него за надѣломъ землю на выкупъ, на общихъ основаніяхъ; построить для нихъ церковь и присутствіемъ ихъ въ краѣ надѣется вліять на обрусѣніе сосѣднихъ ополяченныхъ крестьянъ. Все это онъ дѣлаетъ не изъ религіознаго убѣжденія, ибо въ этомъ отношеніи ему болѣе нравится исповѣданіе жены,— легче какъ-то, промолвилъ онъ цинически, двигаетъ-же имъ политическая необходимость: онъ предвидитъ паденіе въ краѣ латинства, да къ томужъ ему хочется воспользоваться тѣми льготами, которыя вѣроятно правительство дастъ православному населенію. Ополяченный латинскою вѣрою народъ онъ полагаетъ возможнымъ привлечь немедленно къ православію, предложивъ имъ, какъ поощреніе, уменьшенную оцѣнку ихъ надѣла,— но ужъ не такую, конечно, которая разорила бы помѣщиковъ, ибо и сіи могутъ пригодиться.

«Что же на все это отвѣчалъ вамъ Михаилъ Николаевичъ?

— Когда я высказалъ началнику края все-то, что теперь передалъ вамъ, онъ еще разъ спросилъ меня: такъ сколько дѣтей вы присоединяете къ православной церкви? — Четырехъ, отвѣчалъ я. — «Ну хорошо: дастъ Богъ, эти сдѣлаются порядочными людьми.»

Много воды утекло со времени этого разговора,—прошло слишкомъ два года. Въ различныхъ концахъ этого края, много сужденій объ этомъ предметѣ пришлось мнѣ услышать. Помню одного О—го барина, который назвалъ негодяемъ моего виленскаго знакомца, а о себѣ сказалъ, что если бы его обстоятельства довели до необходимости отказаться отъ римской вѣры, то онъ ни за что не пошолъ-бы въ православіе: «что за охота? тѣже посты, тѣже лишенія,— да еще строже пожалуй: то ли дѣло протестантство: не тяготитъ, не обязываетъ, и желудокъ никогда не беспокоитъ.» — Потомъ, помню цѣлое общество Д—хъ помѣщиковъ, которые въ проэктѣ всеподданнѣйшаго адреса выражали убѣжденіе свое въ необходимости разъ навсегда отказаться отъ вліяній Варшавы и Рима; просили назвать ихъ русскими, отобрать у нихъ всѣ польскія книги, позволить имъ бросить фамиліи навязанныя имъ польскими королями, и принять по нормандскому обычаю, новыя прозвища; перевести имъ римскую литургію на русскій языкъ, и, возвративъ право служить своему Государю на

всѣхъ степеняхъ государственной службы, дать имъ слиться съ русскими въ вѣрѣ.» Отчего же вы прямо не заявляли желанія присоединиться къ православной Церкви? — «Первоначальный текстъ адреса такъ и былъ мною составленъ; но предводитель нашъ (генералъ русской службы) замѣтилъ, что этимъ можетъ оскорбиться правительство, которое заключило съ римскою церковію конкордатъ. (Къ сожалѣнію, я забылъ удостовѣриться отъ разсказщика, представленъ ли былъ на самомъ дѣлѣ этотъ адрессъ, или остался только проэктомъ.) Но какъ-бы то ни было, продолжалъ авторъ адреса, только скорѣе, скорѣе что нибудь нужно дѣлать; мы видимъ, что насъ тѣснятъ; контрибуціями хотятъ заставить продать имѣнія; поощряютъ великорусскихъ покупщиковъ (дѣло было въ 1864 г.). — «Какъ нестыдно вамъ? вы сами знаете разстройство вашихъ хозяйствъ; вы знаете отсутствіе всякой промышленной дѣятельности въ краѣ; поощряя на покупку здѣсь имѣній великорусскихъ людей, правительство просто хочетъ прилива свѣжихъ силъ, свободныхъ капиталовъ. — «Да! хорошо если бы пріѣхали покупать имѣнія люди — нашъ братъ, съ которыми можно было-бы идти душа въ душу, рука въ руку, — а то наѣдутъ бородачи этакіе....—

Помню еще въ томъ же уѣздѣ барыню, княгиню Л—ю, которая, послѣ утомительнаго разбора жалобы молодаго крестьянина-сироты на отнятіе мужемъ княгини всего скота, всего хозяйства покойнаго его отца, — отказывалась вознаградить очевидную и доказанную несправедливость; и горячо защищаясь, что не она, а мужъ ея въ томъ виновенъ, глотала, въ перемѣшку со слезами нервнаго раздраженія, ложку за ложкой малину со сливками. Посредникъ, — письмоводителю котораго она, въ утро того же дня, дерзнула, съ цѣлію *étre au courrant des affaires*, дать денегъ, стоя предъ нею, взывалъ ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыхъ тайники предполагалъ онъ только заглушенными въ ней латино-польскою пыхою, взывалъ къ памяти ея мужа, къ дѣтямъ, которые, быть можетъ, несутъ на себѣ тяжесть проклятій и стоновъ неоправданныхъ бѣдняковъ: — княгиня оставалась непреклонной. Собесѣдникъ напомнилъ, что сливки, которыя она кушаетъ, можетъ быть, идутъ отъ той коровы, которая отнята у сироты: княгиня возмутилась и бросила ложку, скушавъ послѣднія капли розовой жидкости. Собесѣдникъ сталъ взывать къ памяти ея славныхъ предковъ, столповъ и подвижниковъ православія и русской народности въ краѣ: княгиня положительно возмутилась, и изъ глубины своего кресла, обнаживъ немолодое уже плечико, съ драматическимъ жестомъ вскрикнула: *Taisez-vous, monsieur! mon pays se meurt, et vous voulez que je l'abjure.* (*)

(*) Что говорите вы? моя отчизна гибнетъ, а вы призываете меня къ отреченію.

Вспоминаю еще одно здѣшнее свѣтило, столбъ учености по части краевой археологіи, графа Т—а, который, показывая портреты предковъ, съ гордостію именовалъ дѣятелей изъ своего рода, канцлеровъ, скарбіевъ, монахинь, служившихъ въ XVII и XVIII вѣкѣ вѣрою и правдою латино-польской идеѣ на русской Литвѣ; онъ прошелъ мимо тутъ-же стоявшаго надгробнаго памятника, надпись коего скромно гласила славянскимъ полууставомъ, что въ 1558 году представился рабъ Божій Остафей Васильевичъ Т—чъ. «Зачѣмъ держите вы, графъ, рядомъ съ ополяченными предками памятникъ православнаго родоначальника, предъ которымъ потомки его могутъ устыдиться?»

— Ничего; вѣдь гораздо прежде еще предки мои были язычниками....—

Таковы краевыя воззрѣнія на религію и на патріотизмъ; а вотъ образчики воззрѣній на общественное благоустройство.

Въ Д. уѣздѣ одинъ подпоручикъ Ку—вичъ подалъ посреднику жалобу на то, что сосѣдніе съ его усадьбою крестьяне не даютъ ему владѣть землею, которую онъ недавно, мѣсяца три назадъ купилъ отъ ихъ бывшаго помѣщика. Въ уѣздѣ этомъ, отдаленномъ отъ центральнаго управленія, забытомъ людьми и начальствомъ, гдѣ военную власть держалъ въ рукахъ полякующій полковникъ, гдѣ предводительствовалъ протестующій доселѣ противу положеній 19-го февраля отставной генералъ-маіоръ — въ лѣто спасенія 1864 царило во всей силѣ крѣпостное состояніе крестьянъ. Гг. помѣщики, съ помощію своихъ мировыхъ посредниковъ, такъ называемаго польскаго происхожденія, поспѣшили, предваряя правила, совершить quasi-полюбовное разверстаніе угодій такимъ образомъ, что за крестьянами оставили ихъ усадебную, полевую и сколько приходилось между пахаты покосную землю, съ платою по три рубля отъ десятины. Оставшуюся-же, въ лѣсныхъ покосахъ и пастбищахъ оставили за собою, опираясь на совѣтѣ вліятельнаго собрата изъ Литвы, пролившаго въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество, который писалъ такъ: «нигдѣ въ уставахъ не сказано, чтобы, ежели не достаетъ у крестьянъ пастбищной земли, надѣлять ихъ таковою по моргу.» Такъ и сдѣлали; ни въ одной уставной грамотѣ не показали ни лѣсныхъ покосовъ, ни пастбищъ, бывшихъ въ пользованіи крестьянъ за повинности; и отдѣленную, и легальнымъ способомъ отмежованную отъ крестьянъ землю стали имъ отдавать за quasi-добровольно условную работу отъ двухъ до пяти дней съ двора въ недѣлю. Какъ видите, уѣздъ составлялъ медвѣжій уголъ, непочатой край забитыхъ крестьянъ, которые два года только назадъ выдержали экспедицію храбраго Абрамсона (*), приходившаго оружіемъ и розгами разъяснять темнымъ людямъ свѣтлыя стороны мѣстнаго положенія.

Возвращаюсь къ моему Ку—вичу. Жалоба на насилія крестьянъ до крайности удивила посредника, которому доселѣ прихо-

(*) Не Кренкенсона-ли только?

дилось встрѣчаться только съ совершенно противоположными заявленіями. Назначивъ срокъ, на пути въ городъ, вмѣстѣ съ прибалтійскимъ барономъ, пріѣхавшимъ въ уѣздъ поучиться хозяйству у полякующихъ, въ красный іюнскій полдень, прибылъ посредникъ на мѣсто. Миновалъ хорошенькій, уютный господскій домъ продавицы, стоящій вотъ-вотъ отъ большой дороги, миновавъ деревню въ двадцать семь разваливающихся хатъ, въ которыхъ жили злые обидчики скромнаго подпоручика; миновавъ деревенское поле съ перелѣскомъ, путники прибыли на спорную землю. Земля эта какъ разъ лежитъ между крестьянскимъ полемъ и межою г. Ку—вича, и на ней ясно видно продолженіе полосъ крестьянскаго поля, невспаханныхъ послѣ яроваго минувшею осенью и ожидающихъ удобренія подъ паръ. Подпоручикъ предъявилъ купчую, писанную въ апрѣлѣ, по польски, на простой бумагѣ, нигдѣ неявленную, и въ которой послѣдняя статья говорила, что если означенная продажа не будетъ утверждена начальствомъ, то продавица обязана возвратить покупщику взятыя деньги восемьсотъ рублей. А продавица, изъ знатнаго дома Подбипятовъ, въ апрѣлѣ нуждалась въ деньгахъ, для облегченія участи мужа, сидѣвшаго за участіе въ мятежѣ въ Двинигородской крѣпости. Крестьяне, объявляя о семъ, утверждали, что спорная земля составляла исконное ихъ пользованіе, и, въ послѣдніе десять лѣтъ, посѣвъ на ней господскаго льна, съ уборкою ихъ трудомъ, служилъ обезпеченіемъ исправнаго взноса государственныхъ повинностей.

Пошли по межѣ; дошли до озера; взглянули на разстилавшіеся луга сосѣднихъ владѣльцевъ, рядомъ съ усадьбою г. Ку—вича, отъ которой новая межа дѣлала совершенно неправильное уклоненіе. На обратномъ пути, посредникъ, окруженный тяжущимися, увидѣлъ вдали, ѣхавшую къ нимъ на встрѣчу телѣжку, въ которой сидѣли пани и слуга. «А вотъ и наша К....овская, сказали крестьяне. Посредникъ взялъ на лѣво — телѣжка взяла на право; посредникъ взялъ лѣвѣй — телѣжка взяла правѣе. Наконецъ на пути встрѣтился болотистый оврагъ, отъ котораго телѣжка повернула назадъ и остановилась у креста на распутьѣ. У этого креста сошлись посредникъ съ своимъ товарищемъ, тяжущіеся и пани, сидѣвшая въ телѣжкѣ.

Пани, прехорошенькая блондинка съ густыми русыми косами, сдавленными гарибальдійкой, на которой торчало красное перо — москальска кревъ. Стройный станъ ея облекало черное суконное платье съ плерезами; станъ стягивалъ литовскій пасъ съ огромною бляхой, на которой красовались гербы Литвы и Польши. Черныя перчатки оканчивались у полулоктя лакированными раструбами. Изъ подъ черной сукни выглядывала кокетливо ножка въ лакированомъ крошечномъ сапожкѣ. У барона намокли углушки рта.

«Я мамъ гоноръ.... и проч. начала кшипшившикать хорошенькая мятежница.

Безстрастный посредникъ не понималъ по польски, невѣжда! «J'ai l'honneur.... и проч. принялась, грасируя пани.

Невѣжда посредникъ моталъ головой.

«Але штожъ я буду дьелать! я не умьею говорить по московски. Мине срамъ говорить съ паномъ посредникомъ по хлопску...»

— Продолжайте, сударыня, я васъ понимаю.

«Я принесла плянъ,—начала мятежница, и продолжала очень чисто по русски;— чтобъ доказать, что земля, на которую притязаютъ хлопы, есть наша собственная; она называется Станиславувка, въ честь мужа моего, а не такъ, какъ ее называютъ.... эти.... хлопы.

Посредникъ сталъ разсматривать планъ 1814 года, на которомъ спорная земля значилась деревенскою. Свѣжею краскою наведена была новая межа, и позднѣйшими чернилами написана была злосчастная Станиславувка.

— Сударыня, началъ послѣ внимательнаго обсужденія посредникъ: спорная земля, и по вашимъ словамъ до прошедшаго года обеспечивала уплату крестьянами государственныхъ повинностей; купчая не имѣетъ ни малѣйшей тѣни законности; представленный вами планъ поддѣланъ; я его приму къ дѣлу; мнѣ кажется, что крестьяне имѣютъ полное право на проданную вами г. подпоручику землю.

«Какъ легко отдавать чужое, произнесла патетически хорошенькая пани, съ миною глубочайшаго презрѣнія,—и разомъ, перемѣнивъ ее на привѣтливую, сказала: а можетъ панъ посредникъ не откажетъ заѣхать ко мнѣ выпить шклянку гербаты?

Посредникъ уклончиво отговорился.

Отойдя въ сторону, сѣлъ онъ на край полевой канавы, досталъ изъ портфеля бумагу, и принялся писать на колѣняхъ изложеніе дѣла съ рѣшеніемъ. Подошелъ прибалтійскій баронъ.

«Послушайте, *cher collegue,* началъ онъ: *votre decision est injuste;* какъ основывать принадлежиость земли на обязательствѣ обработывать ее, хотя бы-то для исполненія государственныхъ повинностей....»

— Не знаю, баронъ; я не стою за непререкаемую справедливость моего рѣшенія. Г-жа К....овская имѣетъ тридцать дней на обжалованье его въ губернскомъ присутствіи.

Рѣшеніе написано, подписано и объявлено. Въ него вошли условія вознагражденія крестьянъ за работу, на случай, если бы губернское присутствіе не признало ихъ правъ на землю.

Пани горделиво выслушала чтеніе; она отказалась подписать объявленіе ей рѣшенія за неумѣніемъ грамотѣ. Подпоручикъ отказывался — ибо дѣло его не касается; и только тѣмъ доводомъ убѣдился, что по его вѣдь просьбѣ и назначено было разбирательство. Пани сѣла въ телѣжку; изъ нея, какъ бы изъ тріум-

фальной колесницы, послала ни къ кому лично не относившійся горделивый поклонъ и поѣхала.

Чрезъ четверть часа тронулись и мы съ барономъ, отказавшись отъ принужденно-радушнаго приглашенія подпоручика отдохнуть у него въ домѣ.

Въѣзжая въ деревню, издали, на другомъ концѣ ея, увидѣли мы телѣжку Г-жи К....овской и ее саму, разговаривающую съ какою-то женщиною.

« Видите ли, началъ баронъ, какъ вы несправедливы, обвиняя полекъ въ недоброжелательствѣ къ хлопамъ. Видите ли, какъ она добродушно разговариваетъ съ деревенской женщиной.

— Поручусь, баронъ, что собесѣдница ея жидовка.

Такъ и вышло. Когда мы ровнялись съ паней, добродушно бесѣдовавшей съ шинкаркою — этою піявкой принадлежавшей ей деревни, г-жа К....овская закричала:

« Господинъ посредникъ, господинъ посредникъ!.... я имѣю до васъ интересъ.

Посредникъ вышелъ: —Что вамъ угодно, сударыня?

« Вотъ хлопы обижаютъ гету бѣдную женщину.» Посредникъ занесъ въ свою книжку жалобу еврейки.

« Очень прошу васъ, начала опять хорошенькая мятежница, заѣдьте ко мнѣ пить гербату.»

— Послушайте, милая пани; мнѣ жаль вашей молодости,— сказалъ ей посредникъ....

« Ахъ! будьте мнѣ другомъ....

— Позвольте; мнѣ жаль, что вы, по легкомыслію своему, являетесь даже предъ крестьянами, которые, знаете, не имѣютъ повода вамъ доброжелательствовать, въ полномъ нарядѣ мятежницы: къ чему эти символы безплоднаго возстанія, которое уже столько зла вамъ надѣлало и васъ лишило мужа?...

« Моего мужа скоро выпустятъ.... мнѣ обѣщалъ П......

— Но пока его выпустятъ, съ васъ возьмутъ штрафъ за эти глупые символы.»

Пани смѣряла посредника съ ногъ до головы: «Я думаю, что гето діело полиціи.

—Да вѣдь дѣло общественнаго благоустройства, лежитъ близко къ сердцу каждаго гражданина.

« Я думала, что имѣю дѣло съ человѣкомъ цивилизованнымъ...»

Посредникъ представилъ ей барона, и продолжалъ:

— Вы сказали цивилизованный; да вѣдь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ каждый членъ общества есть хранитель общественнаго благоустройства.

« Да, то можетъ быть въ странахъ цивилизованныхъ, але не въ нашей барбажинской.... Да вы, что....

— Я вмѣстѣ съ другими изъ внутреннихъ губерній и пріѣхалъ, чтобы внести въ страну вашу неизвѣстную ей цивилизацію.... по-

рядка и правды.... Поэтому, и серьезно, какъ чиновникъ, и сердечно, какъ человѣкъ, прошу васъ, снимите этотъ поясъ.

« Никогда! съ сердцемъ моимъ его отъ меня вырвуть.

— До сердца вашего никому дѣла нѣтъ, а штрафъ заплатите.

« Нѣтъ,— вы гетого не сдѣлаете.

— Сдѣлаю, если не снимете пояса, и не отречетесь отъ вашихъ гадкихъ чувствъ, неприличныхъ такой хорошенькой женщинѣ.

« Заѣдьте ко мнѣ гербату выпить.

— А поясъ снимете?

« Нѣтъ.... можетъ быть....

— Скажите навѣрное; и по русски говорить будете?

« О, да.

— Баронъ угодно?... Баронъ быстро выскочилъ изъ телѣги... и два спутника зашли къ интересной пани.

Четверть часовое пребываніе въ домѣ неисправимой мятежницы заслуживаетъ особаго описанія: но ей! ей! скверно вспоминать гостепріимство, при которомъ, подавая вамъ чай, хозяйка отхлебываетъ отъ него глотокъ, чтобы увѣрить васъ въ его безвредности— что-ли; при этомъ наповалъ ругаетъ русское правительство; не хочетъ сознаться, что между русскимъ и ополяченнымъ литвиномъ единственное средостѣніе — это ксендзъ, та латинская чужеядка, которая запустила свои корни подъ здоровую славянскую древесину. И при этомъ слезы— нервныя, улыбка— сирены, жалобы— желчи, движенія— вакханки....

Недѣлю спустя, она заплатила двадцать пять рублей штрафа, по рѣшенію военнаго начальника.

Переношусь памятью въ глубь Жмуди, въ П......й уѣздъ, перерѣзанный рѣчками, болотами, перелѣсками, лѣсами, и гдѣ пресловутая Зеленка (лѣсъ на границѣ П.....го и В....го уѣздовъ) дала столь печальный пріютъ виновникамъ, вожакамъ и жертвамъ печальной памяти мятежа 1863 г.

Старая Жмудь, святая, какъ называютъ ее послѣдователи римскаго обряда, очевиднѣе другихъ областей сѣверо-западной нашей окраины, носитъ на себѣ слѣды религіозныхъ и политическихъ насилій олатиненной Польши. Безъусловный фанатизмъ крестьянъ по отношенію къ обрядности, составляющей всю сущность ихъ вѣрованій, служитъ причиною, что всѣ навязкваемыя здѣшнему краю латинскія обоготворенія пустили корни глубже, и живучи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Жмудь, изъ міра языческаго переведенная подъ мечемъ крестоносцевъ и Ягеллы въ область христіанскую, съ трудомъ разставалась съ языческими обрядами и обычаемъ. Уважая этотъ рычагъ, индульгентное римское духовенство создало для Жмуди особаго рода христіанство, въ которомъ, такъ сказать, всѣ лица Божества, всѣ обряды церкви, всѣ символы вѣрованій, весь календарь святыхъ примѣнены были къ языческимъ понятіямъ кроткаго, ди-

каго въ лѣсахъ своихъ, населенія — при единственномъ условіи безропотнаго повиновенія жрецамъ новаго закона.

Это язычество (*) каждому побывавшему на Жмуди дѣлается осязательнымъ. Празднованіе купалойца, о которомъ расказано было въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1865 г.; сдѣланный въ томъ-же Вѣстникѣ за 1864 годъ разборъ молитвенниковъ, этой единственной, созданной латинскимъ клиромъ для Жмуди литературы, и разсказъ «Святая Жмудь», въ «Вѣстникѣ западной Россіи», уясняютъ умственное состояніе жмудьскаго крестьянства. Нравственное состояніе, столь сильно вліяющее на гражданскій бытъ населенія, бросается въ глаза. Тамъ, гдѣ женщина, дѣвушка, считаютъ для себя освященіемъ преступную связь съ лицомъ, принадлежащимъ къ клиру; гдѣ всякое преступленіе, не исключая кровосмѣшенія и дѣтоубійства, покрываются снисходительною индульгенціей, подъ единственнымъ условіемъ вѣры въ непогрѣшимость человѣка, стоящаго въ главѣ клира, тамъ должны являться воплощенными въ гражданскую жизнь всѣ виды разительнѣйшаго уродства.

И они являются. Являются въ формѣ огромныхъ семей, гдѣ всѣ братья и сестры, давъ обѣтъ безбрачія, представляютъ изъ себя прудоновскій фаланстеръ, въ которомъ дѣтки суть общее произведеніе и достояніе; тамъ онѣ воспитываются общими усиліями и проводятся на общій счетъ чрезъ четыре класса гимназіи — къ ступенямъ алтаря. По упраздненіи монастырей, принимавшихъ въ 1831 году дѣятельное участіе въ мятежѣ, образовалось въ сороковыхъ годахъ братство красного шкаплера, которое переноситъ уставы монашескіе и ихъ дисциплину въ семейную и общинную жизнь: вотъ объясненіе уродства безбрачныхъ семей, изъ которыхъ набираются ретивѣйшіе девоты и девотки, вѣрнѣйшіе преводники въ народъ всякой политико-религіозной пропаганды.

Латинское понятіе духовнаго главенства и первенства породило и развило въ громадныхъ размѣрахъ батрачество. Люди, читающіе грамоту народной жизни по верхамъ, незнакомые съ ея азбукой, остаются весьма довольны сравнительнымъ благосостояніемъ жмудьскаго и литовско-русскаго мужика-домохозяина, предъ тягостнымъ по видимому положеніемъ велико-русскаго крестьянина, связаннаго въ своей волѣ общинною обязанностію — заботиться о благосостояніи семьи, дома. Дѣйствительно, жмудьскій крестьянинъ-домохозяинъ одѣвается въ сюртукъ, пьетъ кофе и кисленькое покупное вино, ѣстъ круглый годъ мясо: подбородокъ его, чисто выбритый, круглъ и гладокъ. Въ божниче жмогусъ (**) ѣдетъ по праздникамъ въ телѣжкѣ съ женою — но не съ дѣтьми — на жмудьскомъ рысакѣ. Поле жмогуса хорошо воздѣлано и даетъ обильный урожай. Произведенія своего поля жмогусъ ве-

(*) „Святая Жмудь" въ 3 кн. Вѣст. Зап. Россіи.
(**) Жмогусъ — человѣкъ, такъ называютъ себя жмудины.

зеть даже изъ Россіенскаго уѣзда въ Ригу, гдѣ, впрочемъ, далѣе этого берега Двины его не пускаютъ, обязывая, по нѣмецкимъ законамъ, продать зерно на этой сторонѣ, такъ, что изъ всѣхъ каждогодно ѣздящихъ съ хлѣбомъ въ Ригу, я не встрѣтилъ ни одного, который бы побывалъ въ этомъ городѣ.

Но такихъ жмогусовъ домохозяевъ одна шестая часть населенія, остальные безземельные и безправные (по мѣстнымъ условіямъ батракъ не имѣетъ голоса на сельскомъ сходѣ). Эти безземельные дѣлятся на батраковъ и кутниковъ. Люди эти, свободные въ своемъ *freye Bewegunug* обеспечены на столько, на сколько имъ служатъ ихъ физическія силы; батракъ въ полномъ смыслѣ вольная птица, но не далѣе предѣловъ своего общества, изъ котораго собраніе домохозяевъ не легко выпускаетъ его, разсчитывая справедливо, что чѣмъ болѣе оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи работниковъ, тѣмъ дешевле обойдется ему обработка его полей. Батракъ не женится потому, что бытъ его ничѣмъ не обеспеченъ. Женившійся спѣшитъ попасть въ кутники, т. е. нанимаетъ у домохозяина уголъ съ клочкомъ огорода, за который по большей части отработываетъ личнымъ трудомъ. Самъ домохозяинъ есть личный собственникъ своего участка, и въ правѣ его собственности не участвуетъ ни одинъ изъ членовъ его семьи, которою онъ тѣмъ полновластнѣе распоряжается, что она всецѣло отъ него зависима. Здѣсь прекрасное семейное начало сходится съ самымъ грубымъ деспотизмомъ; нерѣдки примѣры, что дядя, выроставшій, во время малолѣтства собственной семьи, сироту—племянника, пользовавшись его работою до возраста дѣтей, по пришествіи этихъ въ силу, выгоняетъ сироту въ батраки, безъ всякаго сожалѣнія. Родной отецъ, выдавъ дочерей за людей, ему понравившихся, гонитъ родныхъ сыновей изъ дома, безъ всякаго выдѣла— и тѣ идутъ увеличивать толпу безземельныхъ батраковъ. Во время набора 1865 года, помню случай, когда отецъ, на волостномъ сходѣ, безъ милосердія приговорилъ отдать въ рекруты старшаго сына, домохозяина, женатаго, семейнаго, за то, что этотъ его, устарѣвшаго, вмѣстѣ съ другими сыновьями выгналъ изъ дома въ батраки.

Я помню здѣшнихъ помѣщиковъ, которые согласно утверждали, что въ Россіи не процвѣтетъ сельское хозяйство доколѣ не образуется въ ней по образцу западной Европы рабочій пролетаріатъ. Одинъ изъ крупныхъ богачей, имѣвшихъ вліяніе на сочиненіе мѣстнаго положенія, пресерьезно утверждалъ, что крестьянинъ долженъ ѣсть хлѣбъ съ мякиною, ибо мякина замѣняетъ ему мясо, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ значительную долю фосфорана. Помню другаго, который, при вопросѣ о надѣленіи безземельныхъ, пресерьезно увѣрялъ, что крестьянину нуженъ самый крошечный участокъ земли, чтобы не обременить его несоразмѣрною съ его физическими силами повинностію; помню—увы—авторитетное мнѣніе не поляка и не полякующаго, что безземель-

нихъ должно, какъ можно ограниченнѣе надѣлять, чтобы сохранить для землевладѣльцевъ достаточное число рабочихъ рукъ.

За то встрѣтилъ я помѣщика, который, говоря о бывшихъ отношеніяхъ своихъ сосѣдей къ крестьянамъ, выразился предъ жандармскимъ начальникомъ, что десять лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ на улучшеніе быта крестьянъ, съ цѣлю искупить грѣхи своихъ предковъ. Но этотъ же самый господинъ, при отказѣ двухъ безземельныхъ крестьянъ принять надѣляемые имъ участки, вслѣдствіе того, что въ недавнее крѣпостное время, вмѣстѣ съ землею, были у нихъ отобраны помѣщикомъ и скотъ и хозяйственныя орудія и весь рабочій инвентарь, требовалъ, чтобы участки эти отдать не крестьянскому обществу, а ему г. М—товичу. Значитъ, лучшій изъ помѣщиковъ хочетъ, чтобы, при опредѣленіи значенія отказа обезземеленнаго имъ крестьянина, повѣрочная коммиссія смотрѣла безусловно на фактъ нынѣшняго, свободно выражаемаго крестьяниномъ отказа, а отнюдь не на тѣ условія, при которыхъ совершалось, въ виду манифеста 19 февраля, обезземеленіе.

Этотъ же самый господинъ, предъ тѣми же лицами, коварно соболѣзнуя о многотрудныхъ и почти не исполнимыхъ обязанностяхъ мироваго посредника въ здѣшнемъ краѣ, въ особенности по безчисленнымъ лѣснымъ порубамъ и полевымъ потравамъ, вкрадчиво выразилъ убѣжденіе, что отечественной жандармеріи необходимо сплотиться, по французскому образцу, въ первую инстанцію суда и расправы между помѣщиками и крестьянами.

Зашла рѣчь о безцеремонномъ обезземеленіи крестьянъ въ крѣпостное время и безмилостивомъ изгнаніи несостоятельныхъ арендаторовъ и больныхъ кутниковъ въ нынѣшнее. Я спросилъ, почему онъ отрицаетъ у крестьянскаго общества право ходатайства за своихъ безземельныхъ членовъ?

«Мы развитѣе васъ, объяснилъ М—товичъ. Въ то время, какъ вы барахтались еще въ путахъ патріархальности, мы, выученные уроками предшествовавшей гражданской жизни при конституціяхъ польскихъ королей, выработали математическій взглядъ на отношенія къ державцамъ въ маетностяхъ нашихъ. Прежде всего свобода: до личности намъ дѣла нѣтъ. Важнѣе всего принципъ и выгода. Намъ нѣтъ дѣла пьетъ-ли, должаетъ-ли, болѣетъ-ли державецъ или работникъ: Иванъ не способенъ мнѣ платить или работать— я сажаю на его мѣсто Петра.

— Вы подшучиваете надъ патріархальностію; но развѣ возможенъ строго математическій взглядъ на помѣщика и на беземельнаго, при неравенствѣ ихъ отношеній?

«Я сказалъ, все дѣло въ принципѣ и въ правѣ. Право помѣщика и право крестьянина предъ закономъ совершенно равны: онъ свободенъ— и я свободенъ.

— Но при неравенствѣ вещественныхъ условій, и самое понятіе о свободѣ является отвлеченностію.

« Еще бы! вы бы захотѣли равенства, планировки, коммунизма, язвительно выпускалъ слова собесѣдникъ, возвышая при каждомъ изъ нихъ голосъ.

— Нѣтъ, я просто иду отъ сходства въ условіяхъ быта. Вѣдь, вѣроятно, и вы не откажете крестьянину въ нѣкоторомъ сходствѣ съ вами— хотя бы по отношенію къ семейной жизни.

« Нѣтъ-съ, откажу. Никакого сходства и быть не можетъ. У него потребности крошечныя, у меня большія.

— Но нѣтъ-ли тождества въ любви къ дѣтямъ?

« Нѣтъ-съ; у меня для дѣтей одна будущность; у него другая.

— Но сообразно потребностямъ и средствамъ, вѣрите-ли, что вы, съ вашимъ масштабомъ, а крестьянинъ съ его, оба желаете дѣтямъ одного и тогоже?

« Нѣтъ.»

— Одинаково-ли дороги дѣти вамъ и ему?

« Положимъ.... одинаково.

— При этой одинаковости, кто болѣе нуждается въ помощи ближняго: вы-ли, съ вашей недвижимостію и движимостію, или крестьянинъ, съ его ничѣмъ? кто слабѣе?

« Конечно я слабѣе; ибо, если бы мои потребности были, какъ у него, я былъ бы счастливѣе: я довольствовался бы меньшимъ, чѣмъ онъ.

Дѣло было послѣ обѣда; я вспомнилъ пословицу: гды бы тетя былъ вуяшекъ, и убѣдился въ огромномъ вліяніи на логику въ обществѣ— бытовыхъ, религіозныхъ и гражданскихъ условій, въ которыхъ это общество обращается. Если М—товичъ, въ виду отвѣтственности предъ дѣтьми, считаетъ себя обязаннымъ защищать свое право, а крестьянамъ въ такой защитѣ отказываетъ, то причиною такого неравенства является единственно латинско-польская логика, выработавшаяся при урокахъ гражданской жизни, во время польско-королевскихъ конституцій, къ возвращенію которыхъ такъ пламенно стремились и Огрызко, издавая свои *Volumina legum*, и хорошенькая пани К....овская, обожающая соединенные гербы Литвы и Польши, и княгиня Л—я, скорбящая о смерти ея отчизны, и графъ Т.....ъ, собирающій коллекцію шляхетныхъ предковъ, и предводительствовавшій генералъ, который не доволенъ Положеніемъ 19-го февраля. Не чужды этихъ стремленій и латино-польскіе храмы, въ которыхъ такъ пламенно обоготворяются политическія воспоминанія.

(*Окончаніе впредь*).

Вильна, 17 Апрѣля 1866 года.

На смѣну вѣковыхъ страданій и тѣснотъ здѣшняго края явились, по манію всеблагаго Провидѣнія, почти непрерывныя радости и торжества. Послѣ отдѣльныхъ праздниковъ и мѣстныхъ и обще-русскихъ, и религіозныхъ и религіозно-гражданскихъ, мы собрались въ домъ Царя царствующихъ праздновать вмѣстѣ три торжества: день рожденія нашего Монарха, двадцатипятилѣтіе Августѣйшей, Боговѣнчанной Четы ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Воскресный день, такъ многознаменательно совпавшій съ двумя другими праздниками нашими. Сколько въ этотъ день пламенныхъ молитвъ затеплилось предъ престоломъ Божіимъ! сколько благородныхъ обѣтовъ, задушевныхъ восторговъ, заявленій безграничной преданности понеслось въ этотъ день и въ предшествовавшіе ему къ престолу Царя русскаго со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, отъ всѣхъ сыновъ ея, безъ различія вѣрованій и народностей! Всѣ они дрогнули отъ раздающагося еще доселѣ въ сердцахъ нашихъ ужаснаго выстрѣла, хотѣвшаго поразить лучшее въ мірѣ сердце; на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ понеслись проклятія выродку земли русской; во всѣхъ храмахъ Божіихъ, не исключая и тѣхъ, которые такъ еще недавно оглашались революціонными гимнами, русскіе молились и благодарили Бога за то, что Онъ совершилъ чудо и не допустилъ „сыну беззаконія озлобити Его" (Царя),— за то, что не закатилось для Россіи ея „Красно-Солнышко," что она не осталась сиротой послѣ „Батюшки-Царя," что надежды ея не унесены въ могилу „Царемъ-Надежой." „Слава тебѣ Богу благодѣтелю нашему на вѣки вѣковъ!"

Праздникъ 17 апрѣля достойно вѣнчалъ рядъ незабвенныхъ и разнообразныхъ праздниковъ нашихъ. Храмъ Святаго Духа снова наполнился желавшими возблагодарить Царя царствующихъ за дарованіе въ этотъ день Россіи Царя, превзошедшаго самыя широкія ея надежды, въ одинадцать лѣтъ совершившаго такія дѣянія, для совершенія которыхъ мало, казалось бы, одинадцати десятилѣтій. Съ этой благодарной молитвой людей русскихъ сливалась и просительная, чтобы Господь сподобилъ Царя нашего праздновать пятидесятилѣтіе своего супружества съ обожаемой имъ и Россіей „Матушкой-Царицей," изливалъ на нихъ обильно щедроты своихъ великихъ и богатыхъ милостей и сохранилъ ихъ на многая, на многая лѣта. Словомъ 17 апрѣля притекла въ домъ Божій праздновать, вмѣстѣ

съ г. главнымъ начальникомъ края, вся русская Вильна, безъ различія вѣроисповѣданій. Литургію совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, а молебствіе высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій, со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ.— Маститый нашъ архипастырь, и въ недавно-минувшіе праздники, не разъ изъявлялъ желаніе вознести вмѣстѣ съ Вильной, свои молитвы о Царѣ и царствѣ русскомъ въ домѣ Царя царствующихъ; но его немощи пересиливали его желанія; наконецъ 17 апрѣля, или Богу угодно было облегчить его страданія, или крѣпость духа взяла перевѣсъ надъ недугомъ тѣлеснымъ, только молитвы наши, освященныя и окрыленныя молитвами нашего приснопамятнаго архипастыря, содѣлались и теплѣе, и доступнѣе престолу Божію. Въ обычное время, произнесъ назидательное и многосодержательное слово о. ректоръ здѣшней семинаріи, архимандритъ Іосифъ. Слово это особенно замѣчательно обиліемъ меткихъ примѣненій къ недавнему событію въ жизни нашего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА словъ св. писанія. Внимая этимъ словамъ, мы думали что внимаемъ предсказаніямъ пророковъ, сквозь мглу вѣковъ провидѣвшихъ наше 4 апрѣля, со всею его обстановкой. Весьма жалѣемъ, что обычная о. ректору скромность лишаетъ насъ возможности подѣлиться съ читателями воспроизведеніемъ этого слова на страницахъ „Вѣстника Зап. Россіи.“

По окончаніи богослуженія въ. Св. Духовомъ монастырѣ, г. гражданскій губернаторъ, много военныхъ и гражданскихъ высшихъ чиновъ и разныхъ русскихъ людей и много другихъ лицъ почтили своимъ посѣщеніемъ, по приглашенію еврейскаго общества, главную синагогу еврейскую, въ которой совершено было благодарное молитвословіе, съ особенною торжественностью, благоговѣніемъ и патріотическимъ настроеніемъ. Общественный раввинъ произнесъ прекрасное слово, которое, съ его позволенія, мы и присовокупляемъ на концѣ этого очерка. Канторъ, съ хоромъ и музыкой пропѣли 2, 20, и 70 псалмы Давида, и въ заключеніе народный гимнъ. Канторъ, исполнявшій богослуженіе, могъ бы составить украшеніе любой итальянской оперы.

Г. главный начальникъ края принималъ поздравленіе отъ властей разныхъ вѣдомствъ, чиновъ военныхъ и гражданскихъ и представителей разныхъ сословій въ $11^{1}/_{2}$ утра, а отъ православнаго духовенства по окончаніи богослуженія. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ съ рѣдкимъ усердіемъ, изяществомъ и разнообразі-

емъ. Далеко за полночь улицы и тротуары были запружены гуляющими. Балъ съ ужиномъ, данный въ залѣ благороднаго клуба, былъ весьма блестящъ и оживленъ. За ужиномъ г. директоръ здѣшней гимназіи П. А. Безсоновъ, послѣ перваго тоста за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, сказалъ задушевную и восторженную рѣчь.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ВЪ ГЛАВНОЙ ВИЛЕНСКОЙ СИНАГОГѢ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ РАВВИНОМЪ, г. ШТЕЙНБЕРГОМЪ, 17 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Изъ дому Господня благословеніе вамъ, высоко-почтеннѣйшіе гости, удостоившіе раздѣлить съ нами въ скромной обители нашей святыни чувства радости и благоговѣнія въ нынѣшній высоко-торжественный день рожденія нашего общаго Царя-Благодѣтеля. Да послужитъ это единеніе символомъ возрожденія взаимной любви и терпимости, взаимнаго согласія и единенія на благо и преуспѣяніе общаго нашего отечества! Аминь.

Братья Израильтяне!

Нынѣшній день, въ который празднуемъ рожденіе нашего Августѣйшаго Царя-Избавителя, совпадаетъ для насъ съ промежуткомъ времени, лежащимъ между нашими праздниками Пасхою и Пятидесятницею. Въ эту же самую эпоху праотцы наши, болѣе трехъ тысячелѣтій тому назадъ, привѣтствовали, съ воскресшею въ груди надеждой, своего великаго избавителя отъ египетской неволи и мрака, призывавшаго ихъ къ принятію божественнаго, свѣтозарнаго ученія, къ новой гражданской жизни въ обѣтованномъ отечествѣ. Какое счастливое совпаденіе нашего нынѣшняго отечественнаго торжества съ эпохою столь завѣтныхъ для нашего народа воспоминаній! Развѣ не съ такимъ же ликованіемъ, какъ предки наши во время оно, привѣтствуемъ нынѣ и мы нашего великаго Царя-Освободителя! Развѣ не воскресаетъ и въ нашей груди надежда на болѣе отрадную, болѣе утѣшительную будущность,—надежда, подобная той, которая затрепетала въ туже пору въ груди унывавшихъ нашихъ праотцевъ, при видѣ своего избавителя Моисея, этого божественнаго провозвѣстника нравственнаго свѣта и гражданскаго преуспѣянія? И не обращаетъ ли нынѣ и Монархъ нашъ наши взоры на отрадное очаровательное—впередъ, сулящее намъ и благотворный свѣтъ просвѣщенія, и новое отечество, съ болѣе обширнымъ просторомъ для дѣятельности?

Имя »Моисей« имѣетъ двоякое значеніе: спаситель и спасенный. Въ эти дни, когда природа освобождается изъ тяготѣющихъ надъ нею оковъ зимы, въ эти дни, соотвѣтствующіе нашему нынѣшнему торжеству, древніе праотцы наши, освобожденные изъ-подъ рабскаго ига, привѣтствовали съ сердечнымъ ликованіемъ своего, Богомъ спасеннаго изъ водъ Нила спасителя. Чудесное спасеніе его служило имъ указаніемъ, что его блюдетъ промыслъ Божій, что Всевышній сберегъ его дни, дабы содѣлать его избавителемъ и просвѣтителемъ народа Своего.

И вотъ, мои собратія, въ эти же самые дни, съ восторгомъ привѣтствуемъ нынѣ и мы нашего, спасеннаго Божіимъ Промысломъ, Избавителя. Господь спасъ Царя нашего чрезъ одного изъ спасенныхъ Царемъ же. Но вотъ еще одно знаменіе: спасшій Царя-Избавителя совершилъ это великое дѣло въ день своихъ имянинъ, предъ молитвой и послѣ молитвы. Не есть ли это указаніе свыше, что онъ предъизбранъ былъ, съ самаго ранняго младенчества, къ исполненію этой священной миссіи? Кто же послѣ всего этого не узритъ мысленно въ недавнемъ событіи всемогущаго духа Господня, охраняющаго Монарха нашего для довершенія всѣхъ чадолюбивыхъ его помысловъ на благо отечества? Кто, послѣ совершившагося надъ нами чуда, не воскликнетъ съ Царемъ-Псалмопѣвцемъ: »Нынѣ познаю, что Господь спасаетъ Помазанника Своего, »внемлетъ Ему съ святыхъ небесъ Своихъ: Могущественна спа»сительная десница Его!« (Псал. XIX. 7).

Но мы, милые братія, мы русскіе израильтяне, въ особенности должны искренно славословить Царя царствующихъ, даровавшаго намъ еще на долго гуманное и чадолюбивое покровительство нашего Отца-Монарха. Мысль о томъ, что дорогая жизнь Его нынѣ намъ вновь дарована Вседержителемъ, должна усугубить нашу радость, какъ вновь ниспосланное величайшее благо. Впродолженіе одинадцати лѣтъ царствованія нашего Царя-Отца АЛЕКСАНДРА Втораго сколько цѣлительныхъ капель милости уже излилось живительною струею изъ благотворящей десницы Его на изнемогшій, алкающій обновленія и жизни народъ нашъ! Сколько средневѣковыхъ преградъ, отдѣлявшихъ насъ отъ русскихъ нашихъ соотчичей, разрушено безграничнымъ Его чадолюбіемъ!

Братья! Государь нашъ не забываетъ, что предки наши поселились въ Россіи съ самаго отдаленнаго времени. Государь нашъ желаетъ нашего единенія съ русскими. Довѣримся же вполнѣ этому прямодушному и добросердому народу съ достоинствомъ и добросовѣстностью! Подадимъ другъ другу, не руку безъ сердца, не слова безъ душевнаго ощущенія, а станемъ въ гражданскомъ отношеніи сердцемъ и душею русскими. Вспомнимъ незабвенныя слова нашего пророка Малахія (II. 10.): »Не отецъ ли единъ всѣмъ намъ? Не Богъ ли единъ создалъ насъ?« Прибавимъ еще: Не всѣ ли развѣ принадлежимъ мы одному Царю одного общаго для всѣхъ насъ отечества?

Вознесемъ же, братья, къ престолу Царя царей теплую молитву за здравіе и долголѣтіе нашего любимаго, Богомъ охраняемаго, Монарха, вдыхающаго въ насъ новыя надежды, новыя силы; но вмѣстѣ станемъ трудиться день и ночь, чтобы облегчить Ему и довѣреннымъ отъ Него лицамъ трудное рѣшеніе Его великихъ предначертаній. Слова премудраго Соломона: »Бойся Бога, сынъ мой, и царя, и не смѣшайся съ иномышленниками,« неизгладимо запечатлѣны въ сердцѣ каждаго израильтянина. Эти завѣтныя слова всегда держали насъ вдалекѣ отъ всякихъ крамольныхъ козней и, съ Божіей помощью, охранятъ насъ отъ нихъ и впредь. Но этого еще мало: мы должны всегда помнить, что отношеніе наше къ русскому отечеству есть отношеніе члена къ тѣлу, звѣна къ цѣпи, цѣлаго къ общему. И кто нерадѣетъ о развитіи природныхъ способностей, дарованныхъ ему Богомъ на благо и пользу общества, среди котораго онъ живетъ, тотъ пренебрегаетъ своею жизнью и жизнью всего общества. Возлюбите же, милые братья, ваше русское отечество всѣмъ сердцемъ, всей душею, потому что и вы дѣти его наравнѣ со всѣми прочими его сынами; но страна, питающая васъ своими благами, имѣетъ полное право требовать отъ васъ всякой умственной и вещественной помощи, всякаго содѣйствія ея преуспѣянію, какъ завѣщаетъ пророкъ Іеремія: »И споспѣшествуйте благоденствію страны, куда я поселилъ васъ, и молитесь за нее Господу Богу, ибо въ ея благоденствіи заключается и ваше собственное.« (Iерем. XXIX.)

О, Боже израиля! научи насъ содѣлаться достойными сынами великодушнѣйшаго изъ монарховъ АЛЕКСАНДРА Втораго. Воззри, о Боже, благосклонно на почву Россіи и благослови Твоею благодатью сѣмена человѣколюбія и просвѣтлѣнія, сѣянныя по ней Помазанникомъ Твоимъ. Дай имъ роскошно созрѣть на радость и утѣшеніе всего великаго отечества. Отжени всегда, о Боже израиля, отъ священной главы нашего Монарха всякій духъ крамолы и козней завистниковъ, и да исполнятся надъ Нимъ всегда слова Твои въ устахъ Псалмопѣвца: »Одѣну я Помазанника Моего »лучезарнымъ сіяніемъ, враговъ его покрою стыдомъ, а на Немъ »будетъ сіять вѣнецъ его.« (Псал. CXXXI. 17).

Ниспошли, о Боже израиля, Твои небесныя и земныя блага на Государыню Императрицу нашу, МАРІЮ АЛЕКСАНДРОВНУ, на Великаго Князя, Государя Наслѣдника прославленнаго престола, Александра Александровича и на весь Царствующій Домъ нашего отечества. Да сіяетъ Его слава изъ рода въ родъ!

Благослови, о Боже, нашего доблестнаго и любимаго начальника края Константина Петровича фонъ-Кауфмана, этого вѣрнаго исполнителя Монаршей воли! Благослови нашего начальника губерніи и всѣхъ вѣрныхъ сановниковъ, служащихъ истинному благу отечества.

»Благотвори, Господи, всѣмъ добрымъ и правосерднымъ».

Аминь! Аминь!

Нѣчто объ Огрызкѣ.

Въ № 286 „Московскихъ Вѣдомостей" были сообщены изъ Вильны весьма интересныя свѣдѣнія объ Іосафатѣ Огрызкѣ, одномъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго возмущенія польскихъ ксендзовъ и шляхты. Въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ встрѣчается нѣкоторая неполнота, отъ чего эта замѣчательная личность утрачиваетъ свою настоящую физіономію.

Въ означенной статьѣ можно полагать, что вся дѣятельность Огрызки въ Петербургѣ ограничивалась толко изданіемъ газеты и подготовленіемъ молодежи къ ксендзо-шляхетскому мятежу. Но не мѣшаетъ припомнить, что польская газета „Słowo" издавалась Огрызкомъ съ небольшимъ въ теченіе мѣсяца. На листкахъ ея едва ли можно было встрѣтить какіе либо слѣды заносчивыхъ или опасныхъ революціонныхъ идей. Не говоря уже о томъ, что обнародованіе подобныхъ идей было довольно затруднительно при существовавшихъ тогда строгихъ цензурныхъ правилахъ, и самъ редакторъ во все не имѣлъ (покрайней мѣрѣ не обнаружилъ) въ виду подобныхъ цѣлей.—Поводъ, по которому основана была имъ въ С.-Петербургѣ польская газета, былъ совершенно иной, болѣе практическій. Если судить объ Огрызкѣ по его газетѣ, или, по сношеніямъ съ русскими, то можно будетъ придти къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ отличался значительнымъ тактомъ и здравостію сужденій, особенно по польскому вопросу. Случалось даже, что онъ сдерживалъ либеральные порывы русскихъ и возвращалъ ихъ къ благоразумію (*). Нравственный складъ Огрызки составлялъ совершенство своего рода, о которомъ, вѣроятно, и не мечталъ самъ авторъ извѣстнаго польскаго катихизиса. Это былъ Конрадъ Валленроде **pur sang.**

Въ настоящее время ни для кого уже не составляетъ тайны истинная причина шляхетскаго возмущенія 1863 г. Замѣтимъ только, что одновременно съ распространившеюся вѣстью объ открытіи предварительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ, обнаружились и первые признаки подготовлявшагося возмущенія. Дѣло началось съ привлеченія народныхъ массъ къ мятежу посредствомъ распространенія въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ жмудьской и виленской латинскихъ епархіяхъ братствъ, въ которыхъ, разумѣется, только для виду, на первомъ планѣ, красовалось воздержаніе отъ крѣпкихъ напитковъ. Поляки знали изъ опыта, что во всѣхъ войнахъ Рѣчи Посполитой и потомъ при послѣдующихъ возстаніяхъ, низшіе слои населенія всегда оставались

(*) Иначе нельзя было; того требовала политическая миссія Огрызки и даже простое благоразуміе. Что сходило русскому, то не сошло бы поляку. (Ред.)

равнодушными къ борьбѣ и не только не принимали участія въ возстаніяхъ, но, напротивъ, съ распростертыми обятіями встрѣчали враговъ республики, какъ своихъ избавителей. При существованіи подобной ненависти къ шляхетству и его духовенству, они хорошо понимали, что нечего и думать о возстановленіи Польши въ предѣлахъ Сигизмунда III. При помощи вышепомянутыхъ братствъ, пѣнія гимновъ въ костелахъ и другихъ манифестацій, революціонеры надѣялись увлечь за собою народъ и на всемъ пространствѣ страны возбудить безпощадную религіозную войну. Разжигая ненависть къ русскимъ и подготовляя всеобщее вооруженное возстаніе, поляки въ тоже время простерли предусмотрительность свою и на устройство администраціи въ будущей Рѣчи Посполитой, т. е., когда она окончательно отдѣлится отъ Россіи и составитъ независимое государство. Всѣ роли подготовлявшейся комедіи были розданы актерамъ для обученія. На долю Огрызки досталась самая незавидная и скромная роль министра юстиціи. Первый вопросъ, который предстояло разрѣшить Огрызкѣ, по вступленіи въ должность, былъ: какими законами будетъ управляться будущее государство? Дѣло нелегкое, если обратить вниманіе, что ни въ одной сторонѣ законодательство не представляетъ подобной запутанности, разнорѣчія и какой-то хаотической пестроты. Въ законодательство Рѣчи Посполитой вошло множество статутовъ, начиная съ вислицкаго и ленчицкаго, постановленія петриковскаго и другихъ синодовъ. Магдебургское право, литовскій статутъ, прусская корректура, нескончаемыя сеймовыя постановленія, папскія буллы, длинный рядъ конституцій, уложеніе Наполеона и, наконецъ, законы русскіе. Неоднократно польскіе законовѣды пытались составить нѣчто въ родѣ нашего „Полнаго Собранія Законовъ,“ но изъ всѣхъ попытокъ найболѣе удачная принадлежитъ монахамъ ордена піаровъ, которые и оставили, какъ памятникъ своего трудолюбія и эрудиціи, сборникъ польскихъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ „Volumina Legum.“ Сборникъ этотъ издавался ими въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ 1732 по 1782 годъ, и въ настоящее время сдѣлался весьма рѣдкимъ, исключительнымъ достояніемъ немногихъ библіотекъ. Этотъ обветшалый сборникъ піаровъ, или вѣрнѣе юридическій пакгаузъ, не отворявшійся въ продолженіи цѣлаго столѣтія, вдругъ получилъ, по волѣ проэктируемаго государственнаго уложенія, по которому должна управляться страна въ 25 милліоновъ населенія. Необходимость перепечатки этого сборника была слишкомъ очевидна для Огрызки: нужно было снабдить всѣ города и мѣстечка Польши, Литвы, Галиціи и Познани экземплярами Volumina Legum; нужно было чинамъ всѣхъ вѣдомствъ будущей польской администраціи имѣть подъ рукою однообразные юридическіе прецеденты для рѣшенія дѣлъ,—не руководствоваться же, въ самомъ дѣлѣ, въ трибуналахъ Рѣчи Посполитой московскимъ Сводомъ Законовъ. Дѣло остановилось за тѣмъ, гдѣ печатать? Если за границей, гдѣ нибудь въ Германіи, то

русскіе могутъ какъ нибудь провѣдать о томъ, начнутъ ломать себѣ голову, за чѣмъ и въ такое время печатаются за границей, а не въ Россіи польскіе законы, наконецъ догадаются въ чемъ дѣло и на границѣ перехватятъ все изданіе. Разумѣется, лучше всего было бы печатать въ Варшавѣ, но тутъ, ко всѣмъ невыгодамъ заграничнаго изданія, слѣдовало присоединить изощренную зоркость полиціи, которая изъ такой невинной вещи способна была поднять пренепріятную исторію. Самымъ безопаснымъ и удобнымъ мѣстомъ для печатанія польскихъ законовъ оказался С.-Петербургъ и потому уже, что предметъ, лежащій на глазахъ, всего менѣе видѣнъ. О препятствіяхъ со стороны полиціи тутъ не могло быть и рѣчи; въ просвѣщенномъ взглядѣ ея на дѣло сомнѣваться было напрасно. Что же касается до цензуры, то весьма достаточно было представить ей предполагаемое изданіе въ видѣ историческаго памятника минувшаго польскаго законодательства, писаннаго отчасти на латинскомъ языкѣ и относящагося, какъ оно есть и на самомъ дѣлѣ, къ эпохѣ давно исчезнувшей, однимъ словомъ, къ области археологической, которая, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ смирныхъ. Тутъ могло возникнуть затрудненіе совсѣмъ иного рода: въ Петербургѣ нѣтъ такой типографіи, гдѣ бы достаточно было наборщиковъ, знающихъ польскій языкъ. Впрочемъ заведеніе типографіи въ Петербургѣ, кромѣ отпечатанія законовъ, требовалось и по другимъ соображеніямъ, не менѣе важнымъ, но и одно изданіе сборника законовъ было поводомъ достаточнымъ. Это понималъ даже и „Московскій жондъ," у котораго, при II Отдѣленіи, тоже своя типографія.

Оставалось только закрыть глаза управленію с.-петербургской столицы, отъ котораго зависѣло открытіе типографіи. Понятно, что отказа не могло бы послѣдовать, еслибъ въ Петербургѣ издавалась польская газета. Тогда всѣ сомнѣнія въ разрѣшеніи открытія типографіи исчезли бы, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, издавать польскую газету безъ польской типографіи. Дѣло отъ того немножко усложнялось, но за то всѣ препятствія исчезали разомъ, и, ко времени отдѣленія Рѣчи Посполитой отъ Москвы отпечатаніе законовъ могло быть готово.

По наведеніи справокъ о томъ, можно ли ожидать правительственнаго согласія на изданіе польской газеты въ Петербургѣ, отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный. Нужно замѣтить, что въ то время всѣ правительственныя учрежденія были наполнены поляками: не было въ Петербургѣ не только департамента, отдѣленія или комитета, но даже стола, гдѣ бы не сидѣлъ вельможный панъ. Мѣста секретарей и дѣлопроизводителей, какъ то случайно, но большею частію, непремѣнно были занимаемы ими. При всѣхъ постройкахъ, при желѣзныхъ дорогахъ и въ полиціи они встрѣчались едва не на каждомъ шагу. Множество изъ нихъ медиковъ, адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ, наводняющихъ всѣ судебныя

инстанціи произведеніями своего искуства. Но изъ всѣхъ поприщъ найболѣе лакомыми они почитаютъ мѣста инженеровъ, воспитателей и наставниковъ. То было странное время: русскіе, имѣвшіе дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, должны были искать покровительства польскихъ чиновниковъ, а иначе просьба двигалась едва не черепашнымъ шагомъ; бумага же, поданная *ходакомъ* облѣтала всѣ инстанціи чуть не по телеграфу. Просьба Огрызки должна была идти чрезъ руки вельможнаго Сигизмунда Катоновича (*), человѣка очень умнаго, дальновиднаго и, что называется, мироточиваго, который, по горячей преданности къ Россіи, сдѣлался даже московскимъ помѣщикомъ. Когда завязалось дѣло о новой газетѣ, то, гдѣ слѣдуетъ, было доказано по пальцамъ, какъ дважды два четыре, что съ изданіемъ польской газеты въ Петербургѣ вліяніе правительства на направленіе умовъ въ Польшѣ будетъ неизмѣримое, что отъ предложенія Огрызки получится такое могущественное орудіе, при помощи котораго можно будетъ управлять Польшей, какъ Чухломой или Пошехоньемъ. Короче, выгоды отъ изданія „Słowa" обрисовались въ такомъ радужномъ свѣтѣ, что не было возможности защититься отъ соблазнительныхъ доводовъ краснорѣчиваго ходатая. Разрѣшеніе послѣдовало немедленно. Послѣ этого, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ либо препятствіяхъ къ открытію польской типографіи.

Нужно ли добавлять, что основывая газету, Огрызко никогда и не думалъ объ ея долговѣчности, или продолжительномъ существованіи. При самыхъ роскошныхъ разсчетахъ подписная сумма не могла вознаградить и половины издержекъ за наборъ и бумагу. Не нужно имѣть большихъ свѣдѣній въ бухгалтеріи, чтобы понять, какихъ огромныхъ расходовъ потребовали два такихъ предпріятія, какъ изданіе газеты и заведеніе типографіи. Если присоединить къ тому превосходное изданіе Volumina Legum, въ 10 томахъ, in 4to въ два столбца, самымъ раззорительнымъ шрифтомъ,— изданіе, стоющее по меньшей мѣрѣ 52,000 рублей, то количество денегъ, бывшихъ въ распоряженіи Огрызки, окажется весьма значительнымъ. Кого же, послѣ этого можно увѣрить будто Огрызко напечаталъ Volumina Legum изъ любви къ наукѣ или къ археологіи. Богатые меценаты не чета бѣдному шляхтичу, но и тѣмъ не подъ силу, изъ любви къ наукѣ, отдѣлять такіе громадные капиталы на подобныя изданія. Всякое правительство даже призадумается о такихъ издержкахъ. Фондъ, очевидно, былъ ассигнованъ изъ кассы народовой. Между тѣмъ, Огрызко былъ человѣкъ бѣдный и существовалъ главнѣйшимъ образомъ жалованьемъ, которое получалъ въ частномъ домѣ, гдѣ занимался чѣмъ-то въ родѣ секретарства. Авторъ виленской замѣтки говоритъ, что Огрызко умѣлъ заискать расположеніе этого дома до такой степени, что ему было выдано отъ него 40,000 рублей. Можетъ

(*) Мы считаемъ нужнымъ прикрыть эту личность отъ гласности псевдонимомъ

быть это и справедливо, но, если вѣрить слухамъ, то онъ снискалъ расположеніе не цѣлаго дома, а только одной особы, носящей почтенную русскую фамилію, но происхожденія не чисто русскаго, и потому, довѣріе, которымъ онъ воспользовался, было не всеобщее цѣлаго дома, а индивидуальное, слѣдовательно не подлежащее холоднымъ и черствымъ законамъ разсудка. Кромѣ того, говорятъ, что онъ получилъ, по силѣ личнаго довѣрія, только 10,000 рублей, во всякомъ случаѣ, съ нѣкоторою основательностію, можно заключить, что и полученныя имъ даже 40,000, далеко не могли покрыть произведенныхъ на пользу жонда расходовъ.

Съ открытіемъ типографіи совершенно упразднилась потребность издавать газету „Słowo." Раззорительные расходы по ея изданію дѣлались уже отяготительными и побуждали озаботиться скорѣйшимъ ея прекращеніемъ. Способъ, къ которому прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ Огрызко, превосходно обрисовываетъ его находчивый и изобрѣтательный умъ. Въ одномъ изъ нумеровъ ея, онъ напечаталъ довольно невинное по своему содержанію письмо извѣстнаго Лелевеля, бывшаго членомъ временнаго революціоннаго правительства въ 1831 г. Авторъ этого письма принадлежитъ къ крайней демократической партіи, всю свою жизнь постоянно ратовалъ противъ польской аристократіи и духовенству; въ сочиненіяхъ его встрѣчается множество интересныхъ указаній на злоупотребленія этихъ двухъ сословій, преобладающихъ въ польскомъ обществѣ. Вся криминальность напечатаннаго письма заключалась по этому не въ содержаніи, а въ одномъ только имени стараго заговорщика, имени совершенно безвредномъ для русскихъ, выдохшемся и утратившемъ всякое обаяніе для самихъ поляковъ. Буря однакожъ, „согласно программѣ," поднялась страшная. Громъ и молнія посыпались на Огрызку со стороны московскаго помѣщика Сигизмунда Катоновича. Никѣмъ незамѣченное письмо Лелевеля было представлено брандеромъ гомерическаго размѣра, отъ котораго Россійская Имперія должна разлетѣться въ дребезги. Нелицѣмѣрная любовь къ Россіи и забота объ ея безопасности, въ совокупности съ оскорбленнымъ цензурнымъ цѣломудріемъ Сигизмунда Катоновича, проявились по этому случаю въ самомъ потрясающемъ видѣ. Взрывая небо и землю противъ Огрызка, Сигизмундъ Катоновичъ выдвинулъ неожиданно такое количество патріотизма, что русскіе, слушая его, должны были сгорѣть со стыда отъ своего равнодушія къ опасностямъ, грозившимъ ихъ отечеству. Оказывалась ясною, какъ день, вся необходимость, если не сжечь публично, чрезъ палача, злокачественную газету, то немедленно прекратить дальнѣйшее изданіе ея; что же касается до редактора, то въ волѣ правительства, для благотворнаго примѣра, посадить его въ крѣпость, или наказать строже.

Какъ было не повѣрить словамъ поляка, отдававшаго себя на пропятіе изъ любви къ Россіи, общественному мнѣнію своихъ

земляковъ, раздраженныхъ за запрещеніе любимой газеты. Газета дѣйствительно тотчасъ же была прекращена, какъ вышло на повѣрку „собственно для освобожденія жонда отъ напрасныхъ расходовъ.“ Огрызку посадили въ крѣпость, но онъ просидѣлъ въ ней во все не шесть мѣсяцевъ, какъ сообщаетъ виленскій корреспондентъ, а всего около недѣль двухъ, много—трехъ. Превосходный столъ, отличныя вина, посѣщенія пріятелей, прогулки въ самой крѣпости дѣлали жизнь узника не только сносною, но даже завидною для многихъ, жившихъ на свободѣ. Весь Петербургъ тогда заговорилъ о несправедливомъ заключеніи Огрызки за письмо какого-то Лелевеля и запрещеніи издавать только что дозволенную газету,—объ умиравшей съ горести подругѣ его сердца и о странномъ стеченіи обстоятельствъ, приведшихъ его сидѣть въ томъ самомъ казаматѣ, гдѣ нѣкогда сидѣлъ Костюшко (*). На биржѣ петербургскаго общественнаго мнѣнія, курсъ на Огрызкину репутацію разомъ поднялся сто—на сто. По освобожденіи отъ узъ многострадальнаго заточника, всѣ смотрѣли на него, какъ на героя, жертву, какъ на благороднаго мученика, пострадавшаго за свои убѣжденія. Въ скромномъ объявленіи, онъ сообщилъ подписчикамъ, что, по независящимъ причинамъ (что правда, то правда, Сигизмундъ Катоновичъ), прекращаетъ изданіе газеты, но съ тѣмъ вмѣстѣ считая обязанностію покончить счеты свои съ ними, въ замѣнъ газеты, предлагаетъ желающимъ полное изданіе Volumina Legum, къ напечатанію котораго уже приступлено; остальнымъ же подписные деньги будутъ возвращены. Такъ окончилось редакторское поприще Огрызки.

Впрочемъ не совсѣмъ. Съ его стороны была сдѣлана впослѣдствіи попытка овладѣть одной русской газетой, которая, какъ уже и было порѣшено на Литейной улицѣ, со всѣмъ было перешла въ его руки и подставной редакторъ уже принималъ поздравленія по этому случаю.... но вдругъ, не знаю точно, который именно изъ русскихъ чудотворцевъ избавилъ нашу прессу отъ этого бѣдствія.

Много загадочнаго въ судьбѣ Огрызки. Непонятно, какими чарами этотъ политическій Каліостро такъ ловко умѣлъ пріобрѣсть и покровительство сильныхъ лицъ и капиталы. Не менѣе курьозна игра случая, помѣстившаго Огрызку на важный административный постъ въ томъ именно правительствѣ, разрушеніе котораго составляло настоящую цѣль всѣхъ его помышленій и всей дѣятельности. По отсутствію понятій о нравственныхъ обязательствахъ и по своему двуличію, онъ едва ли не оставилъ за собою Адама Чарторыйскаго, отъ дѣятельности котораго до сихъ поръ еще

(*) Надо замѣтить, что Костюшко никогда не сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. По взятіи въ плѣнъ подъ Маціовицами, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ, какъ свидѣтельствуетъ Нѣмцевичъ, въ дворцѣ графа Орлова,—пользовался отличнымъ столомъ, библіотекой и когда хотѣлъ, то прогуливался по городу въ экипажѣ. Домъ Орлова находился на Мойкѣ; потомъ этотъ домъ перешелъ во владѣніе графа Бобринскаго.

не можетъ оправиться весь западный край Россіи. Высокое искуство, съ которымъ Огрызко эксплуатировалъ русское простодушіе, и вообще жизнь этого замѣчательнаго артиста послѣдняго польскаго мятежа, представляютъ въ высшей степени любопытный, хотя и назаконченный, какъ слѣдуетъ, романъ.

ГРОДНЕНСКІЯ ПИСЬМА

II.

Извѣстно всѣмъ, какимъ почитаніемъ пользуется издавна на Руси, во всѣхъ ея частяхъ и окрайнахъ, св. Юрій т. е. Георгій Побѣдоносецъ. Утвердительно можно сказать, что это почитаніе началось у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства изъ Византіи; оттуда же зашелъ къ намъ обычай употреблять изображеніе этого св. Великомученика на государственномъ гербѣ и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ орнаментахъ. И чѣмъ больше розвивалась наша христіанская и государственная жизнь, тѣмъ повсемѣстнѣе распространялось особенное почитаніе св. Юрія. При Ярославѣ Мудромъ уже была построена въ Кіевѣ и по нынѣ существующая церковь Георгіевская; уже при этомъ незабвенномъ князѣ праздникъ св. Юрія былъ годичнымъ срокомъ для отдачи податей, для окончанія разныхъ сдѣлокъ и т. п.; уже съ древнихъ временъ народъ отмѣтилъ этотъ день разными поговорками, въ родѣ слѣдующихъ: „*на Егорія роса—будутъ добрыя проса*", (1) „*калина Юрія березовый листъ въ полушку, клади къ Успѣнію хлѣба въ кодушку*" (2), „*Егорій съ тепломъ*" (3), „*До Юрья карми всякаго дурня*" (4), т. е. не отказывай отъ мѣста даже плохому слугѣ.... А такъ—какъ до татаръ жизнь сѣверо-восточной и юго-западной Россіи шла почти однимъ путемъ, то и въ этой послѣдней части устанавливались и укрѣплялись общіе всей Россіи священно-народныя обычаи и праздники. Къ числу такихъ праздниковъ относится и день св. Юрія, т. е. 23 апрѣля. Въ наше время этотъ праздникъ почитается повсемѣстно въ Россіи не только коренным православнымъ людомъ;

---

(1) Великорусская пословица.
(2) Малорусская пословица.
(3) тоже.
(4) Бѣлорусская пословица изъ Могилевской губ.

но и тѣмъ, который олатиненъ и отчасти ополяченъ въ западной Россіи,— празднуется по древней народной памяти.... И до сихъ поръ въ этотъ день поютъ нищіе въ разныхъ концахъ Россіи гимны и пѣсни въ честь св. Юрія. Существованіе этихъ пѣсень и по нынѣ въ западной Россіи (на ряду со многими другими обще-русскими духовными пѣснями) служитъ лучшимъ фактическимъ доказательствомъ того, что, несмотря на вѣковой польско-латинскій гнетъ въ этомъ краю, никогда не прерывалась нравственно-духовная нить между западной и остальной Россіей. Когда либо сообщу читателямъ тексты записанныхъ мною обще-русскихъ духовныхъ народныхъ пѣсень, которыя и нынѣ поютъ въ сѣверозападномъ краѣ; теперь же привожу два текста духовныхъ народныхъ пѣсень въ честь св. Юрія. Онѣ могутъ служить еще новымъ доказательствомъ того, что вѣковое рабство сельскаго люда западной Россіи не стерло съ его памяти слѣдовъ обще-русскаго историческаго происхожденія и религіи.... Вотъ эти тексты западно-русскихъ духовныхъ пѣсень въ честь св. Юрія, хотя и замѣтенъ въ нихъ оттѣнокъ мѣстнаго жаргона.

СВ. ЮРІЙ.

(бѣлорусская народная легенда).

Въ недзелю порано
Свѣтъ свитае;
Господь людей побуждае:
„Уставайте христіане,
Да молитесь Господу Богу,
Да не вѣруйте поганому цмоку (змѣй семиглавый гидра),
Не давайте ему оброку—
На годинѣ
По дѣтинѣ,
А на день по человѣку....
Пришло время до самаго царя:
Хочь самъ иды,
Хочь дочерь шли!
Царь царевну убирае,
Шевковые шнуры накладае,
На лукоморье отсылае....
Пришла царевна къ поганому цмоку;
Ажъ выходзиць поганный цмокъ.

Изъ яго роту агонь сапю,
А зъ ушей синій дымъ идзе.
Обозвався святый Юрій:
„Постой, царевна, не лякайсь,
„Поганаго цмока не пужайсь!
„Скидай съ себе шелковые шнуры,
Да чепай цмока за крутые роги,
„Да веди до батюшки своего“.
А вже царь кратырку (фортечку) отчиняе,
Да на лукоморье выглядае....
Дочерь идзе
И цмока ведзе.
Пытаецця батюшка ее:
„Хто табѣ, дочерь моя,
„На гето научивъ?
„Отписавъ бы ему палавину царства,
„Тай дочерь сваю!“
„Абозвався святый Юрій:
„Не трѣба мнѣ палавины царства
„И дочерь твая;
„Поставь церковь на крутой горѣ,
„Да малитеся Господу Богу
„И Юрію святому“.

СВ. ЕГОРІЙ.

(тоже легенда)

Приде часъ на Востоцы,
До запада зайдзе!
Возсіяе Господь весной
И всѣмъ на Востоци
Предстательской вѣры!
Они всѣ померли! (*)
Страждовали мученика
Славнаго Егорія;

(*) Что то неясное вступленіе. На мою просьбу объяснить эти строки, мой баянъ—нищій сказалъ: »а хто яго знаець. Старыя словца вельми закрутуютця и становятця ани вельми крутыми».

Славный же мученикъ
Святый Егорій
Мавъ отца тысяшника,
Матку христіанку.
Научила его мати
Вѣрѣ христіанской.
Якъ навчився Егорій
Вѣрѣ христіанской,
Повивъ ажъ отца ко Христу
Отъ вѣры поганской....
Отецъ ставъ Божу вѣру проповѣдать,
Покрушивъ, ударивъ
И божницу разбивъ....
А клятый царь тое услыхавши,
Слуги своя посылае
Егорія звати.
Привели Егорія,
И руцѣ связанны.
А клятый царь давъ его спрашуе:
„На що ты мою божницу побьяше?"
Не вбоявся Егорій предъ царемъ стояти,
Тамъ Христа-Спасителя ставъ проповѣдати;
Повелевъ же клятый царь въ темницу вести,
На колесо потягнуць, ломиць ему косци;
А потымъ повеливъ свѣчами палици,
Острымъ копьемъ бокъ ему пробици;
А потымъ повелелъ кончину приняци—
Острымъ копьемъ голову съ плечъ зняци....
А святые мощи якъ сонце сіяюць;
На весь свѣтъ весна красная
Всѣмъ намъ возсіяецъ!
Ратуйся возбранный воеводо святы,
Тебѣ пѣюць у собори и янгеловъ лики,
Патріархи, священники,
И всѣ человѣки!
Слава тебѣ, Господи, и Егорію!

Эти пѣсни записаны, въ Минской губерніи, въ г. Мозырѣ, отъ заходжаго туда калѣки—перехожаго *Ивана Фимитьевича Торопо-*

ва, изъ с. Замостья, Рѣчицкаго уѣзда, той же губерніи. — Эти, какъ равно и другія духовныя народныя пѣсни, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ *„Божьяго слова“*, хранятся въ наше время почти исключительно въ устахъ *ходаковъ—нищихъ,* которые, по-два по-три вмѣстѣ, бродятъ изъ села въ село, изъ городка въ городокъ, увѣшенные мѣшками и съ большими палками въ рукахъ. Эти *ходаки-нищіе* составляютъ необходимую принадлежность каждаго храмоваго праздника и пр., особенно же въ дни Богородицы, св. Юрія, св. Михаила, св. Николая. Въ эти дни *ходаки-нищіе* являются на погостъ церкви, гдѣ храмовой праздникъ, и поютъ гимны въ честь праздника. На *„Радовницу“* т. е. на Ѳомину недѣлю, они собираются также на кладбища. И туда гонитъ ихъ молитвенное настроеніе и разсчетъ получить малую толику отъ богобоязненныхъ слушателей. Изъ разныхъ мѣстъ собираются нищіе и, часто не зная другъ друга, они становятся почтительно въ кружекъ и поютъ *„Божье слово“*. Одинъ изъ нищенскихъ вожаковъ, или по ихнему *„поводзырей“*, держитъ шапку отверстіемъ вверхъ. Сюда то и сыплются жертвенные гроши, кнмши, буханци и все, что кому Богъ послалъ. Потомъ все собранное дѣлится по ровну.

Такія хожденія нищихъ повсемѣстны и обыкновенны въ западной Россіи. Если хотите, то прибавлю, что ходаки нищіе западной Россіи имѣютъ свой календарь. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ него: „черезъ недзѣлю трѣбя ици въ Бѣлу-Сороку (**), на Николу; а тамъ на Ивана у такое село и т. д.“ Въ памяти *ходаковъ нищихъ* такъ росписанъ цѣлый годъ. Они бродятъ по нѣсколько даже сотъ верстъ въ окружности по храмовымъ праздникамъ и праздникамъ въ честь мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ. Такимъ образомъ, поя обще-русскія духовныя пѣсни, *ходаки-нищіе* въ западной Россіи поддерживаютъ въ этой половинѣ нашего отечества ту нить, которая издавна связывала этотъ край съ остальной Россіей. Достойно замѣчанія, что двѣ наши лавры, кіево-печерская и почаевская, были съ древнихъ временъ такими пунктами, гдѣ сходившіеся туда изъ разныхъ концевъ Россіи и даже сосѣднихъ славянскихъ земель *ходаки-нищіе* научали другъ друга своимъ мѣстнымъ духовнымъ пѣснямъ. Разнося зау-

(**) Село въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской губер., въ которомъ есть чудотворный образъ св. Николая.

ченныя пѣсни въ свои области, *ходаки-нищіе* въ тоже время служили духовно-нравственному объединенію всѣхъ частей России....

Намъ извѣстно, что во время плѣненія почаевской лавры практическими базиліанами эти послѣдніе ухватились всецѣло за слѣдующее: они записывали духовныя народныя пѣсни, пѣтые въ лаврѣ захожими туда изъ разныхъ концевъ славянскаго міра *ходаками-нищими*. Этого мало: они располагали эти пѣсни по особенно чествуемымъ народомъ праздникамъ; они старались исправить въ текстѣ этихъ пѣсень литературные шероховатости, подъискиваніемъ риѳмъ,— снабжали эти пѣсни нотами, и все это издавали въ видѣ особыхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „*Богогласниковъ*". Объ этихъ сборникахъ упоминаю мимоходомъ, потому что пока мало еще знакомъ съ ними. Замѣчу кстати, что базиліане вносили въ эти „Богогласники" пѣсни и своего произведенія, чисто въ католическомъ духѣ, съ поддѣлкою подъ народный ладъ, и безсовѣстно искажали текстъ дѣйствительно народныхъ пѣсень, навязывая имъ свои тенденціи. И эти Богогласники они пускали въ массу, чтобы отравленною ими духовно-народною поэзіею привить народу догму и мораль папизма. Подробнѣе поговорю объ этомъ послѣ. Теперь же заканчиваю свою замѣтку повтореніемъ высказаннаго прежде, что и приведенные мною тексты западно-русскихъ духовныхъ пѣсень въ честь св. Юрія служатъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что духовная связь между западной и остальной Россіей никогда не прерывалась..... *Григорій Кулжинскій.*

1 марта 1866 года
Гродна.

Объ учрежденіи воскресныхъ и праздничныхъ школъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ и городскихъ соборахъ. Открытіе таковой школы при Житомирскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ.

Самымъ названіемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ опредѣляется ихъ назначеніе: съ одной стороны онѣ учреждаются пре-

имущественно для сословія, нуждающагося въ первоначальномъ образованіи, обыкновенно занятаго въ будни добываніемъ насущнаго хлѣба и могущаго употребить для духовнаго образованія одно праздничное время; съ другой, судя по времени преподаванія, эти заведенія, какъ и всѣ вообще образовательныя, и преимущественно элементарныя, должны быть проникнуты *религіозно-нравственнымъ характеромъ и направленіемъ*.

Этимъ назначеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ указываются мѣста ихъ учрежденія. Очевидно, наши большіе и малые города, мѣстечки, равно какъ и другія мѣстности, въ коихъ существуетъ ремесленный и вообще промышленный міръ, нуждаются въ нихъ, и опытъ существованія прежнихъ, закрытыхъ въ настоящее время, воскресныхъ школъ, достаточно показываетъ, что сознаніе пользы подобнаго рода заведеній развито въ народонаселеніи, которое призывается къ образованію. Впрочемъ, эти послѣднія были у насъ открываемы не по общему, прежде обдуманному плану, а образовались вслѣдствіе частныхъ предпріятій и подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Заведенія эти появлялись въ мѣстностяхъ, гдѣ было вдоволь дѣятелей, благопріятствовавшихъ существованію: гдѣ было кому заняться учрежденіемъ школы, собраніемъ нужныхъ матеріальныхъ средствъ и самымъ обученіемъ; но кто были эти дѣятели, каковы были ихъ намѣренія и цѣли, на это не было обращено надлежащаго вниманія, можетъ быть, по причинѣ новости этихъ у насъ заведеній. Не удивительно, если онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не оправдали своего назначенія, и даже пошли въ перерѣзъ нашимъ интересамъ, что и подало поводъ къ закрытію всѣхъ вообще воскресныхъ школъ въ Россіи. Не смотря на то, идея существованія ихъ, въ основаніяхъ своихъ, очевидно, справедливая и въ примѣненіи къ практикѣ можетъ быть въ высшей степени полезною, при обдуманномъ и благонамѣренномъ ея осуществленіи. Воскресныя и праздничныя школы должны быть у насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть промышленность и гдѣ, слѣдовательно, находятся работники и бѣдняки, нуждающіеся въ даровомъ образованіи, которому могутъ посвящать свободное отъ обыденныхъ занятій праздничное время, — тамъ только и необходимы подобныя заведенія; откройте тамъ ежедневную школу, она найдетъ менѣе воскресной учениковъ. Здѣсь, между прочимъ, заключается одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія приходскихъ училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія: ежедневно посылать въ училище дѣтей несостоятельнымъ ремесленникамъ и даже незажиточнымъ земледѣльцамъ крайне не выгодно, потому что будь это дѣти взрослыя, они теряютъ въ нихъ работниковъ, будь малолѣтнія—отъучиваютъ отъ занятій, которыя со временемъ должны доставлять средства къ содержанію. Впрочемъ, учрежденіемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ мы не отвергаемъ существованія теперешнихъ приходскихъ училищъ; пускай остаются онѣ и будутъ пріютомъ дѣтей, имѣющихъ болѣе

зажиточныхъ родителей; а бѣднѣйшія, обыкновенно занимающіяся въ будни работою, доставляющею необходимый кусокъ хлѣба, въ праздники и воскресные дни пойдутъ въ воскресную и праздничную школу. Притомъ, кому неизвѣстно, что нашъ низшій, ремесленный классъ, посвящаетъ свое время, свободное отъ ежедневныхъ занятій, чаще всего оргіямъ, или, по крайней мѣрѣ, посѣщенію народныхъ гульбищъ, кои мало доставляютъ питательной пищи для настоящихъ потребностей нашего духа. Не лучше ли посвятить эти досуги занятіямъ болѣе полезнымъ, каковы, напримѣръ, изученіе грамоты и письма и особенно главныхъ основаній нашей святой церкви! Стало быть въ нашихъ городахъ большихъ, среднихъ и малыхъ, мѣстечкахъ и вообше мануфактурныхъ и торговыхъ мѣстахъ необходимы воскресныя и праздничныя школы; только онѣ должны имѣть религіозно-нравственный характеръ, чтобы соотвѣтствовать главнымъ и кореннымъ потребностямъ христіанина, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, — и самому названію. Цѣль эта будетъ достигнута, если передать этого рода заведенія, равно какъ и всѣ вообще элементарныя школы въ руки или вѣдѣніе православнаго духовенства, какъ такого сословія, для котораго распространеніе и поддержаніе въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій составляетъ главную задачу. И въ самомъ дѣлѣ, кому приличнѣе занимать народъ какимъ бы то ни было ученіемъ въ воскресные и праздничные дни, какъ не духовенству, которое и дѣломъ и словомъ обязано показать паствѣ, какъ должно проводить праздничное время, сообразно съ идеею значенія его и назначенія? Ввѣривъ этого рода заведенія нашему духовенству, можно быть увѣренными на счетъ будущаго ихъ преуспѣянія.

Значитъ, гдѣ только можетъ быть нѣкоторое число лицъ, владѣющихъ образованіемъ, и гдѣ есть промышленный классъ народонаселенія, тамъ нужно открыть воскресныя и праздничныя школы. Значитъ, въ мѣстахъ нахожденія духовныхъ академій, семинарій и уѣздныхъ училищъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, особенно—если послѣдніе находятся въ мѣстностяхъ съ фабричнымъ и мануфактурнымъ населеніемъ, необходимо и учрежденіе часто поминаемыхъ нами заведеній. Какъ наставники, такъ и воспитанники духовноучебныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, охотно посвятятъ свои труды для занятій съ учениками воскресныхъ и праздничныхъ школъ,—заведеній столь полезныхъ и богоугодныхъ и по характеру и по времени преподаванія. Монашествующіе и бѣлое духовенство тѣмъ менѣе откажутся отъ занятій своихъ въ тѣхъ же школахъ, къ чему обязываютъ ихъ и обѣты, добровольно ими данные. Если въ прежнихъ воскресныхъ школахъ, теперь закрытыхъ, занимались свѣтскія лица, и нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, въ видахъ сообщенія питомцамъ политическихъ мнѣній, которыя нельзя назвать иначе, какъ бреднями дурно настроеннаго воображенія и утопіями,—то, для распространенія между народомъ истинъ вѣчныхъ, необходимыхъ для душевнаго спасенія, неужели не най-

дется избранныхъ дѣятелей въ нашихъ духовно-учебныхъ разсадникахъ, архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ? Допустить это, значило бы уронить тѣ заведенія, что само по себѣ нелѣпо, не сообразно съ истиною.

Мало того: эти послѣднія заведенія, какъ намъ кажется, могутъ быть въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ съ мануфактурнымъ и торговымъ населеніемъ, хотя бы въ нихъ не было духовныхъ учрежденій, архіерейскихъ домовъ и монастырей. Обыкновенно въ нашихъ уѣздныхъ городахъ не менѣе двухъ-трехъ церквей, съ весьма рѣдкими исключеніями; при этихъ церквахъ, особенно соборныхъ, два-три священника; епархіальной власти можно, при незначительныхъ усиліяхъ, дать имъ и причтъ изъ такихъ лицъ, кои были, по крайней мѣрѣ, въ низшемъ семинарскомъ классѣ. Если же число священно и церковно-служителей въ другихъ мѣстахъ не велико, то это показываетъ, что и народу тамъ немного; вообще у насъ количествомъ православнаго народонаселенія измѣряется количество мѣстнаго духовенства. Такимъ образомъ священно и церковно-служители извѣстныхъ мѣстъ, сложивъ свои силы, могутъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ мѣстныхъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ.

Но если гдѣ, то особенно въ юго-западной и западной Россіи чувствуется особенная потребность въ заведеніяхъ этого рода. Можно ручаться, что, не смотря на всѣ усилія правительства недопустить существованія въ краѣ латино-польской пропаганды, она у насъ не прекращаетъ своихъ занятій, въ чемъ едва-ли кто сомнѣвается; а потому и религіозныя и политическія побужденія заставляютъ насъ употребить всевозможныя усилія къ предотвращенію вредныхъ дѣйствій ея, по крайней мѣрѣ, на православное народонаселеніе. А кому неизвѣстно, что въ этомъ случаѣ недовольно однѣхъ воспретительныхъ мѣръ, а необходимо распространеніе въ народѣ православно-русскаго образованія, составляющаго единственно-вѣрную опору неприкосновенности церкви и государства. И кто въ состояніи осуществить это особенной важности требованіе, какъ не сословіе, совмѣщающее въ себѣ всѣ необходимыя для того качества? Стоитъ только взяться за дѣло съ искреннею готовностію и надлежащимъ усердіемъ, и можно ручаться за успѣхъ.

Воскресныя и праздничныя школы должны составлять элементарныя заведенія; слѣдовательно и объемъ преподаванія въ нихъ долженъ заключаться въ тѣсныхъ рамкахъ первоначальнаго обученія. По закону Божію—довольно сознательнаго изученія символа вѣры, десятословія, главнѣйшихъ повседневныхъ молитвъ, литургіи и прочихъ частей православнаго Богослуженія. По части грамотности довольно умѣнія читать по славянски, читать и писать по русски, а также понимать читаемое; для счетности необходимо знакомство съ системою счисленія и первыхъ четырехъ дѣйствій съ простыми числами. Хорошо было бы обучать церковному пѣнію; такимъ образомъ, изъ охотниковъ у насъ образовались бы, въ болѣе замѣча-

тельныхъ мѣстахъ, церковные пѣвческіе хоры, чѣмъ могли бы быть замѣнены органы, которыми такъ гордятся латыняне, по причинѣ, будто бы, вліянія ихъ на молитвенное настроеніе и развитіе музыкальнаго вкуса. Хорошо было бы еще знать географію своей губерніи и сосѣдственныхъ; но эту науку можно преподавать не прежде составленія руководствъ для самихъ преподавателей. Тоже самое можно сказать относительно преподаванія, въ біографическихъ очеркахъ, исторіи своего края въ частности и всей Россіи вообще.

Для существованія воскресныхъ и праздничныхъ школъ нужны преподаватели; необходимы и матеріальныя средства для покупки разныхъ учебныхъ пособій. Принявъ за норму раздѣленіе занятій, существовавшее въ прежнихъ воскресныхъ школахъ, теперь закрытыхъ, можно предполагать, что въ академіяхъ, семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ найдется довольно лицъ, готовыхъ удовлетворить потребностямъ, относительно преподаванія и части распорядительной, мѣстныхъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ; то же самое можно сказать объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Что же касается до священно и церковно-служителей меньшихъ городовъ и мѣстъ, то если бы нѣкоторые изъ нихъ пожелали за свои труды матеріальнаго вознагражденія, имъ, по приговору мѣстныхъ совѣтовъ, можно выдавать по 1 руб. сер. за два часа занятій въ школѣ чтеніемъ, письмомъ и ариѳметикою съ кружками учениковъ, изъ коихъ въ каждомъ должно быть не менѣе 4-хъ и не болѣе 6-ти. О преподаваніи закона Божія, при этомъ случаѣ, мы не упоминаемъ, потому что трудно предположить, чтобы между 3—4 священниками извѣстной мѣстности не нашлось ни одного, готоваго преподавать этотъ предметъ безмездно (*).

Помѣщеніе воскресныхъ и праздничныхъ школъ въ мѣстахъ нахожденія духовно-учебныхъ заведеній можетъ быть въ классныхъ комнатахъ, въ праздничное время, обыкновенно, ни кѣмъ и ничѣмъ не занятыхъ. При архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ можно помѣстить школу въ какомъ нибудь залѣ занимаемыхъ ими зданій, положимъ братской трапезѣ. Въ другихъ мѣстахъ, неимѣющихъ ни одного изъ этихъ заведеній, воскресныя и праздничныя школы могутъ найдти пріютъ въ зданіяхъ, занимаемыхъ приходскими министерскими училищами, или въ училищахъ, заведенныхъ духовенствомъ при церквахъ, или, наконецъ, въ зданіяхъ, отведенныхъ для этой цѣли обществами, въ слѣдствіе сношеній съ ними мѣстныхъ духовныхъ властей.

Для первоначальнаго обзаведенія воскресныхъ и праздничныхъ школъ, довольно, на первый разъ, 100 р. с.; впослѣдствіи эта сумма можетъ быть ежегодно отпускаема для обращенія, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ на текущія потребности школы, на составленіе неподвижной библіотеки, коей книги будутъ служить

(*) Бѣдный священникъ дѣлай самонужнѣйшее и самотруднѣйшее дѣло.
Ред.

для пособія при преподаваніи и выдаваемы для чтенія, при надлежащемъ обезпеченіи, мѣстнымъ жителямъ. Сумма, требуемая какъ для первоначальнаго обзаведенія, такъ и послѣдующей ежегодной ассигновки, въ великорусскомъ краѣ составится изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ сословій и преимущественно торговаго и фабричнаго; въ югозападной и западной Руси требуется непосредственнаго вспоможенія отъ правительства, которое можетъ употребить на этотъ предметъ суммы, составившіяся изъ 10—5-ти процентнаго сбора съ землевладѣльцевъ и штрафа за политическіе проступки. Таковыхъ на каждую школу пришлось бы ежегодно отпускать до 400 р. с., считая въ то число и жалованье преподавателямъ, кои того потребуютъ; слѣдовательно, на Волынскую губернію пришлось бы ежегодно расходовать въ пользу воскресныхъ и праздничныхъ школъ до 5 т. р. с. При таковомъ условіи наши воскресныя и праздничныя школы были бы поставлены въ безопасное положеніе и утверждены на прочномъ основаніи. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что заведеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ можно бы поисправить нравственность нашего городскаго и ремесленнаго сословій; а кто не знаетъ, что она вообще была и есть въ состояніи не завидномъ, и что изъ городовъ порча разливается и на сельское народонаселеніе. Слѣдовательно, нравственный выигрышъ съ избыткомъ вознаградилъ бы не важную цифру матеріальной потери.

Въ настоящее время въ г. Житомирѣ находится духовное уѣздное училище, при которомъ, по общему плану, должна быть воскресная и праздничная школа. Ее можно бы открыть тотчасъ же, не ожидая общаго распоряженія; стоитъ только сдѣлать особое представленіе о дозволеніи высшею властію помѣстить при житомирскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ закрытую воскресную школу, бывшую при пѣвческомъ хорѣ здѣшняго архіерейскаго дома. Отъ нея осталась библіотека, разныя учебныя пособія (географическія пособія, карты, аспидныя доски, счеты, бумага и проч.); осталось и денегъ болѣе 80 р. с. Стало быть всѣ необходимыя пособія для существованія школы есть подъ рукою; а преподавателями будутъ, вѣроятно, многіе изъ наставниковъ и лучшіе изъ воспитанниковъ духовнаго училища; примутъ, можетъ быть, участіе нѣкоторые изъ пѣвческаго хора волынскаго архіерейскаго дома. Программа и уставъ прежней воскресной школы, съ необходимыми измѣненіями и примѣненіями, могутъ служить руководствомъ для школы, предполагаемой къ открытію; при чемъ послѣднюю считать бы возобновленіемъ прежней, только съ измѣненнымъ названіемъ: *воскресной и праздничной школы при житомирскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ.*

Если представимъ, что латино-польская пропаганда въ краѣ не дремлетъ, распространяетъ между своими адептами понятія своего религіознаго и политическаго катихизиса и употребляетъ всевозможныя усилія къ парализированію русскаго элемента, то это дол-

жно усугубить нашу поспѣшность къ умноженію у насъ русскихъ учебныхъ заведеній—въ особенности для низшаго слоя народонаселенія, а слѣдовательно—къ немедленному открытію воскресныхъ и праздничныхъ школъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Россіи вообще и особенно югозападнаго нашего русскаго края, подвергающагося сильному напору латино-польскаго элемента.

СОСТОЯНІЕ УНИТСКОЙ ЦЕРКВИ НА УГОРСКОЙ РУСИ *).

Въ исходѣ 16-го столѣтія изобрѣтенная, для порабощенія и уничтоженія восточной церкви, польскими іезуитами унія,—у насъ появилась около 1640 года, въ лицѣ мукачевскаго епископа Василія Тарасовича, измѣнившаго первымъ православію, въ ряду своихъ предшественниковъ.— Съ этого времени болѣе ста лѣтъ боролся нашъ народъ за вѣру отцовъ своихъ; пока, наконецъ, 1768 г. духовенство наше, изнемогши подъ бременемъ утесненій, не находя другого спасенія изъ безвыходнаго горя, принуждено было купить право на достойную человѣка жизнь дорогою цѣною убѣжденія совѣсти и духовной независимости и повлекло за собою и всю массу простаго народа. И такъ, уже сто лѣтъ, какъ это деревце уніи окончательно насаждено въ нашу почву; при насажденіи котораго іерархи римской церкви надѣялись привить къ нему вѣточку изъ своего дерева и ожидали своихъ плодовъ; а наше духовенство думало подъ сѣнью сего вѣтвистаго дерева оградить себя отъ бурь грозной нетерпимости и улучшить свое бѣдное состояніе.

Теперь, по истеченіи столѣтія, разсмотримъ: каково состояніе сего деревца и какіе плоды принесло оно той и другой сторонѣ?

Русскій народъ, живущій въ Венгріи, въ церковномъ управленіи раздѣленъ на двѣ епархіи — мукачевскую и пряшевскую. Начало первой точно не извѣстно; вторая же основана въ 1816 году изъ отдѣленныхъ отъ мукачевской эпархіи приходовъ. Во главѣ управленія сихъ двухъ эпархій стоятъ епископы съ консисторіями, членами которыхъ,—въ качествѣ постоянныхъ мѣстныхъ совѣтниковъ,—суть каноники, всегда безбрачные или вдовцы, и другіе изъ бѣлаго духовенства, избираемые по усмотрѣнію епис-

---

(*) Сообщено однимъ ученымъ уніятскимъ священникомъ изъ мукачевской эпархіи. Ред.

копа и отличенные краснымъ поясомъ. Каноники, которыхъ въ мукачевской эпархіи семь, а въ Пряшевѣ пять,—избираются императоромъ изъ трехъ, представленныхъ епископомъ, одинъ. Императоромъ же избираются и епископы, не смотря на условіе уніи—избирать епископа духовенствомъ. До Іоанна Брадача, скончавшагося 1772 года, духовенство еще пользовалось правомъ избранія епископа, но съ этого времени государи уже сами избираютъ у насъ епископовъ. Также Брадачъ былъ первый епископъ, избранный изъ бѣлаго духовенства, давшій однакожъ обѣтъ жизни монашеской передъ рукоположеніемъ. Преемникъ его Андрей Бачинскій уже и сего обѣта не далъ, и съ тѣхъ поръ уже постоянно изъ бѣлаго духовенства избираются наши епископы.— Проводниками распоряженій епархіальнаго начальства между приходскими священниками названные, избираемые епископомъ, кругъ дѣйствія которыхъ, отличенныхъ тоже краснымъ поясомъ, состоитъ въ предсѣдательствѣ на собраніяхъ священниковъ, бываемыхъ дважды въ году, въ осеннее и весеннее время, въ надзорѣ за поведеніемъ священниковъ и надъ сельскими школами.— Обѣ эти наши епархіи подчинены латинскому остригомскому митрополиту, въ консисторію котораго должны посылаться для утвержденія всѣ супружескія тяжбы. Иго подчиненія латинскому митрополиту давно чувствуется нами и высвобожденіе изъ подъ него положено въ программу желаній и потребностей русскаго народа: неудобность сего подчиненія особенно возникаетъ при супружескихъ тяжбахъ, веденныхъ по причинѣ прелюбодѣянія. По законамъ церкви восточной, основаннымъ на словахъ св. писанія и преданія,— супружество по причинѣ прелюбодѣянія разрушается, а по законамъ западной церкви оно ни въ какомъ случаѣ не разводимо. Такъ сталось 1857 года, когда мукачевскою консисторіею одинъ бракъ по прелюбодѣянію былъ разведенъ, а остригомскою латинскою консисторіей было такое разрушеніе брака отвергнуто и даже оспариваемо и самое право греко-унитской церкви разторгать супружество по причинѣ прелюбодѣянія. По сему поводу возникъ занимательный споръ между двумя консисторіями, въ которомъ въ имени нашей консисторіи протоіерей каноникъ Іоаннъ Чурговичъ принялъ на себя трудъ защищенія сего права восточной церкви. Сей знаменитый, блаженной памяти, мужъ нашъ, докторъ богословія, въ своемъ, на латинскомъ языкѣ писанномъ, сочиненіи такими неопровержимыми доказательства-

ии защищалъ право нашей церкви, что латинская митрополичья консисторія пришла совершенно въ тупикъ. Митрополитъ латинскій передалъ сочиненіе Чурговича богословскому отдѣлу пештянскаго университета; но и тамъ сочли лучшимъ хранить благоразумное молчаніе по сему вопросу.

Для обученія богословія у насъ существуетъ одна семинарія въ Ужгородѣ—Unguar—, куда консисторіями обѣихъ епархій посылаются окончившіе 8-й классъ гимназіи и принятые въ число духовенства воспитанники, по истеченіи 4 лѣтъ оканчиваютъ курсъ богословскихъ наукъ. Всѣ предметы, за исключеніемъ пастырскаго богословія, преподаются на латинскомъ языкѣ, въ духѣ умѣренно латинскомъ. Для содержанія семинаріи отпускается правительствомъ изъ фонда церковнаго на каждаго воспитанника по 160 гульденовъ. Это богословское заведеніе основано въ 1771 г. Маріею Терезіей и помѣщается въ старинномъ ужгородскомъ замкѣ. Посылаются еще изъ обѣихъ эпархій по 2 воспитанника въ главную латинскую семинарію въ Вѣну.

Число бѣлаго духовенства мукачевской епархіи въ 376 приходахъ и по другимъ должностямъ простирается до 487 человѣкъ, въ пряшевской же епархіи въ 186 приходахъ и въ другихъ занятіяхъ считается 207 лицъ. — Духовенство наше съ 1854 года получаетъ денежное пособіе изъ фонда церковнаго, дополняющее недостатокъ 300 гульденовъ— суммы жалованья приходскаго священника. Не смотря на такое пособіе, простирающееся отъ 160 до 180 гульденовъ,—приходское наше духовенство принуждено хозяйствомъ обезпечивать свое существованіе. Главными средствами для содержанія приходскаго священника служатъ: участокъ усадебной и полевой земли, обработываемый трудами прихожанъ, изъ которыхъ каждый, владѣющій полевою землею, долженъ священнику работать 2 дня въ году, а имѣющій только домъ и усадьбу—одинъ день. Прихожане должны также доставлять священнику извѣстное количество такого зерноваго хлѣба, какій у нихъ родится, и платить за требоисправленія по установленію епархіальнаго начальства. А чего еще недостаетъ изъ сихъ доходовъ къ окладу жалованья въ 300 гульденовъ, то доплачивается изъ фонда церковнаго наличными деньгами. Разумѣется, что есть и большіе приходы, къ доходамъ которыхъ изъ фонда ничего не доплачивается и въ которыхъ жизнь священника довольно обезпечена. Сверхъ сего священникъ имѣетъ жилище и

древа.— У насъ нигдѣ нѣтъ діаконовъ, а только церковные пѣвцы, которые имѣютъ тоже участокъ земли, обработываемый своимъ или наемнымъ трудомъ, и получаютъ зерновый хлѣбъ, равно и плату за содѣйствіе священнику въ требоисправленіяхъ.

Для обезпеченія судьбы вдовъ и сиротъ священниковъ, въ пряшевской епархіи дѣлаются духовенствомъ постановленныя ежегодныя складчины, которыя ежегодно раздѣляютъ между вдовами и сиротами. Въ мукачевской же эпархіи стараніемъ блаженной памяти Поповича составленъ постоянный фондъ, въ который каждый приходскій священникъ обязанъ вносить 20 гульденовъ ежегодно, въ продолженіи 10 лѣтъ,— изъ каковаго фонда, состоящаго подъ надзоромъ консисторіи, каждая вдова получаетъ 52—60 гульденовъ, а сирота, до 18 года— по 20 гульд. На основаніи таковаго права вдовъ и сиротъ поповскихъ къ сему фонду, составленному единственно изъ взносовъ духовенства,— епископомъ Поповичемъ постановлено, что каждый духовный воспитанникъ, если хочетъ жениться на дѣвицѣ свѣтскаго званія, или хотя и священнической, но изъ другой епархіи—долженъ уплатить, въ пользу сего фонда, такую сумму, которая соотвѣтствуетъ пособію, получаемому вдовами въ видѣ процентовъ.

Для сиротъ— мальчиковъ священническихъ существуетъ въ Ужгородѣ заведеніе, основанное епископомъ Поповичемъ (1831) и поддерживаемое взносами жертвоприношеніями духовенства. Въ этомъ сиротскомъ домѣ мальчики, учащіеся въ гимназіи, получаютъ жилище и столъ.— Такое же заведеніе задумано основать и для сиротъ— дѣвицъ духовнаго званія, съ цѣлью дать имъ пріютъ и воспитаніе въ духѣ нашего обряда и народности. Потребность такого заведенія, въ которомъ бы кромѣ сиротъ обучались у другія дѣвочки, весьма чувствуется нами; такъ какъ женскій полъ нашего духовенства, воспитанный подъ враждебнымъ вліяніемъ латинскихъ сестеръ милосердія, совсѣмъ чуждъ нашей вѣры и народности. Основаніе сего заведенія уже положено жертвами нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ; но какъ пожертвованной доселѣ суммы еще не достаточно для открытія его,— то исполненіе ожидаетъ еще больше покровителей изъ среды духовенства.

Всего монашескаго духовенства, въ 7-ми нашихъ монастыряхъ, считается около 50 лицъ. Оно надѣлено основателями землею; но въ убогихъ монастыряхъ часто принуждено и милостынею под-

держивать свое существованіе. Всѣ наши монахи носятъ бороды и рясы; но, къ прискорбію, часто мѣняютъ свою важную монашескую одежду на свѣтскую, модную. Въ послѣднее время монашество наше, правду сказать, не только количествомъ, но и качествомъ со дня на день упадаетъ.— Обыкновенно поступаютъ въ монашество люди молодые, едва окончившіе два-три класса гимназіи, а часто и вовсе неокончившіе никакихъ классовъ, а только выучившіеся читать. А между тѣмъ въ монастырѣ все ихъ ученіе ограничивается чтеніемъ, писаніемъ, пѣніемъ и нѣкоторыми только первоначальными познаніями, послѣ котораго уже отсылаютъ ихъ въ повчанскій монастырь для изученія богословія, которое имъ преподается на русскомъ языкѣ и изъ котораго они должны подвергаться ежегоднымъ испытаніямъ, въ Ужгородѣ, передъ профессорами богословскаго лицея. Наши монахи не занимаются ученьемъ, за исключеніемъ монастыря повчанскаго, гдѣ они по волѣ основателя обязаны учить дѣтей въ первоначальной школѣ мѣстечка Повчъ. Бездѣйствіе, отсталость—суть причиною многихъ упрековъ, бросаемыхъ образованнымъ обществомъ въ нашихъ иноковъ. Для поднятія образованія и для сохраненія ихъ отъ совершеннаго упадка, непременно нужно бы имъ основать въ одномъ изъ монастырей домашнее 5 классное училище, для подготовленія своихъ новичковъ (послушниковъ) къ богословію.—Во главѣ монашества нашего, подъ властію епархіальнаго епископа, стоитъ протоигуменъ, избираемый братіею на три года и имѣющій мѣстопребываніе въ мукачевскомъ монастырѣ. Также избираются и настоятели прочихъ монастырей, то есть большинствомъ голосовъ на общемъ собраніи представителей всѣхъ монастырей. Это выборное начало у нашихъ монаховъ хотя и имѣетъ нѣкоторую выгоду, но вообще оно, по частой перемѣнѣ настоятелей, не считается мѣрою, приносящею дальнѣйшую пользу нашему черному духовенству.

Хотя цѣлость и чистота греческаго обряда и подвержена у насъ нѣкоторымъ перемѣнамъ; но все таки обрядъ у насъ гораздо чище сохранился, чѣмъ у галицкихъ и холмскихъ унитовъ. Въ нашихъ церквахъ повсюду суть иконостасы, и, за изъятіемъ монастырскихъ и нѣкоторыхъ немногихъ другихъ церквей, повсюду только одинъ престолъ. Нѣтъ у насъ, и никогда и не будетъ, ни *монстранцій* и органовъ, ни другихъ безобразныхъ принадлежностей латинскаго обряда, которыми такъ жалко изобилуютъ

унитскія церкви холмской и галицкихъ эпархій. — Были у нашихъ священниковъ попытки, еще во время епископа Поповича, носить бороды, отчасти правда не изъ чистой любви ко греческому обряду, а просто изъ уваженія къ этому мужескому отличію и украшенію лица; — были попытки и подрясникъ латинскій замѣнить на греческій; но все это было запрещено епископомъ. На возраженіе одного воспитанника духовнаго: что мы, будучи обряда греческаго, должны соблюдать во всемъ обычаи и постановленія сей церкви,— епископъ Поповичъ замѣтилъ: „мы любовь къ вѣрѣ церкви нашей должны носить въ сердцѣ, а не въ одеждѣ.“ — Была попытка, въ послѣднее время, выбросить и колокольчики изъ храмовъ, какъ вещь не нужною; но это было запрещено, какъ равно и всякая перемѣна въ доселѣ утвердившемся у насъ обрядѣ. Съ прискорбіемъ должно здѣсь замѣтить, что въ пряшевской епархіи есть люди, которые позволяютъ сѣбѣ нарушать неприкосновенность нашего обряда, даже въ пряшевской архіерейской церкви допускаются безобразныя нововведенія изъ латинскаго обряда и оставленія ектеній, происходящія, конечно не изъ усердія къ славѣ Божіей.

Заботливостью бл. пам. епископа Поповича, запретившаго строить деревянныя храмы, у насъ, въ мукочевской эпархіи, подъ 26-лѣтнимъ управленіемъ его, воздвигнуто множество каменныхъ церквей, по большей части собственными средствами поселянъ, такъ, что нынѣ у насъ очень мало старыхъ деревянныхъ церквей и въ короткомъ времени повсюду будутъ замѣнены прочными каменными.

Подъ долгимъ правленіемъ Василія Поповича, отличившагося особенною любовію къ греческой церкви,—много сдѣлано въ пользу эпархіи мукачевской. Но послѣдніе годы жизни его были огорчены предательствомъ. Участіемъ одного молодаго священника, приверженца ултрамонтанской секты — предательски донесено римскому нунцію и папѣ: что мукачевская эпархія колеблется въ уніи, что римскій католицизмъ въ ней клонится къ упадку.— Хотя правда, что епископъ Поповичъ отличался большою любовію къ постановленіямъ своей церкви,— что наше духовенство рѣшительно противится ученію о непогрѣшимости папы; но все таки оно, по нѣкоторымъ изъ нашего убогаго состоянія вытекающимъ причинамъ, необходимымъ почитаетъ держаться уніи.

Въ епархіи мукачевской есть около 50 приходовъ, числящих-

ся 60 тысячи душъ, живущихъ среди мадьярскаго населенія, но они забыли свой русскій языкъ и говорятъ теперь только по-мадьярски, хотя впрочемъ называютъ себя еще русскими по вѣрѣ и по происхожденію. На основаніи ученія восточной церкви, по которому каждый народъ можетъ совершать свое богослуженіе на понятномъ для него языкѣ, — священники упомянутыхъ селеній стали требовать, въ послѣднее время перевода литургіи на мадьярскій языкъ. Но поелику введеніе новаго языка въ богослуженіе унитской церкви зависитъ отъ папы, то епископъ Поповичъ и не могъ дозволитъ имъ употребленія мадьярской литургіи, предоставивъ однако право пользоваться своимъ языкомъ при богослуженіи въ пѣніи церковномъ, въ чтеніи св. писанія и при совершеніи таинствъ и другихъ требоисправленій. Трудами переводчика ихъ, священника Рошковича, они имѣютъ уже мадьярскую молитвенную книгу и катехизмъ.

Въ прошломъ году распространялось у насъ сочиненіе: „Братское привѣтствіе Ширaева“, но оно тотчасъ было запрещено и отобрано эпархіальнымъ блюстителемъ. Появленіе у насъ русской брошюры затревожило умы многихъ; даже правительство обратило на это свое вниманіе; но узнавъ, что брошюра чисто духовнаго содержанія, прекратило свое гоненіе неповинной брошюры. Прошлаго же года, изъ книгопечатни пештянскаго университета появился русскій букварь для нашихъ сельскихъ школъ, въ которомъ въ символѣ вѣры, была пропущена, вѣроятно какъ опечатка,— прибавка „и Сына“. Но и на этотъ букварь былъ наложенъ запретъ эпархіальнымъ начальствомъ.

Объ отношеніи нашего духовенства къ латинскому должно сказать, что оно довольно холодно. Духъ гордости и преобладанія латинскаго духовенства разрушаетъ всякое дружелюбное отношеніе между нами. Не смотря на то, что въ нашемъ катехизмѣ преподается ученіе о единствѣ нашей вѣры съ латинскою,— простый нашъ народъ однако не видитъ сего единства и всегда различаетъ свою русскую вѣру отъ латинской, которую папѣжскою называетъ.

Наконецъ, русскій читатель, долженъ я вамъ сообщить смутную вѣсть, доходящую до насъ изъ ужанской жупы (comitatus Ung.), будто бы тамъ нѣкоторыя русскія селенія, огорченныя злоупотребленіями священниковъ своихъ и подстрекаемыя латинскою пропагандою, хотѣли совратиться въ латинство. Эпархіальное

наше правительство выслало тамъ слѣдственную коммиссію противъ злоупотребленій нѣкоторыхъ священниковъ, обжалованныхъ прихожанами, и принимаетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы успокоить взволнованный народъ и предохранить его отъ измѣны вѣрѣ отцовъ. Нашъ народъ крайне бѣденъ и весьма тягостнымъ почитаетъ для себя содержаніе священника. А этою то слабою стороною его и воспользовались латинскіе душехваты, чтобы лишить его вѣры, а потомъ и народности.— Но Господь Богъ, хранившій цѣлое тысячелѣтіе горсть русскаго народа, заброшеннаго въ ущелія Карпатовъ, вѣруемъ и надѣемся сохранитъ его и отъ сей измѣны!

ИЗЪ М. СМОРГОНЬ ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ ОШМЯНСКАГО УѢЗДА.

10-е апрѣля 1866 года останется навсегда въ памяти жителей м. Сморгонь и окрестныхъ съ нимъ селеній. Вѣсть о беспримѣрномъ злодѣяніи—покушеніи на жизнь Освободителя народа, обожаемаго Монарха, съ быстротою молніи огласившая Россію, повергла въ невыразимую скорбь и негодованіе и жителей м. Сморгонь. Всякій по своему старался выразить чувства любви и преданности Августѣйшему Монарху. Православные крестьяне, прихожане сморгонской церкви, на сходнѣ, бывшей 8-го апрѣля, въ порывѣ скорби и негодаванія къ злодѣю и безпредѣльной любви къ Царю-Батюшкѣ, тотчасъ же составили адресъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, съ выраженіемъ вѣрноподданнической любви ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, и въ память чудеснаго избавленія ЕГО жизни отъ руки злодѣя рѣшили заказать образъ во имя преподобныхъ Іосифа, Георгія и Зосимы, чествуемыхъ православною церковію 4-го апрѣля. Кромѣ сего, не дожидая отъ правительства оффиціальнаго извѣстія о злодѣяніи, постановили собраться въ приходскую церковь 10-го апрѣля и возблагодарить Вседержителя Творца за спасеніе жизни Помазанника Божія. И вотъ настало 10-го апрѣля. Съ утренней зари до 8-ми часовъ утра народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень толпами спѣшитъ въ церковь. Утромъ, мѣстнымъ священникомъ отслужено было всенощное бдѣніе, а ровно въ 10-ть часовъ заблаговѣстили къ обѣдни. По совершеніи проскомидіи, предъ литургіей, мѣстнымъ священникомъ сказано было народу

краткое слово, въ которомъ священникъ возбуждалъ православныхъ къ усердной молитвѣ о спасеніи Царя, убѣждалъ, уповая на Бога, не боясь и не обращая вниманія на угрозы враговъ, идти твердо и смѣло по пути, указываемому правительствомъ. На лицахъ народа замѣчаема была— у нѣкоторыхъ радость о спасеніи Благодѣтеля—Царя, у другихъ удивленіе, откуда взялся извергъ, отважившійся на неслыханное злодѣйство,— а у иныхъ мрачныя лица выражали злобу и месть врагамъ. Нѣсколько десятковъ р. католиковъ выразили желаніе оставить латинство и присоединиться къ православной церкви, что дѣйствительно и исполнили. Вообще замѣтно, что многіе изъ латинствующихъ, съ которыми намъ приходилось говорить, значительно охладѣли къ ксендзамъ и папству. Въ 11-ть часовъ утра началась божественная литургія. Разнородныя чувства утишились и слились въ одну общую благодарную молитву за спасеніе Царя. Народъ, во время литургіи, не могъ вмѣститься въ храмѣ, поэтому, чтобы доставить возможность и остальнымъ соединить вмѣстѣ съ церковью свои молитвы, устроенъ былъ крестный ходъ на площадь предъ церковію. По окончаніи литургіи, въ предпесеніи св. креста, св. иконъ и хоругвій, крестный ходъ двинулся на площадь. Воинскіе чины квартирующей здѣсь артиллеріи и пѣхоты, подъ начальствомъ любимаго и уважаемаго жителями подполковника Чернопятова, привѣтствовали крестный ходъ отданіемъ ему воинской почести. Умилительно было видѣть массу народа, около 3,000 человѣкъ, колѣно-преклоненною. Умилительно было видѣть старыхъ и юныхъ, мужей и младенцевъ, одними устами и однимъ сердцемъ благодарившихъ Бога о спасеніи Отца-Освободителя, о дарованіи ЕМУ здравія, объ осуществленіи благихъ ЕГО предначертаній и мирнаго житія на многа лѣта. При провозглашеніи священникомъ Августѣйшему Монарху многолѣтія, нарѣзная батарея артиллеріи вторила звону колоколовъ и пѣнію клира и изъ четырехъ орудій выпустила 51 выстрѣлъ. По окончаніи молебна, войска и народъ окроплены были св. водою и прикладывались ко кресту. Отъ жителей м. Сморгонь, войска угощены были винною порціей и булками. При провозглашеніи тоста за здравіе Августѣйшаго Монарха, громогласное и протяжное ура! долго раздавалось во всѣхъ концахъ и мѣстахъ базарной площади. Вечеромъ мѣстечко было иллюминовано.

Благодареніе Богу благодателю нашему всегда и за все! Въ

настоящемъ грустно-радостномъ избавленіи отъ смерти нашего Монарха видимъ какъ бы требованіе Богомъ у здѣшняго народа отчета за время, прожитое послѣ мятежа 1863 года. И слава Богу! успѣхъ видѣнъ громадный. До 1863 года этотъ же самый народъ, на всѣ радостныя, или печальныя вѣсти о судьбѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и ЕГО Августѣйшаго Дома оставался безгласнымъ и равнодушнымъ, до того поляки и латинство успѣли притупить у нихъ всѣ благородныя чувсвва. А теперь? Еще послѣ мятежа прошло только два года, и уже видимъ тотъ же народъ иначе глядящій на вещи, иначе глядящій на другихъ и на себя. Этотъ же самый народъ начинаетъ срывать съ глазъ своихъ плотную повязку, толстую папскую скорлупу, начинаетъ различать истину отъ лжи и, при вѣсти о козняхъ, замышляемыхъ его Освободителю и будущему своему благоденствію, у него теперь, на мѣсто прежняго равнодушія и безчувственности, видны на глазахъ слезы благодарности Творцу на спасеніе жизни своего Освободителя, и на лицѣ видна серьозная дума, какъ защититься и оградить себя отъ домашнихъ враговъ. *С. И. Г.....тъ.*

1866 года
11-го апрѣля.
М. Сморгонь.

ВИЛЬНА, 1-ГО МАЯ 1866 Г.

(Первый сѣверо-западный русскій праздникъ).

Вильна особенно счастлива на праздники. Даже общерусскія и общерелигіозныя торжества нерѣдко принимаютъ въ ней особый характеръ и личный оттѣнокъ. 1-е мая, совпавшее въ этомъ году съ днемъ воскреснымъ, вся Русь православная праздновала болѣе согласно, привольно и торжественно, чѣмъ какъ она обыкновенно празднуетъ день полнаго возрожденія растительнаго царства и начало прекраснѣйшаго изъ періодовъ года. Но виленскій праздникъ 1-го мая, кромѣ этого общаго всей Россіи значенія, имѣетъ и свое мѣстное и многознаменательное: онъ не только въ этотъ день торжествуетъ возрожденіе природы, воскресеніе царства растительнаго, но и умиротвореніе и возрожденіе сѣверо-западной Россіи къ новой жизни. воскресеніе въ ней русской вѣры и народности

послѣ долгаго цѣпенѣнія ихъ подъ хладнымъ давленіемъ чуждой пропаганды. 1-го мая 1863 г. вдохновенный Богомъ Монархъ русскій указалъ этому многострадальному краю его архистратига, въ лицѣ графа *Михаила* Николаевича Муравьева; 1-го мая 1865 г. сей новый архистратигъ, съ соизволенія Повелителя Россіи, сложилъ съ себя бремя сугубаго правленія краемъ и тѣмъ показалъ, что гидра крамолы, терзавшей его, подавлена, что главный подвигъ правителя оконченъ, что администрація страною вступаетъ *почти* въ обычную колею своихъ отправленій,— что въ два года можно сдѣлать, при широкомъ умѣ, сильной волѣ и русскомъ сердцѣ, болѣе, нежели сколько могли бы сдѣлать натуры, менѣе могучія, въ два десятилѣтія.

За то и Вильна крѣпко помнитъ и никогда не забудетъ 1-го мая; за то она и празднуетъ его такъ торжественно и разнообразно, какъ не празднуютъ его нигдѣ въ Россіи. Вильна, какъ и должно быть, придала своему празднику и религіозный и народный характеръ. Въ Св. Духовомъ монастырѣ совершилъ литургію преосвященный Александръ. Послѣ литургіи, преосвященный, г. начальникъ губерніи (*), весь генералитетъ, всѣ чины военные и гражданскіе, въ парадныхъ формахъ, вся православная а отчасти неправославная, и даже нехристіанская, Вильна поспѣшила на Георгіевскую площадь. Здѣсь, въ сослуженіи всего почетнѣйшаго виленскаго духовенства, преосвященный Александръ совершилъ молебствіе св. Благовѣрному князю Александру Невскому, съ колѣнопреклоненною въ концѣ молебна молитвою. Предъ молебномъ, отецъ ректоръ здѣшней семинаріи, архимандритъ Іосифъ сказалъ краткую, но многосодержательную и энергичную рѣчь, объясняющую значеніе торжества, а по окончаніи молебна провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчная память „православнымъ воинамъ и всѣмъ за вѣру и отечество убіенным во время бывшаго злодѣйскаго мятежа“,— многолѣтіе высокопреосвященнѣйшему Іосифу, митрополиту литовскому и виленскому, преосвященному Александру, военачальникамъ, градоначальникамъ, всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. При пѣніи многолѣтія Государю Императору, военный оркестръ исполнилъ народный гимнъ, сопровождавшійся громкимъ

(*) Г. главный начальникъ края наканунѣ выѣхалъ въ С. Петербургъ.

ура! прекратившимся по случаю слѣдующаго возглашенія протодіакона. По окончаніи молебствія, народъ, войска и гимназисты были окроплены отъ преосвященнаго св. водою.

Торжество это было полно глубокаго смысла и неописаннаго величія. Дружное сочетаніе молитвенныхъ возглашеній и пѣснопѣній заздравныхъ и заупокойныхъ поминутно переносило нашу мысль и взоръ отъ земли на небо, съ неба на землю; громовое, широкое, полной могучею грудью воспѣваемое — многая лѣта, восторгало душу русскую, потрясало всѣ фибры сердца, какъ бы силилось огласить своими звуками всю необъятную землю русскую; заунывное — вѣчная память мгновенно укрощало бурные порывы жизни, уносило мысль и чувство въ жизнь иную, заставляло вздохнуть къ Богу объ упокоеніи со святыми героевъ-мучениковъ, именами которыхъ покрыта св. Александровская часовня, воздвигнутая для увѣковѣченія ихъ памяти въ грядущихъ поколѣніяхъ. Самая площадь представляла картину рѣдкой живописности и торжественности. Вся она была переполнена собравшимися на религіозно-патріотическій праздникъ, окна прекрасныхъ домовъ, окаймляющихъ площадь, унизаны были лицами зрителей; лучи солнца, поминутно выглядывавшаго изъ за легкихъ, безводныхъ облачковъ, словно обдавали золотымъ огнемъ дивный куполъ часовни-памятника, на крыльцѣ котораго совершалось молебствіе; на душѣ было и весело и грустно, но больше весело, чѣмъ грустно. Мимолетное облачко грусти, навѣянное воспоминаніемъ о мученической кончинѣ нашихъ собратій, быстро смѣнялось свѣтомъ вѣры, святостью принесенной ими жертвы, безконечностью ихъ райскаго блаженства, великостью услугъ, оказанныхъ ими Россіи и православію.

Вечеромъ, на смѣну праздника религіознаго, явился праздникъ народный. Въ нижнемъ отдѣленіи Ботаническаго сада устроенъ былъ общенародный праздникъ; два хора военной музыки и хоръ пѣсенниковъ, съ 6-ти часовъ до 12-ти по полудни, исполняли преимущественно русскія пьесы и пѣсни; всѣ главныя аллеи сада и прудъ были ярко иллюминованы. Въ верхнемъ же отдѣленіи сада, гдѣ имѣетъ лѣтнее помѣщеніе клубъ, праздникъ 1-го мая, кромѣ общаго, имѣлъ еще отчасти и свой личный характеръ. Здѣсь собрались отпраздновать этотъ незабвенный для западнаго края Россіи день всѣ сослуживцы графа Муравьева — военные и гражданскіе, съ своими семействами, болѣе торжественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ семейнымъ образомъ. На собранныя деньги по подпискѣ, —

устроена была иллюминація этой части сада болѣе блистательная, чѣмъ въ нижнемъ саду: освѣщеніе по карнизамъ и наличникамъ оконъ и дверей двуэтажнаго клубнаго дома шкаликами, а фронта этого дома, двухъ деревъ на срединѣ площади и главной аллеи сада разноцвѣтными лампіонами и китайскими фонарями,— производило на зрителей волшебное впечатлѣніе, усугубляемое попеременною игрою русскихъ пiесъ хоромъ военной музыки и разъудалымъ пѣніемъ пѣсенниками, квартирующаго въ Вильнѣ, Оренбургскаго полка русскихъ народныхъ пѣсень.

Изъ сихъ послѣднихъ въ особенности заинтересовала публику своимъ содержаніемъ и отличнымъ исполненіемъ нарочно сложенная для этого торжества солдатская пѣсня. Восторженная публика заставила ее повторить нѣсколько разъ, а автора ея, артиллеріи штабсъ-капитана г. Меньшикова, привѣтствовала русскимъ ура. Въ 10 часовъ сожженъ былъ весьма разнообразный фейерверкъ, и когда появились бриллiантовыя тріумфальныя ворота и вензелевое изображеніе Государя Императора въ лавровомъ вѣнкѣ,— вся публика верхняго сада огласила воздухъ громовымъ воплемъ ура, подхваченнымъ еще звучнѣе огромною массою народа разныхъ сословій, вѣроисповѣданій, пола и возраста, наполнявшаго, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, весь довольно обширный, нижный садъ. Вслѣдъ за этимъ взрывомъ народнаго восторга, хоры музыки обоихъ садовъ проиграли гимнъ, повторенный, по потребованію публики, нѣсколько разъ и всегда оканчиваемый со стороны публики единодушными криками ура! Чудныя горы, у подножія которыхъ расположенъ верхній садъ, облитыя усиленнымъ бенгальскимъ огнемъ, дополняли волшебство картины; погода, которая сдѣлала бы честь и 1-му мая въ Неаполѣ, удвояла наслажденіе гуляющихъ.

Послѣ фейерверка, посѣтители верхняго сада угощены были прекраснымъ ужиномъ, устроеннымъ въ огромной палаткѣ, раскинутой, для этого случая, на площади сада. За ужиномъ подняты были тосты: за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома, за главнаго начальника края, за графа Михаила Николаевича Муравьева — невидимо, такъ сказать, присутствовавшаго въ этотъ моментъ въ душахъ всѣхъ собравшихся отпраздновать умиротвореніе имѣ края, за О. И. Комиссарова-Костромскаго, за начальника губерніи, за присутствующихъ, за успѣхъ русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ и проч. проч., незабыты были также, авторъ „Солдатской пѣсни“ и распорядители праздника, съумѣвшіе

устроить его къ полному удовольствію всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе. (*)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Высочайшіе рескрипты и грамоты нѣкоторымъ іерархамъ западной Россіи.

I.

1. *Высокопреосвященному* Іосифу, *митрополиту литовскому и виленскому, о пожалованіи осыпаннаго драгоцѣнными каменьями посоха и предложеніе его высокопреосвященства въ д. консисторію, по этому случаю.*

Преосвященный Митрополитъ Литовскій *Іосифъ!* Обозрѣвая пройденное вами многолѣтнее служеніе, МНѢ пріятно остановить вниманіе на незабвенныхъ заслугахъ, коими ознаменована многосторонняя и многополезная ваша дѣятельность. Возвративъ съ достойными сподвижниками вашими въ нѣдра православія милліоны душъ единоплеменнаго народа, вы неутомимо стремитесь къ утвержденію вѣры православной во ввѣренной вамъ, искони русской, паствѣ, руководя ее словомъ и примѣромъ къ неразрывному соединенію съ прародительскимъ благочестіемъ и бдительно сохраняя въ этомъ единеніи. Недавнія событія показали, сколь благотворна и полезна такая ваша дѣятельность для православной церкви и русской народности. Во изъявленіе полнаго и совершеннаго МОЕГО къ вамъ благоволенія за столь важныя заслуги ваши, препровождаю при семъ Всемилостивѣйше жалуемый МНОЮ вамъ посохъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, усердно желая, да Божественный Пастыре-Начальникъ хранитъ и укрѣпляетъ васъ на новые подвиги къ благу святой православной церкви и отечества.

Поручая СЕБЯ молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
27 Марта 1866 года.

(*) На другой день о праздникѣ въ саду посланы г. Начальникомъ губерніи телеграммы къ графу Муравьеву.

Его Высокопреосвященство, по этому случаю, далъ литовской консисторіи, отъ 31 минувшаго марта, за № 468, слѣдующее *предложеніе:*

«При отношеніи г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 27-го марта, за № 1695, удостоился я получить Высочайшій рескриптъ отъ того же дня, о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ посоха, украшеннаго драгоцѣнными камнями. Рескриптъ сей препровождаю при семъ въ консисторію въ спискѣ и предлагаю оной объявить его всему духовенству литовской епархіи. Всемилостивѣйшія слова рескрипта не только лестны милостивымъ вниманіемъ ко мнѣ Государя Императора, но и знаменательны благосклонною, одобрительною оцѣнкою пути, пройденнаго здѣшнею православною паствою и ея пастырями. Да потщится-же эта паства и ея пастыри дальнѣйшимъ слѣдованіемъ по томуже пути преуспѣянія, въ духѣ истиннаго православія и русской народности. Надѣюсь, что по сему случаю духовенство литовской епархіи принесетъ теплыя молитвы Всевышнему о благоденствіи Государя Императора и Августѣйшаго Дома. Надѣюсь, что оно помолится Господу Богу и о мнѣ недостойномъ, да укрѣпитъ Онъ силы мои на дальнѣйшее служеніе Царю, отечеству и церкви православной и на благо ввѣренной мнѣ паствы.»

2. *Преосвященному* Арсенію, *митрополиту кіевскому и галицкому.*

Управляя старѣйшею въ Россіи святительскою каѳедрою, вы являете себя доблестнымъ преемникомъ приснопамятныхъ предшественниковъ вашихъ. Въ духѣ святой православной вѣры и истинно христіанскаго благочестія руководя ко спасенію Богомъ ввѣренную вамъ паству, вы знаменуете архипастырское служеніе ваше неутомимою ревностію о распространеніи между пастырями и пасомыми свѣта истиннаго просвѣщенія и объ улучшеніи духовно-нравственнаго благосостоянія епархіи. Съ отеческими заботами о ея духовныхъ нуждахъ вы въ тоже время соединяете полезное и благотворное участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, по званію члена святѣйшаго синода. Желая почтить столь важныя заслуги ваши знакомъ особаго Нашего вниманія и благоволенія, Всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ къ Императорскому ордену Нашему святаго апостола Андрея Первозваннаго, благовѣстника христіанства въ странѣ, гдѣ вы нынѣ подвизаетесь въ архипастырскомъ служеніи церкви и отечеству. Святыя молитвы его да сохранятъ васъ на дальнѣйшее прохожденіе вашего поприща и да споспѣшествуютъ вамъ ко благому и плодотворному исполненію возложенныхъ на васъ обязанностей по устройству духовно-учебныхъ учрежденій.

Препровождая къ вамъ знаки сего ордена и повелѣвая возложить ихъ на себя и носить по установленію, пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
27 Марта 1866 года.

3. *Члену святѣйшаго правительствующаго сѵнода, преосвященному архіепископу* Василію.

Со времени достопамятнаго возсоединенія съ православною церковію бывшихъ чадъ ея, постоянно управляя ввѣренною вамъ епархію, вы не преставали являть ревность на архипастырскомъ вашемъ поприщѣ и опытность въ руководительствѣ паствою. Во вниманіи къ отлично полезному и долговременному служенію вашему, важнымъ заслугамъ церкви православной и понесеннымъ трудамъ желая изъявить особенное Наше благоволеніе, Всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ въ Императорскому ордену Нашему сватаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени. Всевышній да сохранитъ васъ и укрѣпитъ силы ваши для дальнѣйшаго служенія святой православной церкви.

Препровождая при семъ знаки сего ордена и повелѣвая возложить ихъ на себя и носить по установленію, пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
27 Марта 1866 года.

II.

Всеподданнѣйшее письмо высокопреосвященнаго митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа *Государю ИМПЕРАТОРУ, съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности его и подвѣдомаго ему духовенства, по случаю избавленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности.*

Всепресвѣтлѣйшій Монархъ,

Благочестивѣйшій Государь!

Съ ужасомъ въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, съ молитвою на устахъ, приняли мы недавно страшную вѣсть о святотатствен-

нымъ покушеніи на жизнь Твою, Благочестивѣйшій Государь. Вслѣдъ за тѣмъ, мы ликовали, со всѣмъ вѣрнымъ Твоимъ народомъ, о чудесномъ избавленіи Твоимъ. Тѣмъ радостнѣе для Тебя, Всемилостивѣйшій Государь, тѣмъ драгоцѣннѣе для всего Твоего народа, будутъ наступающія торжественныя празднества, столько же Государственныя, сколько и Царственно-семейныя.

Позвольте, Благочестивѣйшій Государь, и мнѣ, недужному старцу, отъ себя и отъ имени литовской православной паствы, принести Вамъ глубочайшее отъ души поздравленіе и вѣрноподданническое благожеланіе. Да осѣнитъ Всевышній, кровомъ крылу своею, Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, отъ всякія злыя напасти, и да ниспошлетъ Онъ Вамъ вся благая, и какъ Отцу Царственнаго семейства, и какъ Отцу безчисленнаго русскаго народа!

Вашего Императорскаго Величества
преданнѣйшій вѣрноподданный и богомолецъ
Іосифъ митрополитъ литовскій.

13-го апрѣля 1866 г.
Вильна.

III.

Высочайшій рескриптъ на имя высокопреосвященнаго митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа, *послѣдовавшій по вышесказанному всеподданнѣйшему его письму.*

Преосвященный митрополитъ литовскій Іосифъ!

Искренно благодарю васъ и православную литовскую паству за выраженныя вѣрноподданническія чувства радости объ избавленіи Меня отъ угрожавшей опасности. Съ особымъ удовольствіемъ Я принялъ ихъ, какъ новое доказательство неизмѣнной преданности престолу древле-православныхъ и единоплеменныхъ сыновъ Россіи, твердо устоявшихъ въ единствѣ вѣры, народности и государственнаго устройства, не смотря на всѣ превратности, ими испытанныя. Съ утѣшеніемъ взирая на эту твердость, которая несомненно и останется непоколебимою, молю Господа, по великой ко Мнѣ милости сохранившаго жизнь Мою, продлить дни вашего полезнаго служенія, столь памятнаго въ лѣтописяхъ русской православной церкви.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
18 апрѣля 1866 г.

Корреспонденціи въ „Виленскій Вѣстникъ" изъ Шавель, Лепеля, Слуцка, Бѣлостока, Могилева и Ковна.

Изъ Шавель и Лепеля.

Въ то время, когда еще въ храмахъ Божіихъ и на улицахъ раздавалась торжественная пѣснь: »Христосъ Воскресе,» прискорбное извѣстіе о покушеніи на жизнь Августѣйшаго Монарха, принесенное въ наше захолустье телеграммою 5-го апрѣля, въ 7 часовъ по полудни, въ одно мгновеніе, какъ бурный громъ, пронеслось по всему городу и произвело на его разнородныхъ обитателей неописанное впечатлѣніе. Едва ли не каждый въ ту же минуту поспѣшилъ узнать другъ отъ друга пообстоятельнѣе какъ ходъ дѣла, такъ еще болѣе имя, фамилію и происхожденіе злодѣя. Послѣднее особенно интересовало и интересуетъ поляковъ, которые опасаются за свое будущее. Трудъ, впрочемъ, остался напрасенъ. Въ телеграммѣ, принесшей намъ извѣстіе о чудномъ спасеніи жизни Монарха, не было упомянуто ни имени, ни происхожденія злодѣя...

Отрадно-дивную картину на другой день представлялъ нашъ городокъ! Оживленныя улицы и домы опустѣли, лавки всюду до 11 часовъ были заперты. Не было живаго существа, которое бы не поспѣшило, сообразно съ догматами вѣры, помолиться Творцу за спасеніе драгоцѣнной жизни обожаемаго Монарха.

Прежде всего, въ 9 часовъ, мѣстнымъ православнымъ священникомъ совершено было благодарственное, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе въ зданіи гимназіи. За тѣмъ, въ 10-ть часовъ, треия мѣстными и двумя полковыми священниками совершено было таковое же молебствіе на дворѣ графа Зубова, въ присутствіи войска и при громадномъ стеченіи народа. Молебенъ начался краткою рѣчью, сказанною къ войску и народу мѣстнымъ священникомъ. Нельзя было не видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и усердіемъ эта разнообразная масса, состоящая изъ простолюдина и воина, знатнаго, нищаго и вельможи, русскаго, еврея и нѣкоторыхъ р. католиковъ, возносила теплыя молитвы къ престолу Всевышняго за спасеніе дорогой жизни Монарха. Не одинъ въ это время вздохъ, не одна теплая молитва, а быть можетъ, и не одна горячая слеза, какъ чистый кадильный фиміамъ, вознеслись къ престолу Всевышняго!.. Во все время молебна были подаваемы народомъ за престолъ деньги.

По окончаніи молебна, за которымъ слѣдовалъ разводъ войскъ, народъ отправился въ еврейскую синагогу, гдѣ, по примѣру русскихъ, потомки древняго Израиля молились за Государя. Молебенъ оконченъ былъ торжественнымъ гимномъ—»Боже Царя хра-

ни,» который пропѣтъ былъ еврейскими мальчиками. Остальное время дня народъ ликовалъ въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ.

Въ этотъ же день, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора, по предложенію г-на директора, сдѣлана была преподавателями и воспитанниками гимназіи подписка на покупку лампады образу Спасителя.

Извѣстіе о покушеніи на жизнь Монарха произвело не менѣе сильное впечатлѣніе и на поселянъ нашего околодка. При первой вѣсти, всѣ, отъ мала до велика, поспѣшили въ костелы помолиться Творцу за спасеніе жизни Царя-Освободителя. Разсказываютъ, что многіе изъ нихъ были даже съ грудными дѣтьми. Но ксендзы, эти главные представители польской мятежной пропаганды, и въ этомъ случаѣ не преминули заявить о себѣ и о своей ненависти къ русскому народу и его правительству. Получивъ отъ ближайшаго мѣстнаго начальства заявленіе помолиться вмѣстѣ со своими прихожанами за спасеніе жизни Монарха, нѣкоторые изъ нихъ, какъ кажется, злонамѣренно уклонились отъ прямой своей обязанности. Такъ разсказываютъ, что въ какомъ-то приходѣ одинъ изъ ксендзовъ, не смотря на предварительно полученное увѣдомленіе отъ мѣстнаго начальства—помолиться вмѣстѣ съ прихожанами, не дожидая поселянъ уѣхалъ изъ дому, заявивъ, что онъ уже отслужилъ молебенъ въ 6 часовъ утра. Нужно было видѣть, съ какимъ негодованіемъ, ропотомъ и даже яростію встрѣтили эту гнусную выходку ксендза собравшіеся поселяне. Вмѣсто ожиданнаго ксендзомъ сочувствія, они подняли шумъ и ругательства. »Это штуки,« говорили они. »Ксендзъ вретъ, онъ не служилъ молебна. Если онъ намъ не отслужитъ, то за деньги мы найдемъ другаго.« Не могу достовѣрно сказать, какъ и чѣмъ это дѣло кончилось. Замѣчу только въ заключеніе моего письма, что ксендзы и нѣкоторые (а быть можетъ и всѣ) оставшіеся въ нашемъ краѣ поляки, пользуются малѣйшимъ случаемъ, чтобы подорвать народное довѣріе къ правительству. Искажая предъ народомъ самыя очевидныя истины, представляя ему все въ превратномъ видѣ, они въ то же самое время распускаютъ самые нелѣпые слухи. Такъ, напримѣръ, недѣли двѣ тому назадъ распущенъ былъ среди поселянъ слухъ, будто бы кредитные билеты уже нигдѣ не принимаются. А для того, чтобы они получили какое либо значеніе и цѣну, необходимо каждую бумажку, съ приложеніемъ при ней 15 копѣекъ, заявить въ мѣстное казначейство, которое по совершеніи надъ нею операціи (обрѣзанія угловъ и приложенія особой печати) дастъ ей цѣнность, но уже не рубля, а 85 копѣекъ.

Корреспондентъ.

14 апрѣля 1866.

Изъ Лепеля.

Горестную вѣсть о покушеніи на драгоцѣнную особу Государя Императора и радостную о счастливомъ спасеніи этой дорогой для

насъ жизни Его Величества, мы получили на третій день поутру, т. е. 6-го числа по эстафетѣ г. витебскаго губернатора.

Мы не будемъ говорить, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе, оно понятно каждому русскому. Мы намѣрены сказать только, что каждый изъ насъ задавалъ вопросъ, кто такой извергъ рода человѣческаго, который дерзнулъ на жизнь любимаго нами Царя и благодѣтеля дорогой Россіи; каждый изъ насъ былъ того убѣжденія, что жестокій преступникъ былъ или умалишеннымъ, или никогда по чувству не былъ сыномъ Россіи, онъ не зналъ того, что жизнь Царя, котораго имя съ благоговѣніемъ 70 милліоновъ произносятъ, дорога для насъ, какъ и для будущаго блага Россіи.

7-го числа, т. е. на другой день, былъ благодарственный молебенъ въ городскомъ соборѣ, костелѣ и еврейской синагогѣ; не поддѣльная скорбь и радость была въ душѣ каждаго; всѣ служащіе, городское населеніе, квартирующій 62 пѣхотный суздальскій полкъ и уѣздная команда были въ храмахъ для принесенія Господу Богу молитвы за спасеніе Царя-Освободителя. Въ тотъ же день была отправлена эстафета къ г. витебскому губернатору, съ просьбою повергнуть Августѣйшему Монарху отъ служащихъ и всѣхъ сословій и исповѣданій г. Лепеля всеподданнѣйшее поздравленіе съ избавленіемъ Его Величества отъ угрожавшей опасности. Глубочайшая скорбь народа объ этомъ неслыханномъ преступленіи никогда не затихнетъ въ груди, равно, какъ и благодареніе Всемогущему Богу, который отвелъ руку преступника отъ драгоцѣнной особы обожаемаго Монарха. Народъ возсылаетъ съ благоговѣніемъ во всѣхъ храмахъ горячія молитвы за спасеніе и здравіе Его Величества на славу и счастіе Россіи. Въ ознаменованіе же, что Божіе Провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Аугустѣйшаго нашего Государя, служащіе и городское населеніе единодушно пожелали сдѣлать пожертвованіе на сооруженіе образа св. Александра Невскаго, который будетъ поставленъ въ городскомъ соборѣ и ежегодно 4 апрѣля, въ день спасенія Всемилостивѣйшаго Императора, будетъ совершаемъ благодарственный молебенъ. Мы знаемъ, что на образъ св. Александра Невскаго служащіе и бѣдное христіанское городское населеніе жертвуютъ до 400 руб. сер., это служитъ явнымъ доказательствомъ преданности и любви его къ своему Государю и радости о его счастливомъ спасеніи.

Мы только что кончили это заявленіе, какъ получили свѣдѣніе, что мировые посредники и крестьяне-собственники всего уѣзда отправили депутата къ начальнику губерніи съ просьбою представить всеподданнѣйшій адресъ Его Величеству по случаю этого плачевнаго событія. *Д. Юзефовичъ.*

Г. Лепель.

Изъ Слуцка.

Въ минуту полученія въ Слуцкѣ ужаснаго извѣстія о святотатственномъ покушеніи на священную жизнь Государя Импера-

тора, всѣ вѣрноподданные русскіе всѣхъ сословій, какъ громомъ пораженные, въ тревожно-безотчетномъ состояніи духа молились, радовались и негодовали на звѣрскій поступокъ неизвѣстнаго изверга-злодѣя. Всѣ ожидали случая, чтобы выразить свои сладостныя чувства о сохраненіи драгоцѣннѣйшихъ для Россіи дней жизни Царя-Освободителя.

По извѣщенію отъ военнаго начальника о назначеніи 13 апрѣля, для принесенія молитвъ и благодаренія Всевышнему за Его св. милость къ Царю и Россіи, всѣ чины и званія, безъ различія вѣроисповѣданій, даже евреи, наполнили обширную соборную церковь и церковный погостъ. Послѣ обѣдни и благодарственнаго молебна, при совершеніи которыхъ умилительно пѣлъ, отлично устроенный директоромъ гимназіи, хоръ дѣтей гимназистовъ, когда на церковномъ погостѣ войска построились рядами и волненіе нѣсколькихъ тысячъ затихло, тотъ же хоръ гимназистовъ торжественно пропѣлъ народный гимнъ: »Боже, Царя храни,» а войска и народъ вторили продолжительнымъ ура!» За тѣмъ, по русскому обычаю, начальствующіе и войска тутъ-же пили за здоровье Батюшки-Царя, при самомъ радостномъ и торжественномъ настроеніи всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ сего, по приглашенію еврейскаго общества, всѣ военные и гражданскіе чиновники и нѣсколько дамъ отправились въ еврейскую синагогу, для присутствованія при молебствіи. Обрядъ вѣтхозавѣтнаго моленія за Царя исполненъ здѣсь со всевозможною торжественностію и радостію, выражавшеюся на лицѣ каждаго молящагося. Народный гимнъ на русскомъ языкѣ, пропѣтый очень удовлетворительно, потомъ сыгранный на инструментахъ, и тосты шампанскаго заключили еврейскую молитву. При чемъ общество евреевъ представило военному начальнику всеподданнѣйшій адресъ для поднесенія Государю Императору, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Квартирующая здѣсь батарея салютовала выстрѣлами, а молодцы донцы № 5 полка до поздней ночи, при свѣтѣ луны, пѣли, играли и танцовали, выкидывая ловко такія штуки, за которыя не постыдился бы и любой аккробатъ. Все населеніе Слуцка было въ движеніи далеко за полночь, расхаживая по улицамъ толпами въ праздничныхъ нарядахъ. День 13-го апрѣля былъ для случанъ праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ, въ память котораго, по предложенію военнаго начальника, капитана корпуса жандармовъ Гинтера, открыта подписка на постройку въ г. Минскѣ часовни.

Да здравствуетъ на многіе лѣта нашъ Батюшка-Государь! Сердце Царево, по слову царственнаго Пророка, въ Рукѣ Божіей, а слѣдовательно, и священная жизнь Его Помазанника, до которой никакая злоба и дерзость злоумышленниковъ не въ силахъ прикоснуться. Преднамѣренное же страшное нечестивое дѣло обратилось въ знаменіе Промысла, бодрствующаго надъ судьбами любезнаго отечества нашего! *Михаилъ Лисевичъ.*

Изъ Бѣлостока.

По полученіи извѣстія о покушеніи на жизнь Государя Императора и о чудесномъ избавленіи Его отъ руки убійцы, преподаватели и ученики Бѣлостокской гимназіи пожелали увѣковѣчить въ своей гимназіи память спасенія Государя Императора. 15-го апрѣля, въ 10 часовъ утра собрались въ залу гимназіи всѣ учащіе и учащіеся для выслушанія благодарственнаго молебна. Г. директоръ сказалъ ученикамъ рѣчь, въ которой изложилъ фактъ покушенія на жизнь Государя и радоснаго спасенія Его драгоцѣнной жизни; ученики отвѣчали громкимъ и продолжительнымъ »ура!« Послѣ молебна пропѣтъ былъ ими гимнъ: »Боже, Царя храни!« Затѣмъ всѣ учащіе и учащіеся изъявили желаніе въ память сего событія устроить въ залѣ гимназіи икону св. Александра Невскаго; на этотъ предметъ собрано 150 руб. сер. и подписка продолжается.

Изъ Могилева.

5-го сего апрѣля могилевскимъ губернаторомъ получена отъ главнаго начальника края депеша, слѣдующаго содержанія:

»Вчера въ 4-мъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ въ Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Августѣйшаго нашего Государя, преступникъ задержанъ, разслѣдованіе производится.»

Вслѣдствіе чего, 6-го апрѣля, было совершено во всѣхъ православныхъ церквахъ, римско-католическихъ костелахъ, лютеранской церкви и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ города Могилева, при огромномъ стеченіи народа, благодарственное молебствіе за спасеніе Государя Императора.

Высокопреосвященнымъ архіепископомъ могилевскимъ и мстиславльскимъ молебствіе было совершено въ церкви Преображенія Господня, въ присутствіи г. начальника губерніи А. П. Беклемишева, г. начальника 29-й дивизіи Рудановскаго и прочихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, при большомъ стеченіи народа.

По окончаніи литургіи передъ молебствіемъ, высокопреосвященнѣйшій Евсевій, сообщивъ извѣстіе о покушеніи на жизнь Государя и сохраненіи драгоцѣнныхъ дней Его Величества, сказалъ предстоящимъ въ церкви нѣсколько краткихъ, но сильныхъ словъ. »У кого изъ вѣрноподданныхъ, говорилъ высокопреосвященнѣйшій, не содрогнулось сердце при извѣстіи о покушеніи на такое ужасное, неслыханное въ руссокой землѣ злодѣяніе, мысль о которомъ могла быть порожденіемъ только преисподней, адской тьмы; только силою тьмы могла подняться рука безумнаго на Помазанника Божія, на Освободителя милліоновъ русскаго народа, на Царя, который въ непродолжительное время совершилъ уже столько благодѣяній къ счастію своихъ вѣрноподданныхъ. Вознесемъ же ис-

ренія молитвы благодаренія къ Спасителю и Богу нашему за спасеніе жизни Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего.»

По окончаніи молебствія войсками исполненъ былъ церковный парадъ.

Вслѣдъ за тѣмъ представлялись г. начальнику губерніи депутаціи отъ дворянъ, чиновниковъ и гражданъ, съ ходатайствомъ свидѣтельствовать Его Императорскому Величеству общую и полную радость дворянства, чиновниковъ и гражданъ могилевскихъ за спасеніе жизни Государя Императора. При семъ г. исправляющій должность могилевскаго губернскаго предводителя дворянства В. Ѳ. Королько въ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ *омерзеніе* представляемаго имъ Могилевскаго дворянства къ такому ужасному злодѣянію, какъ покушеніе на жизнь Русскаго Царя, и непоколебимую преданность онаго къ Монарху. Г. начальникъ губерніи на заявленія депутаціи, въ отвѣтъ имъ, выразивъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ вѣрноподданническихъ чувствахъ всѣхъ сословій Могилевской губерніи, сказалъ между прочимъ: »я думаю, что всѣ мы въ настоящемъ случаѣ еще сильнѣе почувствовали, какъ неразрывно связаны Царь и Россія. Будемъ же всегда помнить и пусть всѣ помнятъ, что кто посягаетъ на Царя, посягаетъ на Россію, и кто посягаетъ на Россію, посягаетъ на Царя.»

Городское общество христіанское и еврейское представило письменный адресъ къ Государю Императору.

Въ ознаменованіе своей радости за спасеніе Государя Императора городское общество собралось 5-го апрѣля, послѣ Богослуженія, и представило губернатору для роздачи бѣднымъ 300 рублей, постановивъ въ память этого избавленія, ежегодно, 4-го апрѣля служить въ городской думѣ благодарственное молебствіе и дѣлать вспоможеніе бѣднымъ.

Вечеромъ городъ Могилевъ былъ иллюминованъ.

Радость была всеобщая и бывшіе вечеромъ лица въ могилевскомъ клубѣ, поздравляя другъ друга съ спасеніемъ Государя, провозглашали тосты за здоровье Его Императорскаго Величества.

Радостная вѣсть о спасеніи Царя разнеслась по Могилевской губерніи того же 5-го апрѣля.

Изъ Ковны.

Спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями о томъ впечатлѣніи, которое произвело на жителей г. Ковны страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ радостное, по своимъ послѣдствіямъ, событіе, покушеніе на жизнь Государя Императора. Когда, по полученіи телеграммы, разнеслась эта вѣсть по городу, все еврейское населеніе почти опрометью кинулось къ синагогамъ, чтобы служить благодарственное Богослуженіе за спасеніе жизни Царя-Освободителя, не дожидая даже оффиціальнаго о томъ оповѣщенія, такъ, что, почти внезапно, на нѣсколько часовъ прекратилась сама по себѣ въ г. Ковнѣ торговля

и вообще всякое обыденное движеніе. Въ этой торжественной тишинѣ было истинно что то величественное! На другой день въ 11-ть часовъ утра высокопреосвященнымъ архіепископомъ Антоніемъ Зубко, находящимся на покоѣ въ Можайскомъ монастырѣ, произведено было соборное служеніе молебствія съ коленопреклоненіемъ, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ города, а также отдѣльныхъ частей войскъ, въ городѣ расположенныхъ. Толпа, прибывшаго для молитвы къ православному каѳедральному собору народа, была такъ велика, что довольно обширный соборъ не могъ умѣстить ее, и вся площадь передъ соборомъ была занята молящимися. Когда всѣми уважаемый, убѣленный сѣдинами, архипастырь Антоній читалъ благодарственную молитву во время молебствія, то голосъ его дрожалъ, и онъ нѣсколько разъ останавливался отъ слезъ, которыя, такъ сказать, слышны были въ его голосѣ. Вечеромъ того дня всѣ русскіе люди г. Ковны собрались въ клубѣ и обратились съ просьбою къ начальнику губерніи, объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія послать всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору, почему и послана была о томъ телеграмма къ г. главному начальнику края. — Городъ иллюминовали въ тотъ вечеръ жители, какъ могли, повсюду слышна была музыка, и при звукахъ народнаго гимна «Боже Царя Храни», воздухъ оглашался крикомъ «ура», нѣсколько разъ повторявшимся; затѣмъ слышались голоса, просящія повторенія гимна, и вновь раздались тѣ же восторженныя клики, что и продолжалось до поздней ночи. Въ тотъ же день начальникъ губерніи получилъ изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ телеграммы съ вопросами, дозволено ли будетъ выразить хоть какимъ бы то ни было пожертвованіемъ или другимъ способомъ вѣрноподданническія чувства къ обожаемому Монарху. Описывая эти факты, мы сознаемъ, что въ нихъ не можетъ быть ничего новаго, и что въ тотъ же день дружно откликнулась такимъ же образомъ вся Россія; но не заявить объ нихъ мы сочли невозможнымъ! *И. Г.*

РѢЧЬ,

сказанная инспекторомъ лит. сем. архим. Модестомъ послѣ освященія Подберезской церкви.

Братія христіане, еще недавно вошедшіе въ священную ограду православной церкви, и нынѣ уже возлюбленныя ея чада! Приблизьтесь и услышьте слово служителя олтаря Господня съ сего священнаго мѣста.

Нынѣ у васъ совершилось великое дѣло Божіе. Вы, прежде исповѣдавшіе римскую вѣру, теперь возлюбили святую православную церковь, пріобщились ея таинствъ, напаяетесь млекомъ ея

ученія, исповѣдуете православную вѣру также, какъ и вашъ пастырь исповѣдывалъ ее предъ всѣми. И кто не возрадуется объ этомъ? Кто не восторжествуетъ теперь предъ Богомъ?

Нынѣ радуются о васъ наши архипастыри, слыша о вашей любви къ православію. Потому-то, какъ видите, самъ архипастырь съ пастырями прибылъ къ вамъ, чтобы лично преподать вамъ свое благословеніе, помолиться съ вами и о васъ, и освятить храмъ сей. И онъ освященъ, какъ нѣкогда храмъ Соломоновъ. И благодать Христова излилась на него болѣе, чѣмъ тамъ, потому что самая неожиданность освященія его доказываетъ особенное явленіе здѣсь благодати Божіей. Какъ нѣкогда Соломонъ, такъ и архипастырь нашъ молился, чтобы Господь услышалъ всѣхъ ближнихъ и дальныхъ, православныхъ и другихъ христіанъ, прибѣгающихъ съ молитвою въ храмъ сей подъ сѣнь православной церкви. И Господь услышитъ всѣхъ,— призывающихъ здѣсь св. Его имя; услышитъ молящихся къ Богоматери, прославляемой въ здѣшней древней и чудотворной ея иконѣ. Приходите сюда труждающіеся и обремененные грѣхами, и вы здѣсь найдете себѣ душевный покой. Ибо отъ православной церкви и ея таинствъ текутъ животворные потоки, изъ которыхъ пьющіе пріобрѣтаютъ Божественное успокоеніе и спасеніе. Прибѣгайте сюда скорбящіе среди треволненій мятежей и искушеній всякаго рода, и вы найдете здѣсь истинное утѣшеніе. Никтоже, никтоже, притекаяй въ храмъ сей, отойдетъ посрамленнымъ. Видите ли, возлюбленные, великую къ вамъ милость Божію. Въ этотъ священный день самъ Богъ приблизился къ вамъ, св. Ангелы, окружая, молятся и ходатайствуютъ о насъ, охраняютъ и защищаютъ насъ, какъ возлюбленныхъ чадъ Божіихъ и наслѣдниковъ Неба. Какъ не радоваться, какъ не торжествовать объ этомъ?

Услышалъ благочестивѣйшій нашъ Государь о вашей любви къ православію, и радуется, что вы пріобщились къ той апостольской вѣрѣ, которую Онъ исповѣдуетъ. Радуется о васъ правительство и всѣ мы, вѣрные и русскіе сыны любезнаго нашего отечества Россіи. Ибо *что добро, или что красно, но еже жити братіи въ купѣ*, жить въ любви и согласіи, не только, какъ братьямъ одной русской крови, но и какъ чадамъ одной православной вѣры. Прежде, можетъ быть, вы насъ чуждались, а теперь вы съ нами одно, по происхожденію, по вѣрѣ и отечеству. И потому имя русскаго, православнаго будетъ теперь дорого и многочестно и для васъ, какъ и для насъ. Съ этого времени наши недруги не будутъ считать васъ поляками, какъ считали такими прежде, потому только, что вы исповѣдывали римскую вѣру. Ибо православная вѣра будетъ для васъ свѣтлымъ и чистымъ знаменемъ того, что вы родные сыны русской семьи. Какъ русскіе, мы будемъ теперь понятнымъ словомъ, едиными усты и единымъ сердцемъ прославлять Отца и Сына и св. Духа.

Напечатлѣйте же, возлюбленные братіе, навсегда запечатлѣй-

те въ своемъ умѣ и сердцѣ нынѣшнее священное событіе. Ваша любовь къ православной церкви и ея пастырямъ, которую вы теперь предъ всѣми показали, пусть не угасаетъ, а болѣе и болѣе возгарается съ теченіемъ времени. Горя этою любовію, не убойтесь исповѣдывать православную вѣру предъ своими ближними, хотя бы они принадлежали и къ римской церкви. Ибо за исповѣданіе сей св. вѣры готова у Господа награда въ будущемъ вѣкѣ: *всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки*, говоритъ Спаситель Христовъ, *исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 10, 32). И не только на небесѣхъ, но и на земли Господь наградитъ васъ за такое исповѣданіе. Онъ благословитъ васъ всякимъ благословеніемъ, утѣшитъ васъ всякими утѣхами, ущедритъ васъ всякими благами и даруетъ вамъ истинное счастіе, только если будете исполнять заповѣди Божіи и установленія православной церкви.

Ревностно исповѣдуя православную вѣру, неизмѣнно любите и благочестивѣйшаго нашего Государя, Отца и благодѣтеля, ибо Онъ даровалъ вамъ неоцѣненное благо: свободу отъ рабства и средства къ образованію, къ счастію и довольству въ жизни. Онъ всегда печется о васъ, назначая вамъ человѣколюбивыхъ и попечительнѣйшихъ правителей и начальниковъ. Этихъ начальниковъ, какъ исполнителей царственной воли, также отъ души любите, и, воздавая *всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ, а емуже дань, дань, а емуже страхъ, страхъ, и емуже честь, честь* (Римл. 13,7), молитесь *за Царя, и за всѣхъ, еже во власти суть, да*, подъ ихъ покровительствомъ и защитою, *тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тимоѳ. 2, 2), въ надеждѣ полученія вѣчнаго спасенія. Аминь.

СЛОВО,

произнесенное священникомъ виленской Св.-Никольской церкви Петромъ Левицкимъ на Божественной Литургіи, во время причастнаго стиха, въ новоосвященной въ м. Подберезьѣ церкви.

Блаженни невидѣвшіи и вѣровавшіе. (Іоан. 20, 29).

Изъ евангельскаго чтенія, вы, братіе, слышали нынѣ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ первый день по воскресеніи Своемъ, вечеромъ, когда двери дома, въ которомъ собрались Его ученики, изъ опасенія отъ іудеевъ, были заперты, явился своимъ ученикамъ и, утѣшивъ ихъ радостнымъ привѣтствіемъ, въ доказательство того, что они видятъ предъ собою не какой либо призракъ, а Его Самаго, показалъ имъ прободенныя руки, ноги и

бокъ Свой. Ученики Его — св. Апостолы — весьма утѣшились, увидѣвъ воскресшимъ изъ мертвыхъ своего Господа. Но Апостолъ Ѳома на этотъ разъ не могъ раздѣлить съ ними общей радости, потому что онъ не былъ тогда вмѣстѣ съ другими Апостолами. И когда они возвѣстили ему эту радостную вѣсть, то онъ имъ не повѣрилъ и сказалъ: если я самъ не увижу воскресшаго, если собственными руками не осяжу крестныхъ ранъ Его, то до тѣхъ поръ никому не повѣрю.

Когда прошло 8 дней, Господь опять благоволилъ явиться своимъ Апостоламъ. Тогда уже и Апостолъ Ѳома былъ вмѣстѣ со всѣми ними. И когда Господь Іисусъ Христосъ, какъ сердцевѣдецъ, знающій всѣ помышленія человѣческія, обратившись прямо къ сомнѣвающемуся Ѳомѣ, открылъ предъ нимъ свои прободенныя руки, ноги и бокъ, то этотъ ученикъ Христовъ, прежде маловѣрный, вдругъ показалъ столь живую и высокую вѣру въ воскресшаго Господа, что палъ къ Его ногамъ и радостно воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой!*

Что же Господь сказалъ Ѳомѣ на это искреннее и высокое его исповѣданіе? *Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ меня,* такъ отозвался къ нему Господь, *блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе.*

Блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе. Эти слова Господни особенно утѣшительны и для насъ. Мы теперь не можемъ тѣлесными своими очами видѣть Господа Іисуса, подобно св. Его Апостоламъ; не можемъ осязать пречистыхъ ранъ Его своими руками, но мы можемъ вѣровать въ нашего Искупителя и вѣрою пріобрѣсть блаженство, потому что Самъ Господь называетъ вѣрующихъ, хотя и невидѣвшихъ Его, блаженными.— Кто же насъ наставитъ въ истинной правой вѣрѣ? Гдѣ хранилище ученія вѣры, къ которому каждый прибѣгать можетъ и долженъ? Отвѣчаю: истинная св. церковь Христова есть надежная хранительница истинной и правой вѣры во Христа; ея пастыри и учители суть надежные руководители въ преподаваніи сей правой вѣры. Эта церковь православная основана Самимъ Господомъ нашимъ І. Христомъ и Его св. Апостолами на Востокѣ,— въ той именно странѣ, которую Господь освятилъ своими стопами, въ которой Онъ родился по наитію Св. Духа отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, въ которой Онъ жилъ во плоти, училъ, творилъ великія чудеса, въ которой страдалъ и умеръ за насъ грѣшныхъ и откуда, по воскресеніи своемъ, вознесся пречистою своею плотію на небеса,— и уже изъ этой страны свѣтъ ученія Христова проникъ во всѣ концы міра. Въ этой церкви, насажденной на Востокѣ, хранятся всѣ благодатныя средства для нашего спасенія и для нашего блаженства и всецѣло и ненарушимо сохраняется въ ней и будетъ сохраняться истинное ученіе христіанское и истинная и права вѣра Христова, потому мы въ томъ можемъ быть увѣрены, что Самъ Господь І. Христосъ обѣщалъ пребывать съ нею и въ ней, и дѣйствительно

пребываетъ и будетъ пребывать *до скончанія вѣка* и опять потому, что по словамъ Господнимъ, и самыя врата адовы не одолѣютъ ее.

Такъ какъ сія церковь насаждена Самимъ Господомъ и Его св. Апостолами и неизмѣнно содержитъ ученіе Христово, то потому-то она справедливо называется церковію православною. И всякая частная церковь, если она согласно учитъ и неизмѣнно сохраняетъ тоже ученіе, какое проповѣдуетъ церковь Христова, насажденная на востокѣ, тоже справедливо можетъ усвоять себѣ наименованіе церкви православной. А совокупность такихъ церквей, или всѣхъ вѣрующихъ, согласно съ церковію Христовою и апостольскою составляетъ церковь вселенскую, соборную или каѳолическую. Напротивъ, гдѣ преподается ученіе вѣры не совсѣмъ согласное съ ученіемъ церкви восточной, какъ, напримѣръ, если гдѣ лишаютъ мірянъ въ таинствѣ Евхаристіи Пречистой Крови Христовой, вопреки ясной и опредѣленной заповѣди Господней, повелѣвающей допускать къ причастію оной всѣхъ вѣрныхъ, или, если напримѣръ другіе не принимаютъ семи спасительныхъ таинствъ, Самимъ Господомъ въ церкви установленныхъ, или же дѣлаютъ еще и другія отступленія, противныя Слову Божію и священному преданію церкви, то, воля ваша, а такой церкви, или такого общества, уже нельзя назвать православною, или праловѣрующею церковію; она можетъ быть названа церковію римскою, лютеранскою, но никакъ— православною.

Благодареніе Господу! мы — члены великой и славной земли русской имѣемъ то благодатное утѣшеніе, что мы, въ лицѣ предковъ нашихъ, приняли и твердо и неизмѣнно содержимъ ту вѣру, которая насаждена на Востокѣ. Потому-то и справедливо та церковь, къ которой мы принадлежимъ, называется церковію восточною православно-каѳолическою.

Нѣкогда и Литва была озарена свѣтомъ христіянскаго ученія, проникшимъ въ нее чрезъ Россію съ Востока-же. Вы всѣ, братія, литовцы, за исключеніемъ пришедшихъ къ вамъ поляковъ, безъ сомнѣнія, потомки тѣхъ православныхъ литовцевъ, которые, начиная отъ князей и до ихъ подданныхъ, за четыреста — пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, жили столь дружно съ русскими, что принимали русскій языкъ, русскіе обычаи и нравы, русское просвѣщеніе и русскую православную вѣру, и входили съ русскими въ тѣснѣйшее родственное единеніе, такъ что самая Литва преобразилась въ русскій край и называлась литовско-русскою землею. И счастлива была тогда сія литовско-русская земля! Но Господу Богу угодно было предать ее тяжкому и продолжительному испытанію. Чрезъ брачный союзъ одного изъ литовско-русскихъ князей — Ягайлы— сія литовско-русская земля подпала подъ владычество Польши; и этотъ князь литовскій, изъ видовъ честолюбія и въ угожденіе польской королевнѣ, сдѣлался измѣнникомъ и своей народности и вѣры православной. Онъ и его преемники, для видовъ Польши, губили литовско-русскій народъ и насажденное здѣсь

православіе и для достиженія своихъ цѣлей, наводнили этотъ край польскими панами, польскою шляхтою и злѣйшими врагами человѣчества— іезуитами и разными ксендзами. Много зла сдѣлано и народу здѣшнему и вѣрѣ православной. Но не сила ихъ была побѣдить и искоренить совершенно вѣру и церковь Христову,— которой и врата адовы одолѣть не могутъ,—и русскую народность. Господь Богъ явилъ свою милость, вы сами видите и знаете, какъ пала гонительница ваша — Польша и, съ возвратомъ сего края подъ крѣпкую православную державу русскую, какъ подъ самодержавнымъ скипетромъ русскихъ благочестивыхъ царей, возрастаетъ ваше благоденствіе и вмѣстѣ возстановляется, крѣпнетъ, утверждается и красуется церковь православная.

По благодати Божіей и вы, бр., не отстали отъ многихъ другихъ вашихъ собратій. Подъ руководствомъ своего, ревностнаго о спасеніи вашихъ душъ, пастыря, вы, вмѣстѣ съ нимъ и за нимъ, не поддаваясь никакому сомнѣнію, послѣдовали и вступили въ ту истинную церковь Божію, въ которой, безъ примѣси мудрованій человѣческихъ, будутъ возвѣщаться вамъ глаголы живота вѣчнаго и которой держась неотступно и неизмѣнно, вы можете достигнуть обѣщаннаго Спасителемъ для вѣрующихъ блаженства. Съ возвратомъ вашимъ на лоно православія, вы достигли еще и другаго счастія; вы сплотились, вы слились съ великимъ и славнымъ народомъ русскимъ и на васъ теперь не осталось никакого пятна (подозрѣнія). Каждый изъ сыновъ Россіи и церкви православной радушно простретъ къ вамъ свои руки и приметъ васъ въ свои объятія; каждый убѣжденъ, что вы теперь истинные сыны церкви и любезнаго нашего отечества,—и благодарные и послушные вѣрноподданные великаго и славнаго православнаго царя русскаго, столько васъ облагодѣтельствовавшаго.

Правда, есть еще, бр., между вами держащіеся Ѳоминаго невѣрія, неслушающіеся ни убѣжденій своего духовнаго пастыря, столь ревностно желающаго со всѣми своими овцами предстать предъ Господа съ сими словами: «вотъ я и мои духовныя дѣти, которыхъ Ты далъ и ввѣрилъ мнѣ»,—ни безкорыстныхъ, а основанныхъ на одной любви христіанской нашихъ убѣжденій,— ни просьбъ и убѣжденій другихъ. Но мы уповаемъ, что Господь, разрѣшившій осязательнымъ образомъ Ѳомино невѣріе, Ему Единому извѣстными путями вразумитъ и коснѣющихъ еще въ обращеніи на путь истины. Быть можетъ приведетъ въ разумъ—однихъ— высокая торжественность всѣмъ понятнаго и умилительнаго нашего православнаго богослуженія, другихъ правота и чистота нашего православнаго ученія, иныхъ опять добрый примѣръ собратій и желаемое для самаго великаго благодѣтеля, Царя-Освободителя нашего тѣснѣйшее единеніе съ великою и славною семьею русскою. Пути Господни, ведущіе насъ ко спасенію, многи; но не всѣ и не всѣмъ намъ довѣдомы. Мы, говорю, только уповаемъ, что такъ или иначе, а Господь наставитъ всѣхъ васъ на

нуть истины и введетъ во св. православную церковь свою. Самый св. храмъ сей, обновленный и вновь нынѣ православнымъ архіерейскимъ тайнодѣйствіемъ освященный и для всѣхъ васъ, по прежнему, открытый, со всѣхъ сторонъ будетъ привлекать васъ въ себѣ и какъ бы такъ взывать къ каждому изъ васъ, подобно Ѳомѣ сомнящемуся: «пріиди и виждь, — во мнѣ проповѣдуется спасительное ученіе Того же Распятаго и за всѣхъ на крестѣ муки претерпѣвшаго; пріиди и послушай своими собственными ушами и посмотри на Того же Распятаго своими собственными очами и не буди *невѣренъ, но вѣренъ;* пріиди, и я напою еще тебя тою самою Пречистою Кровію, которая текла изъ ранъ Спасителя для омовенія грѣховъ всего міра, которой, если кто не будетъ пить, то не получитъ живота вѣчнаго.»

Господи! не нашими слабыми силами, а Твоею всесильною Десницею насажденъ сей вертоградъ Твой, Ты Самъ умножи и утверди и всегда призирай на него съ высоты Твоей небесной. Аминь.

СЛОВО,

сказанное ксендзомъ — настоятелемъ, а нынѣ священникомъ Подберезскаго прихода Виленскаго уѣзда, Іоанномъ Стрелецкимъ, при послѣднемъ его служеніи въ званіи римско-католическаго патера, 20 марта 1866 года, въ недѣлю Ваій.

Не буди невѣренъ, но вѣренъ. (Іоан. 20, 27).

Этими словами отвѣтилъ Іисусъ Христосъ Апостолу Ѳомѣ, когда тотъ обнаружилъ свое невѣріе предъ братьями. Осматривая святѣйшія раны нашего Спасителя, Ѳома воскликнулъ: *Господь мой и Богъ мой!* Тогда Іисусъ дополнилъ; *Ѳома, яко видѣвъ мя, вѣровалъ еси, блажени невидѣвшіи и вѣровавше.*

Такимъ же образомъ и мнѣ, служителю св. олтаря, нужно будетъ воззвать къ моимъ слушателямъ, если они захотятъ сомнѣваться во святой истинѣ, которую я имъ намѣренъ объявить для ихъ счастья въ вѣчности: «Небудьте невѣрни, но вѣрни. Откройте ваши сердца для принятія истины вѣчной, ученія полезнаго и нужнаго христіанину, желающему любить Бога паче всего, а ближняго, яко самаго себе.

Іисусъ Христосъ родился въ городѣ Виѳлеемѣ, проповѣдалъ свое Божественное ученіе въ Палестинѣ; въ этомъ мѣстѣ Спаситель избралъ для себя Апостоловъ и учениковъ, которые имѣли послѣ обратить всѣ народы къ св. вѣрѣ и познанію истиннаго Бога. Въ этой провинціи Іисусъ основалъ свою церковь изъ тѣхъ, которые увѣровали въ Его Божество и исповѣдали его Сыномъ Бо-

жізнь. Святой край Палестина находится на Востокѣ. На этомъ Востокѣ Апостолы, по основаніи нѣкоторыхъ церквей, для славы Божіей, изложившіе первый апостольскій символъ для единства вѣры, разошлись по всему міру, проповѣдуя Евангеліе. Кто же не видитъ, что св. вѣра получила свое начало отъ востока и что восточные народы первые начали вѣрить въ Бога Отца, Сына и св. Духа? Отъ этихъ вѣрующихъ на востокѣ другіе народы, какъ изъ источника, почерпали для себя познаніе о Богѣ и во всякой нуждѣ обращались къ восточнымъ учителямъ за совѣтомъ утвержденія въ св. вѣрѣ. Единеніе христіанъ всего міра съ восточною церквію существовало до конца восьмаго вѣка. Но гордость римскихъ папъ, желавшая господствовать надъ христіанскимъ міромъ,—повела ихъ къ тому, что они отдѣлились отъ истинной восточной церкви, источника св. православно-каѳолической вѣры, начали называть себя неимѣющими грѣха, главою церкви Христовой, господами милостей Божіихъ и непогрѣшимыми раздаятелями даровъ св. Духа, проклинали подъ угрозою утраты спасенія души тѣхъ, которые въ одномъ лицѣ папы не хотѣли бы признать властителя всего міра и всей церкви, и отвергали бы его непогрѣшимость. Потерявъ любовь къ ближнему, взяли мечь въ руки и наказывали смертію слабыхъ братій своихъ, вопреки примѣру Спасителя, который явной грѣшницѣ Магдалинѣ и разбойнику на крестѣ простилъ грѣхи и обѣщалъ царство небесное.

Кромѣ сказаннаго, послѣдовавшіе за папою впали въ многочисленныя заблужденія. Не смотря на то, что знали слово Божіе: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*, папы, чтобы показать, что имѣютъ великую власть, соединенныхъ таинствомъ брака, своими разводами, мужа съ женою приводятъ къ гнѣву и брани. Св. Іоаннъ Креститель говоритъ: *недостоитъ имѣть жену брата своего,* а столица римская, вопреки тому запрещенію, позволяетъ брату брать въ замужество братнюю жену и благословляетъ такія связи, а то дѣлаетъ для того, чтобы имѣть своихъ сторонниковъ.

Церковь православно-каѳолическая ни въ чемъ не отступила отъ ученія Іисуса и до нынѣ въ чистотѣ сохранила заповѣди Божіи, равно и обряды первенствующихъ христіянъ. Объ этой истинѣ чрезъ долгое время изъ книгъ и примѣровъ я могъ достаточно убѣдиться и свидѣтельствовать объ этомъ предъ вами, дражайшіе братья.

Отвергши прежнія мои заблужденія, видя, что православная церковь есть святая, въ которой можно получить спасеніе, всѣмъ сердцемъ, любовію и охотою возвращаюсь на лоно св. православной церкви и желаю, чтобы и вы, мои прихожане, послѣдовали примѣру своего пастыря, который въ продолженіе 14 лѣтъ училъ васъ евангельской истинѣ, служа, какъ сами говорите, по совѣсти въ духовныхъ вашихъ нуждахъ. Прошу, послѣдуйте примѣру того, который послѣдуетъ распятому Іисусу и истинѣ.

Я никогда васъ не обманывалъ, вы сами въ томъ увѣрены, когда моимъ ученіемъ и просьбою сохранилъ васъ отъ бѣды и печали во время неспокойствія въ здѣшнемъ краѣ. Ваше соединеніе съ православною церковію доведетъ васъ къ любви Бога и ближняго; чрезъ это вы обновите свои обычаи, сдѣлаетесь любезными нашему Государю Александру II-му и братьями русскихъ.

Вся Россія, вмѣстѣ съ своимъ Отцемъ Монархомъ, возрадуется, если всѣ, находящіеся подъ скипетромъ русскаго Императора Александра II-го, будутъ православными для блага отечества, матери Россіи, и для общаго покоя и мира.

Кто чувствуетъ въ сердцѣ благодарность къ всероссійскому Императору Александру II-му за его благодѣянія, тотъ не можетъ другимъ образомъ оказать большей благодарственной жертвы, какъ когда тѣмъ самымъ языкомъ, тѣми обрядами, какія сохраняетъ Государь и Россіяне, будетъ возносить горячія молитвы предъ престоломъ всевышняго Бога и Отца-Освободителя и Его Царствующій Домъ, прося о здравіи, благополучіи и долголѣтіи.

Уже Богъ не принимаетъ молитвъ того народа, который хочетъ хвалить св. Его имя языкомъ нечистымъ, языкомъ злымъ, языкомъ, который оскорблялъ Бога пѣснями въ храмахъ, и говорилъ неправду предъ Богомъ и міромъ.

Братья! по моему примѣру, присоединимся къ православной церкви, во истинну каѳолической святой. А отъ того будетъ слава въ вышнихъ Богу, и на земли людямъ миръ, будемъ истинными братьями русскихъ и вѣрными подданными нашему Государю. Аминь.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ (*).

По распоряженію г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, напечатаны свѣдѣнія объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія. При учрежденіи этихъ особыхъ воспитательныхъ заведеній для священнослужительскихъ дочерей, лежала въ основаніи та мысль, что, не говоря уже о недоступности воспитанія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по его дороговизнѣ или по его исключительной сословности въ институтахъ для дѣвицъ дворянскаго происхожденія, самое направленіе этого воспитанія, его духъ, сущность, обстановка, совершенно не соотвѣтствовали будущей участи и назначенію

(*) Перепечатываемъ изъ «Сѣверной Почты» (№ 80) эту замѣчательную статью, какъ документальное подтвержденіе вѣрности взгляда нашего на училища для дѣвицъ духовнаго званія, высказаннаго въ III отдѣлѣ настоящей книжки Вѣстника.
Ред.

дочерей духовенства. Изъ этихъ послѣднихъ требовалось воспитать твердо православныхъ христіанокъ, привыкшихъ къ строгому исполненію всѣхъ обычаевъ православной церкви и основательно наставленныхъ въ ученіи вѣры; опытныхъ, трудолюбивыхъ и самоработящихъ домохозяекъ, умѣющихъ и негнушающихся приложить ко всякому занятію собственныя руки; женъ и матерей, не мечтающихъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни, объ успѣхахъ въ обществѣ и выгодномъ супружествѣ, но способныхъ всецѣло предаться исполненію своихъ многостороннихъ семейныхъ обязанностей; готовыхъ довольствоваться самымъ скромнымъ существованіемъ и посвятить всю свою жизнь на честный трудъ и на пользу ближнихъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго оберъ-прокурора св. сvнода, графа Протасова объ открытіи этихъ училищъ было сказано, что ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ служить образцомъ для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, потому что назначеніе этихъ послѣднихъ совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ состояній и сопровождается обстоятельствами, неизвѣстными во всякомъ другомъ быту. Жены священниковъ должны состоять въ особыхъ отношеніяхъ къ нимъ, и даже къ прихожанамъ ихъ, и должны быть столь нравственны, что, по правиламъ церковнымъ, извѣстная степень худаго поведенія священника разрушаетъ въ немъ самомъ священство. Эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что устройство воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, согласно съ истинными потребностями его, тогда только можетъ быть вполнѣ достигнуто, когда оно будетъ совершаться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ духовнаго управленія.

Потребность доставленія приличнаго образованія дочерямъ сельскаго духовенства ощущалась уже давно и весьма сильно, потому что молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ семинаріи, приходилось при ихъ поступленіи на священнослуженіе вступать въ бракъ съ дѣвицами, не получившими большею частью никакого воспитанія и невольно склонявшими ихъ къ грубымъ привычкамъ и образу жизни простыхъ поселянъ; такое положеніе и доставляло сельскимъ священникамъ глубокое нравственное страданіе и было для нихъ истиннымъ несчастіемъ. Еще съ 30-хъ годовъ духовное начальство принимало мѣры къ устройству въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ воспитательныхъ отдѣленій для сиротъ духовнаго званія; но эти учрежденія составляли не болѣе какъ пріюты для призрѣнія безпомощныхъ дѣвочекъ и никакъ не могли быть называемы учебными заведеніями, такъ какъ кругъ обученія ограничивался въ нихъ одною грамотностью и нѣкоторыми рукодѣльями. Первоначальная мысль о доставленіи правильнаго образованія дочерямъ духовенства и учрежденіе первыхъ двухъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія, царскосельскаго въ 1843 году и ярославскаго въ 1846 г., принадлежатъ всецѣло благодушной и просвѣщенной заботливости Ея Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (нынѣ Королевы Виртембергской), соблаговолившей съ

тѣмъ вмѣстѣ принять на себя званіе главной попечительницы этихъ училищъ; а своимъ послѣдующимъ умноженіемъ и усовершенствованіемъ эти заведенія обязаны благодѣяніямъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, удостоившей принять ихъ подъ Свое Августѣйшее покровительство.

Къ настоящему времени открыто въ 26-ти епархіяхъ 30 училищъ, въ коихъ воспитывается до 2000 дѣвицъ, и въ скоромъ времени будутъ открыты еще четыре училища. Эти заведенія двухъ родовъ: одни изъ нихъ, въ числѣ 11-ти (между которыми 7 устроены недавно въ юго-западныхъ губерніяхъ), имѣютъ счастіе состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, и за исключеніемъ одного, кіевскаго, были всѣ учреждены по распоряженію духовно-учебнаго управленія, съ полученіемъ содержанія изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; другія были устроены и содержатся на мѣстныя епархіальныя средства, находясь въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстныхъ преосвященныхъ; три училища изъ числа этихъ послѣднихъ находятся при монастыряхъ, а два были открыты и содержатся частными лицами.

Всѣ эти заведенія имѣютъ близко сходные уставы и програму преподаванія, составленные по образцу правилъ, написанныхъ для царскосельскаго училища, по указаніямъ его основательницы, Великой Княжны Ольги Николаевны. Курсъ наукъ ограниченъ самыми необходимыми предметами, а именно: законъ Божій, языки русскій и славянскій, русская исторія и географія, всеобщая исторія и географія въ сокращенномъ объемѣ, ариѳметика до тройнаго правила включительно, рисованіе, сколько это нужно для правильнаго составленія узоровъ шитья, церковное пѣніе. Въ этой програмѣ обученіе закону Божію не становится на послѣдній планъ преподаванія и не ограничивается краткимъ обзоромъ библейской исторіи и поверхностнымъ знаніемъ катихизиса, но производится основательно, тщательно и въ качествѣ главнаго предмета преподаванія; кромѣ св. исторіи и катихизиса преподается ученіе о православныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженій, исторія церкви вселенской и русской; по субботамъ, внѣ классовъ, заставляютъ воспитанницъ выучивать и объясняютъ имъ псалмы, каноны и разныя церковныя пѣсни; законоучители бесѣдуютъ съ ними о святыхъ истинахъ православія, объясняютъ имъ Евангеліе, читаютъ назидательныя духовныя произведенія; онѣ присутствуютъ при всѣхъ праздничныхъ богослуженіяхъ, принимая сами участіе въ чтеніи и пѣніи; ихъ пріучаютъ къ соблюденію всѣхъ обычаевъ и постовъ, установленныхъ православною церковью, съ внушеніемъ имъ чувства священнаго уваженія къ ея постановленіямъ. Курсъ ученія раздѣленъ на три двухгодичные класса.

Относительно пріученія воспитанницъ къ занятіямъ рукодѣльнымъ установленъ слѣдующій порядокъ: онѣ обучаются рѣшительно всѣмъ необходимымъ рукодѣльямъ и большею частью сами приго-

товляють всю нужную для себя одежду; пріучаются стирать бѣлье, катать и гладить его; поочередно дежуря, исправляють всѣ обязанности домашняго хозяйства, моють посуду, чистять разныя вещи, прислуживають за столомъ, стряпають на кухнѣ, пекуть хлѣбы, заготовляють въ прокъ провизію, приготовляють разные припасы изъ молока, исполняють всѣ работы въ саду и огородѣ, на скотномъ и птичномъ дворѣ, даже пріучаются жать, трепать ленъ и т. п.; вечеромъ дежурныя обязаны отдавать начальницѣ подробный отчеть о количествѣ употребленныхъ припасовъ съ обозначеніемъ ихъ цѣнности.

Одни изъ училищъ предназначены исключительно для дочерей духовенства, но въ другихъ дозволено принимать дочерей причетниковъ, и это главнымъ образомъ потому, что большинство училищъ, открытыхъ на мѣстныя епархіальныя средства, имѣють назначеніемъ быть нетолько учебными заведеніями, но также пріютами для призрѣнія безпомощныхъ сироть всего духовнаго сословія. Такимъ образомъ, заведенія этого послѣдняго рода принадлежать къ разряду благотворительныхъ учрежденій, и таковой ихъ характеръ отражается на самомъ ихъ устройствѣ: большею частію на ихъ содержаніе собраны скудныя средства; преподаватели наукъ, изъ членовъ мѣстнаго духовенства и учителей духовно-учебныхъ заведеній, исполняють свои обязанности безмездно, по одному усердію, или за самое ничтожное вознагражденіе; начальницѣ и воспитательницамъ положено до крайности малое жалованье; четыре училища устроены въ монастыряхъ и воспользовались готовымъ помѣщеніемъ. Во всѣхъ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія положено имѣть воспитанницъ на штатномъ содержаніи и своекоштныхъ пансіонерокъ, а въ нѣкоторыхъ еще приходящихъ ученицъ; въ четырехъ училищахъ допущено принимать пансіонерокъ и приходящихъ всякаго званія. Общее число воспитанницъ въ каждомъ заведеніи простирается оть 30 до 120.

Отличительная черта училищъ дѣвицъ духовнаго званія, дѣлающая ихъ столь выгодными и благодѣтельными для бѣднаго средствами духовенства, заключается въ назначеніи чрезвычайно дешевой платы за воспитаніе. Въ небольшомъ числѣ училищъ, преимущественно находящихся въ монастыряхъ, плата за содержаніе своекоштной воспитанницы пищею и одеждою назначена оть 25 до 40 руб. въ годъ, а во всѣхъ остальныхъ оть 50 до 60 рублей; въ облегченіе родителямъ допущено въ нѣкоторыхъ училищахъ принимать пансіонерокъ на своей одеждѣ, съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ количества платы. Если вспомнить, что за воспитаніе дѣвицъ въ свѣтскихъ институтахъ и въ пансіонахъ платится сотнями рублей, а съ приходящихъ дѣвицъ въ женскихъ гимназіяхъ берется за одно слушаніе уроковъ 40 руб. въ годъ, то благодѣяніе для духовенства оть учрежденія особыхъ дешевыхъ училищъ для воспитанія его дочерей и незамѣнимость этихъ училищъ никакими

другими общественными учебными заведеніями сдѣлаются очевидными.

Другая отличительная черта этихъ училищъ заключается въ томъ, что, частью изъ экономическихъ училищныхъ суммъ, частью изъ пожертвованныхъ на этотъ предметъ капиталовъ, всѣмъ окончившимъ курсъ воспитанницамъ дѣлается при ихъ выпускѣ приданое, и при вступленіи ихъ въ замужество за духовное лицо выдается денежное пособіе. Вспомоществованія этого рода составляютъ истинное и значительное благодѣяніе для бѣдныхъ семействъ. Первая мысль объ этомъ добромъ дѣлѣ и начало ея осуществленія принадлежатъ также благодушію Великой Княжны Ольги Николаевны: Ея Высочество изволила постановить о томъ въ уставѣ царскосельскаго училища и пожертвовать отъ себя этому заведенію 15000 руб. асс., для постояннаго употребленія процентовъ съ этого капитала въ награжденіе выпускнымъ воспитанницамъ.

Училища, состоящія подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, осыпаны благодѣяніями Ея Величества: по заботливому желанію Государыни улучшить ихъ положеніе, были увеличены штаты на ихъ содержаніе, устроены для нихъ удобныя зданія, дарованы различныя служебныя выгоды начальницамъ и воспитательницамъ этихъ заведеній; Ея Величество изволитъ постоянно жаловать разные предметы на училищныя церкви, библіотеки и воспитанницамъ, а при каждомъ выпускѣ изъ царскосельскаго училища 2000 руб., для распредѣленія между выходящими воспитанницами, соразмѣрно ихъ успѣхамъ и поведенію. Кромѣ годовыхъ отчетовъ, Ея Величеству благоугодно было получать изъ каждаго училища ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи и содержаніи воспитанницъ, а изъ царскосельскаго даже еженедѣльныя; на долю этого послѣдняго заведенія выпало особенное счастіе, и оно постоянно удостоивается многочисленными посѣщеніями своей Августѣйшей Благодѣтельницы.

Самая важная и достойная вниманія часть напечатанныхъ свѣдѣній объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія заключается въ описаніи плодовъ воспитанія въ этихъ заведеніяхъ. Представленныя по этому предмету свидѣтельства дѣйствительно составляютъ положительное доказательство; они заключаются въ фактахъ, приведенныхъ въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ училищныхъ и епархіальныхъ начальствъ, и въ помѣщенныхъ отрывкахъ изъ писемъ бывшихъ воспитанницъ къ прежнимъ ихъ воспитательницамъ. Изъ совокупнаго содержанія этихъ свидѣтельствъ вытекаетъ убѣжденіе, что доставляемое въ этихъ училищахъ воспитаніе вполнѣ достигаетъ предназначенной цѣли: ихъ воспитанницы проникаются чувствомъ христіанской вѣры, правилами религіозной нравственности, сознаніемъ долга къ ближнимъ и обществу, глубокою и трогательною благодарностью къ ихъ Августѣйшей Благодѣтельницѣ и ко всѣмъ бывшимъ ихъ благотворителямъ и воспитателямъ, и ревностнымъ желаніемъ доказать эту благодарность на дѣлѣ; онѣ вносятъ бла-

годѣтельное вліяніе просвѣщенія и почерпнутыхъ ими разнообразныхъ свѣдѣній въ свой семейный бытъ, и нетолько въ одномъ нравственномъ отношеніи, но и въ матеріальномъ, исполняя собственными руками даже самыя тяжелыя хозяйственныя и полевыя работы. Особенно замѣчательны и благотворны ихъ усердіе и труды къ обученію крестьянскихъ дѣтей и къ распространенію между лицами всѣхъ возрастовъ простаго народа правилъ религіозной нравственности и сознательныхъ понятій о христіанскомъ ученіи. Нимало не удивительно послѣ этого, что крестьяне нѣкоторыхъ селъ Ярославской губерніи обращались съ просьбою о назначеніи къ нимъ священника, женатаго на воспитанницѣ ярославскаго училища, а также, что число поступающихъ прошеній отъ священниковъ, даже отъ самыхъ бѣдныхъ, о принятіи ихъ дочерей своекоштными пансіонерками въ эти училища, далеко превышаетъ положенное штатное число воспитанницъ. Въ четырехъ первоначально учрежденныхъ училищахъ было положено имѣть на половину воспитанницъ штатныхъ и своекоштныхъ; но вслѣдствіе значительнаго числа прошеній о помѣщеніи дѣвицъ на собственномъ содержаніи, послѣдовало въ 1858 году разрѣшеніе сокращать, по мѣрѣ надобности, число казеннокоштныхъ воспитанницъ, съ увеличеніемъ пріема пансіонерокъ. Вслѣдствіе этого дозволенія, въ настоящее время состоитъ въ этихъ четырехъ училищахъ 48 казеннокоштныхъ воспитанницъ и 235 своекоштныхъ. Это обстоятельство убѣдительно доказываетъ, что учрежденіе особыхъ благоустроенныхъ и дешевыхъ училищъ для образованія дѣвицъ духовнаго происхожденія вполнѣ соотвѣтствовало существенной потребности духовенства, и что доставляемое въ нихъ воспитаніе пріобрѣло его довѣріе.

Чрезвычайно жаль, что объемъ журнальной статьи не дозволяетъ перепечатать цѣликомъ послѣднюю главу изданной, по распоряженію Графа Д. А. Толстаго, и упомянутой выше книги, гдѣ именно говорится о воспитаніи дѣвицъ духовнаго званія: содержаніе этой главы въ высшей степени любопытно и назидательно, а помѣщенные отрывки изъ писемъ воспитанницъ производятъ истинно-отрадное и утѣшительное впечатлѣніе(*).

Ознакомясь съ этими свѣдѣніями, остается вполнѣ согласиться съ справедливостью выведенныхъ изъ нихъ слѣдующихъ заключеній:

Эти училища образовали разсадникъ самыхъ полезныхъ, ревностныхъ и безкорыстныхъ дѣятельницъ на поприщѣ научнаго, нравственнаго и христіанскаго просвѣщенія нашего простаго народа, т. е. непосредственныхъ исполнительницъ того великаго дѣла, которое составляетъ основу и залогъ преуспѣянія, благоденствія и могущества государства. Какія изъ числа всѣхъ прочихъ существующихъ у насъ воспитательныхъ женскихъ заведеній могутъ

(*) Эту главу мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ «Вѣстника». *Ред.*

быть сравнены, по приносимымъ ими плодамъ, съ этими училищами? Исполненіе обязанности наставницъ въ сельскихъ школахъ представляетъ воспитанницамъ женскихъ духовныхъ училищъ достойное поприще дѣятельности на пользу народа; при томъ твердомъ и основательномъ религіозномъ воспитаніи, которое онѣ получаютъ, никто не можетъ быть полезнѣе ихъ въ этомъ дѣлѣ, и онѣ съ готовностію принимаютъ на себя исполненіе сопряженнаго съ нимъ труда, тогда какъ воспитанницы дворянскихъ институтовъ и городскихъ пансіоновъ никогда не согласятся и неспособны поселиться въ деревнѣ, чтобы быть наставницами крестьянскихъ дѣтей, къ тому же безмездно или за самое ничтожное вознагражденіе.

Вотъ новая сторона, несомнѣнно открывающая на дѣлѣ ту важную пользу, тѣ благотворные плоды, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ учрежденія и распространенія, подъ *наблюденіемъ духовнаго вѣдомства, особыхъ* училищъ для воспитанія дочерей духовенства.

...ЕРЖАНІЕ 8-й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 18⁶⁵/₆₆ ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.